

Д.В. Стрельцов

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

ЯПОНИИ

В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ

РЕГИОНЕ

Российская академия наук
Институт востоковедения
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России

Д.В. Стрельцов

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРИОРИТЕТЫ
ЯПОНИИ
В
АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКОМ
РЕГИОНЕ**

Москва
Наука — Восточная литература
2015

УДК 327(520)
ББК 66.4(5Япо)
С84

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 15-01-16046*

Стрельцов Д.В.

Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Д.В. Стрельцов ; Ин-т востоковедения РАН ; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. — М. : Наука — Вост. лит., 2015. — 279 с. — ISBN 978-5-02-036591-9

Монография посвящена тем направлениям политики Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которым Токио придает наиболее важное значение. Большое внимание уделено внешнеполитическому процессу, в частности его субъектам и особенностям функционирования отдельных внешнеполитических институтов. Рассматриваются курс Токио в сфере военной безопасности в АТР, проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с восточно-азиатскими странами, конфликт с Китаем из-за островов Сэнкаку/Дяоюйдао, а также проблемы участия Японии в группировках экономической интеграции в АТР. Особое место в работе отводится отношениям Японии с Россией, включая вопрос о территориальном размежевании.

ISBN 978-5-02-036591-9

© Стрельцов Д.В., 2015
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика Японии после Второй мировой войны всегда привлекала к себе внимание с учетом политического и экономического веса этой страны в международных отношениях. Особый интерес вызывает курс Токио в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Это объясняется традиционно значимым местом стран АТР во внешней политике Японии, а также повышением их роли в мировой политике и экономике. После войны азиатско-тихоокеанское направление, в рамках которого Страна восходящего солнца строила свои отношения со странами Восточной Азии, а также США и Россией, стало для Японии одним из магистральных.

Учитывая это, целесообразно посмотреть на то, какие основные этапы прошла внешняя политика послевоенной Японии в АТР и попытаться сформулировать комплекс научных проблем, связанных с данной тематикой, сосредоточившись на ключевых моментах.

Как известно, Япония обрела статус субъекта международных отношений в результате заключения мирного договора на международной конференции в Сан-Франциско, состоявшейся 4–8 сентября 1951 г. На конференцию, в которой приняли участие 52 страны, не были приглашены представители Китая и Тайваня, по разным причинам отсутствовали представители Индии и Бирмы.

8 сентября Сан-Францисский мирный договор был подписан представителями 49 стран. СССР прислал свою делегацию, но отказался ставить свою подпись под договором, во многом из солидарности с отсутствовавшим на конференции коммунистическим Китаем, который на тот момент был его стратегическим союзником. Советский

представитель заявил на пресс-конференции, что Москва рассматривает договор как сепаратный.

Договор содержал декларацию о прекращении состояния войны, аннулировал результаты японской агрессии на Тихом океане. Вопрос о репарациях решался в необременительном для Японии порядке. Япония признала независимость Кореи, отказалась от всех прав на Формозу (Тайвань), Пескадорские острова, а также от прав и претензий на Курильские острова и часть Сахалина, суверенитет над которыми она приобрела по Портсмутскому мирному договору. Вместе с тем в тексте договора не было упомянуто, в чью пользу Япония отказывается от этих территорий, что в дальнейшем Токио стал использовать в качестве одного из аргументов для обоснования своей позиции в территориальном споре с Москвой.

Поскольку СССР и ряд крупнейших азиатских стран (КНР, Индия и Бирма) договор не подписали, юридически состояние войны с Японией для них прекращено не было, а решение проблемы мирного урегулирования переносилось на уровень двусторонних отношений. В договоре была провозглашена готовность Японии к заключению мирных договоров с другими странами в основном на таких же условиях, что и Сан-Францисский мирный договор, хотя это обязательство было ограничено трехлетним периодом.

Одновременно с Сан-Францисским мирным договором Япония подписала Договор безопасности с США. В преамбуле договора говорилось, что Япония желает, чтобы США в течение определенного времени содержали на ее территории вооруженные силы для предотвращения вооруженного нападения. Предусматривалась возможность их использования не только для «поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке», но и для подавления по просьбе японского правительства внутренних беспорядков в стране. Одна из статей договора запрещала Японии предоставлять без согласия США военные базы третьим странам.

В подписанном в январе 1952 г. Административном соглашении оговаривались конкретные условия размещения американских войск, которые получили право создавать свои военные базы в любых районах Японии, использовать объекты гражданской инфраструктуры. Американским военнослужащим и их семьям предоставлялось право экстерриториальности (вскоре, однако, под давлением японской общественности на дислоцированных в Японии американских военных наряду с юрисдикцией США была распространена и юрисдикция Японии).

Подписание Японией мирного договора возвращало ее в систему международных отношений в качестве полноправного субъекта. Ок-

купационный период закончился. В рамках Договора безопасности Япония становилась одним из ключевых союзников Вашингтона на Тихом океане, с которыми США заключили договоры в рамках доктрины «сдерживания коммунизма». Вместе с тем особенность договора с Японией заключалась в том, что последняя, в отличие от прочих союзников США (Южной Кореи, Филиппин, Австралии и Новой Зеландии), не несла обязательств по защите американской территории, будучи связанной конституционными ограничениями на отправку войск за рубеж.

В 1950-е годы в Японии была успешно опробована концепция государственной политики, получившая название «доктрины Ёсида» — по имени одного из наиболее известных премьер-министров Японии послевоенного периода Сигэру Ёсида, возглавлявшего несколько кабинетов в 1949–1954 гг. Ее суть заключалась в том, что Япония должна с максимальной выгодой использовать те внешнеполитические условия, в которых она оказалась после подписания Договора безопасности, для решения задач экономического развития. Концепция базировалась на двух основополагающих принципах: приоритетном развитии национальной экономики и сознательном отказе от активного военного строительства. Речь шла о том, что в условиях военно-политического союза с США, дававшего Японии определенные гарантии от внешнего нападения, она могла высвободить существенные ресурсы, которые в противном случае ей пришлось бы направить на нужды обороны, и пустить их на решение задач мирного развития.

«Доктрина Ёсида» предполагала, что Япония не будет строить свою внешнюю политику при опоре на военный потенциал, как это делали большинство стран мира, а станет проводить за рубежом активную внешнеэкономическую стратегию, обеспечивая свой международный авторитет путем создания образа мирной и демократической страны. Реализации данной стратегии способствовали мирные положения японской Конституции, позволявшие Японии отказываться от военного вклада в союз с Америкой. Стоит отметить, однако, что конституционные ограничения не помешали Токио взять при поддержке Вашингтона курс на воссоздание вооруженных сил. В 1953 г. на базе Резервного полицейского корпуса были организованы Силы самообороны, которые в дальнейшем превратились в одну из наиболее технически оснащенных, хотя и не очень многочисленных, армий мира.

В том, что Япония в рамках «доктрины Ёсида» сделала ставку на США, заключался глубокий смысл. Это был сознательный выбор

в пользу либеральной модели капиталистического развития, членства в западном сообществе, лидером которого являлись Соединенные Штаты. Однако положения Договора безопасности 1951 г., касающиеся возможности использовать американские войска для подавления внутренних беспорядков в Японии, экстерриториальности американских военнослужащих, права США без консультаций с японским правительством осуществлять масштабные изменения в структуре размещенных в Японии войск и их вооружениях, вызывали большое недовольство общественности, которая справедливо рассматривала их как ущемляющие суверенитет страны.

После длительных переговоров 19 января 1960 г. был подписан новый Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности (далее — Договор безопасности). Договор сохранил асимметричность обязательств сторон: согласно ст. 5, обе они должны предпринимать действия по отражению вооруженного нападения только на территорию, находящуюся под юрисдикцией Японии. США сохранили за собой право на размещение в Японии своих войск. Система односторонних обязательств США по защите Японии (в том числе и с использованием ядерного потенциала) в дальнейшем получила известность как доктрина «ядерного зонтика». Вместе с тем договор приобрел более равноправный характер: были устранены все упомянутые дискриминационные для Японии положения и введен 10-летний срок действия (предыдущий договор был бессрочным). В дальнейшем развитие договора шло в направлении усиления военного компонента и принятия Японией все большей доли военных обязательств в рамках взаимодействия с США.

После подписания договора в Японии развернулось общественное движение против его ратификации, многотысячные демонстрации выплеснулись на улицы крупнейших японских городов. Ратификацию договора удалось провести только после вмешательства полиции и удаления из здания парламента депутатов оппозиционных партий. Японскому правительству даже пришлось отменить намеченный на лето 1960 г. визит в Японию президента США Д. Эйзенхауэра.

Со второй половины 1950-х годов Япония взяла курс на восстановление отношений с азиатскими странами, в которых сохранялась горькая память о японской оккупации. Нормализация отношений с азиатскими соседями сталкивалась с большими трудностями. С коммунистическим Китаем восстановление межгосударственных связей было невозможно в силу принятой западным блоком политики непризнания Пекина, хотя частные торговые контакты в ограниченном объеме начали развиваться. В 1952 г. Япония подписала мирный договор

с Тайванем, признав гоминьдановское правительство законным представителем китайского народа. Сложными были и отношения с Южной Кореей, правительство которой в одностороннем порядке объявило свой суверенитет над обширной зоной водного промысла вдоль берегов страны («линия Ли Сын Мана»), тогда как это был район традиционного промысла японских рыбаков. В результате двусторонние переговоры по заключению мирного договора были прерваны.

В 1957 г. премьер-министр Японии Н. Киси совершил два турне по странам Юго-Восточной и Южной Азии, в ходе которых он принес извинения за военные преступления и предложил открыть новую эру экономического и политического сотрудничества. Одновременно начали развиваться экономические связи со странами Азии. С 1950-х годов Япония в статусе донора стала участвовать в «Плане Коломбо» — программе экономического содействия развивающимся странам Азиатско-Тихоокеанского региона. Первое соглашение о содействии было подписано между Японией и Бирмой в 1954 г.

Важной внешнеполитической задачей, стоявшей перед Японией в середине 1950-х годов, было восстановление межгосударственных отношений с Советским Союзом. Это определялось необходимостью решения четырех основных проблем: 1) юридического оформления окончания состояния войны и мирного урегулирования, включая вопрос о территориальном размежевании; 2) подписания с СССР рыболовной конвенции, которая бы открыла японским рыбакам доступ к морским районам традиционного промысла; 3) вступления Японии в ООН (СССР, пользуясь правом вето в Совете Безопасности, блокировал его); 4) окончательной репатриации японских военнопленных, продолжавших оставаться в советских лагерях. Наибольшую трудность представлял поиск взаимоприемлемого компромисса по территориальному размежеванию. Токио занял жесткую позицию по вопросу о принадлежности Японии четырех островов Южно-Курильской гряды, включенных после Второй мировой войны в состав СССР. Предварительные переговоры, проходившие в 1955–1956 гг., зашли в тупик. При этом нахождению компромисса активно противодействовали американцы, заинтересованные в сохранении постоянного источника конфликта в отношениях между СССР и Японией. В августе 1956 г., т.е. в разгар переговоров, госсекретарь США Даллес направил главе японского правительства послание, в котором заявил, что, если Япония признает Южный Сахалин и Курильские острова частью СССР, Вашингтон навсегда откажется от передачи Японии суверенитета над Окинавой, где были размещены стратегические военные базы США.

Прорыва удалось достичь благодаря решительности премьер-министра И. Хатояма, который, несмотря на неблагоприятную для него внутривнутриполитическую обстановку, приехал в Москву. 19 октября 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, которая прекращала состояние войны между СССР и Японией. Между странами устанавливались дипломатические отношения. В ст. 9 декларации говорилось, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и принимая во внимание интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан, с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией.

Совместная декларация 1956 г. была ратифицирована японским парламентом и Верховным Советом СССР. В отсутствие мирного договора в течение всего послевоенного периода она продолжала служить единственным документом, имеющим соответствующее международно-правовое оформление и потому составляющим юридическую базу отношений Японии и СССР, а в постбиполярную эпоху — Японии и Российской Федерации, являющейся правопреемницей СССР. Все последующие решения правительств двух стран, принятые в одностороннем или двустороннем порядке (как, например, заявления советского правительства 1960 г. или ряд совместных деклараций в 1990-е годы), не подтверждены решениями законодательных органов власти и потому не могут рассматриваться наравне с декларацией.

К концу 1956 г. СССР в соответствии со своими обязательствами поддержал кандидатуру Японии в качестве нового члена ООН, что позволило ей не только войти в эту международную организацию, но и активно использовать ее для восстановления своих позиций на мировой арене. Япония неизменно декларировала принцип сотрудничества с ООН в качестве основополагающего принципа ее внешней политики и наращивала свою активность в этой организации, став впоследствии вторым после США ее финансовым донором.

Восстановление отношений с СССР позволило Японии решить и другие практические задачи в сфере двусторонних связей. Была подписана рыболовная конвенция, быстро завершён процесс репатриации военнопленных. В 1957 г. был подписан торговый договор. Однако прогресса на пути заключения мирного договора добиться не удалось, хотя накануне подписания декларации стороны согласились продолжить переговоры. Сразу после заключения японо-американского Договора безопасности 1960 г. советское правительство направило правительству Японии памятную записку, в которой СССР заявлял, что выполнение им обязательств по 9-й статье декларации возможно

только при условии вывода иностранных войск с территории Японии. Впоследствии СССР еще больше ужесточил свою позицию, заявив, что никакой территориальной проблемы в отношениях между двумя странами не существует.

В 1960-е годы продолжал укрепляться военно-политический союз Японии с Америкой. Заработал предусмотренный Договором безопасности механизм двусторонних консультаций по вопросам безопасности с участием глав оборонных и дипломатических ведомств двух стран. Токио был проинформирован о ситуации вокруг Карибского кризиса в 1962 г., о позиции США в связи с подписанием Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия (1963 г.).

В 1964 г. началась вьетнамская война, от которой Япония, будучи ключевым союзником Соединенных Штатов, не могла остаться в стороне. Военные заказы японским предприятиям не имели столь важного значения для японской экономики, как в период войны в Корее, однако Япония выполняла роль тыловой базы американских войск. Несмотря на массовые протесты оппозиции, выступившей против правительства единым фронтом (дело дошло даже до координации действий Коммунистической и Социалистической партий), кабинет министров разрешал заходы в японские порты американских авианосцев и атомных подводных лодок, закрывая глаза на то, что на борту многих из них находилось ядерное оружие. Вынуждено мириться было правительство и с тем, что базы американских ВВС использовались как стартовые площадки для бомбардировок Северного Вьетнама.

В то же время, учитывая внутривнутриполитическую ситуацию и наличие антивоенных ограничений в Конституции, Токио не стал открыто декларировать поддержку действий американцев, а уж тем более не отправил воинские контингенты в район боевых действий, как это сделали другие союзники США, например Южная Корея. В 1967 г. премьер-министр Японии Э. Сато, учитывая «ядерную аллергию» в обществе — память об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки — сформулировал «три неядерных принципа»: «не иметь», «не производить» и «не ввозить» ядерное оружие. В дальнейшем эти принципы были подтверждены несколькими парламентскими резолюциями, однако формы закона так и не приобрели. Более того, Япония долго не присоединялась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), открытому к подписанию в 1967 г. Япония подписала ДНЯО лишь в 1976 г., после того как США подтвердили свое намерение защищать Японию своим ядерным потенциалом.

После ухода в 1968 г. Л. Джонсона с поста президента США новая администрация Белого дома взяла курс на сворачивание военного

конфликта во Вьетнаме, постепенное сокращение военного присутствия США в Азии, переключившись на союзников многих обязанностей военного характера («гуамская доктрина Никсона»). Придавая Японии большое значение как ключевому военно-политическому союзнику, США приняли решение ускорить процесс передачи Окинавы под юрисдикцию Японии. После решения вопроса о выводе оттуда ядерного оружия в ноябре 1969 г. было подписано соглашение Э. Сато и Р. Никсона о передаче Японии Окинавы и распространении на острова Рюкю всех положений Договора безопасности. Сама церемония передачи состоялась в мае 1972 г.

Япония продолжала активную политику на азиатском направлении, отдавая приоритет тем странам, которые имели союзнические соглашения с США и входили в созданный с участием Японии Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК). В 1967 г. премьер-министр Э. Сато совершил поездку в Южную Корею, ряд стран Юго-Восточной Азии, а также Австралию и Новую Зеландию.

В июне 1965 г. после долгих переговоров был заключен японо-южнокорейский договор, согласно которому Токио и Сеул устанавливали между собой дипломатические отношения. Правительство Южной Кореи признавалось в качестве представителя всего корейского народа. Среди подписанных в ходе визита премьер-министра Э. Сато в Сеул документов были соглашения по рыболовству; по правовому статусу корейцев, проживающих в Японии; по южнокорейским претензиям по итогам японского колониального правления в Корее.

В отношении Китая японское правительство проводило в жизнь курс «отделения политики от экономики». В отсутствие межгосударственных отношений между двумя странами было подписано соглашение о торговле (известное как «соглашение Ляо–Такасаки») и поддерживались достаточно активные торгово-экономические связи. Однако с началом «культурной революции» в Китае рост товарооборота прекратился.

В феврале 1972 г. президент США Р. Никсон неожиданно совершил визит в Китай, в ходе которого была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между США и КНР. Это событие закрепились в японской историографии под названием «шок Никсона». То, что в противоположность сложившейся ранее практике американское руководство не поставило своих японских партнеров в известность о готовящемся визите, нанесло большой удар по престижу Японии, и ей пришлось спешно искать способы «сохранить лицо». Правительство ушло в отставку, а новому кабинету, который возглавил К. Танака, потребовалось предпринять немалые уси-

лия, чтобы сгладить неприятные для правящего лагеря внутривнутриполитические последствия «шока Никсона».

Реакция Токио проявилась в виде концепции «многосторонней дипломатии», за которой стояло стремление Японии проводить более независимую от США внешнеполитическую линию, основанную прежде всего на собственных интересах. Япония развила небывалую дипломатическую активность в различных частях света, особенно на Ближнем Востоке и в Африке. Были установлены дипломатические отношения с МНР, ГДР, СРВ.

В сентябре 1972 г. К. Танака нанес визит в Пекин, в ходе которого японская и китайская стороны договорились немедленно и в полном объеме восстановить межгосударственные отношения (здесь Япония пошла дальше Америки, которая сделала это только в 1979 г.). Японская сторона заявила о прекращении действия японо-тайваньского договора и о своем «полном понимании и уважении» позиции КНР, считающей Тайвань неотъемлемой частью территории Китая. В дальнейшем, когда Пекин настаивал, чтобы Япония ясно определила свою позицию относительно статуса Тайваня, японские представители отвечали, что Япония не может высказываться по данному поводу, поскольку Тайвань являлся японской колонией, а Япония по Сан-Францисскому мирному договору навсегда от него отказалась. Вместе с тем Токио принял меры, чтобы сохранить в неприкосновенности экономические связи с Тайванем, которые переводились на неправильный уровень.

Еще одним примером «многосторонней дипломатии» стали попытки активизировать политические контакты с Советским Союзом. В октябре 1973 г. К. Танака совершил поездку в Москву, где встретился с Л.И. Брежневым. В ходе этой первой с 1956 г. советско-японской встречи на высшем уровне прошло конструктивное обсуждение проектов совместной разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, ряда других вопросов экономического и культурного сотрудничества. Японская сторона пыталась навязать Москве свое видение сути территориальной проблемы, однако никаких результатов это не дало. Единственное, чего удалось добиться, — это согласие СССР на включение в текст совместного заявления фразы о наличии «нерешенных вопросов, оставшихся со времен Второй мировой войны».

В 1970–1980-е годы Япония продолжила политику укрепления связей с западным сообществом. В 1975 г. она вошла в состав участников ежегодных совещаний глав государств и правительств развитых стран Запада (формата, получившего название «Большая семер-

ка»). Япония стала использовать возможности данных встреч для координации действий с западными странами и отстаивания своих позиций по наиболее проблемным для нее вопросам, включая вопросы дефицита торговых балансов, валютно-финансового регулирования, преодоления последствий мирового энергетического кризиса и т.д.

В отношениях Японии с Соединенными Штатами усилилась взаимозависимость, обусловленная формированием взаимных экономических интересов. Положительное торговое сальдо Японии в торговле с Америкой достигло колоссального уровня. Новым для 1980-х годов явлением стало наращивание Японией капиталовложений в США, в том числе в объекты, имеющие для американцев стратегическое значение либо представляющие их национальное достояние. Это провоцировало рост алармистских настроений среди американцев, недовольных тем, что «японцы скупают Америку».

В военно-политической области продолжалось усиление стратегического взаимодействия с Вашингтоном. В 1978 г. стороны приняли «Руководящие принципы двустороннего сотрудничества в области обороны» — программный документ, который предусматривал активизацию совместного военного планирования, проведение совместных военных учений и иные формы сотрудничества двух стран на оперативно-тактическом уровне. Особенно активно японо-американское стратегическое взаимодействие стало развиваться с начала 1980-х годов. В оборот вошел тезис о «единстве судеб», впервые прозвучавший в ходе встречи премьер-министра Я. Накасонэ с президентом США Р. Рейганом. Японский премьер даже заявил в одном из своих выступлений, что Япония является «непотопляемым авианосцем» Соединенных Штатов. Несмотря на законодательный запрет экспорта вооружений, Япония включилась в принятую Америкой «стратегическую оборонную инициативу» — амбициозный план достижения военного превосходства над СССР за счет технологического прорыва в космической области. Наиболее заметным был вклад Японии в программу «звездных войн» в таких областях, как лазерное оружие, полупроводники, электронные системы управления и т.д.

Активно развивалась азиатская дипломатия Японии. В 1977 г. премьер-министр Японии Т. Фукуда, совершавший поездку по ряду стран ЮВА, обозначил в своих выступлениях ряд принципиальных положений политики Японии по отношению к региону, которые получили известность как «доктрина Фукуда». В частности, Т. Фукуда заявил, что Япония никогда больше не станет военной державой, сообщил о ее стремлении к достижению взаимного доверия и понимания с членами АСЕАН, обещал оказывать финансовую помощь этим

странам и содействовать развитию их сотрудничества с государствами Индокитая — Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей. В конце 1970-х годов Токио стал активно пропагандировать также концепцию «Тихоокеанского сообщества» — организации многостороннего сотрудничества в АТР с участием не только азиатских государств, но и Австралии, Новой Зеландии, а также тихоокеанских стран Латинской Америки.

С КНР отношения после 1972 г. стали динамично развиваться в сфере торговли, воздушного сообщения, судоходства и рыболовства. В августе 1978 г. Япония подписала Договор о мире и дружбе с Китаем. Стороны договорились решать все спорные вопросы мирными средствами, строить отношения на базе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

В ходе подготовки договора Китай, находившийся в состоянии идеологической и военно-политической конфронтации с Советским Союзом, добился от Японии согласия на включение в договор специальной «антигегемонистской статьи», гласившей, что стороны выступают против усилий любой страны или группы стран, направленных на установление гегемонии в Азии (эта статья имела антисоветскую направленность). По поводу территориального спора о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море, находящихся под административным контролем Японии, была достигнута компромиссная договоренность отложить его решение, отдав «на суд следующих поколений» (этот подход получил известность как «формула Дэн Сяопина»).

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. новое китайское руководство провозгласило курс на проведение экономических реформ и развитие внешнеэкономических связей. Это создало условия для активизации японо-китайских отношений в экономической области, которые, помимо торговли, с начала 1980-х годов стали развиваться по линии инвестиционного сотрудничества. Японское правительство включило Китай в список стран-получателей льготных иенных кредитов в рамках Официальной помощи развитию.

С Советским Союзом отношения строились по формуле «неразрывности политики и экономики». В результате достигнутых в 1973 г. договоренностей началась реализация ряда проектов в области освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока: нефтегазовых месторождений Сахалина, угольных месторождений Якутии, лесных ресурсов Дальнего Востока. Стабильно развивались культурные и

научные связи, было установлено прямое воздушное сообщение между Токио и Москвой.

Вместе с тем политический диалог был заморожен из-за нерешенности территориальной проблемы, а также обострения конфронтации между двумя противостоящими блоками. Негативное воздействие на общую атмосферу двусторонних отношений оказали ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., рост советско-американской гонки вооружений, проблемы, связанные с размещением ракет средней дальности в Европе. Особенно болезненно Япония реагировала на те события, которые, по ее оценке, непосредственно касались ее национальной безопасности: усиление советской военной группировки на Дальнем Востоке, размещение воинских частей на Южно-Курильских островах, а также ряд инцидентов в приграничных районах Японии. Например, большой резонанс в Японии имел угон советского военного самолета «МиГ-25» в Японию в 1976 г. («инцидент Беленко»), а также уничтожение советскими истребителями в 1983 г. южнокорейского пассажирского лайнера, совершавшего полет над советскими стратегическими объектами на Дальнем Востоке, на борту которого находилось несколько японских пассажиров. В официальной военной доктрине Сил самообороны прочно закрепился тезис о «советской военной угрозе».

В 1981 г. японское правительство объявило 7 февраля — годовщину подписания Симодского трактата 1855 г., установившего российско-японскую границу между островами Уруп и Итуруп, — «Днем северных территорий». В стране была развернута массовая кампания по сбору подписей за «возвращение исконных японских земель», а премьер-министр Японии ввел практику «посещения северных территорий» — осмотра островов Южно-Курильской гряды в бинокль с борта корабля или самолета. После прихода к власти Я. Накасонэ и объявления им политики «подведения итогов войны» Токио интенсифицировал усилия по оказанию давления на СССР, рассматривая территориальную проблему как одну из «нерешенных проблем Второй мировой войны». В 1988 г. на встрече «Большой семерки» в Торонто Япония впервые попыталась привлечь на свою сторону в территориальном споре с СССР западных партнеров.

В 1990–2010-е годы во внешней политике Японии более активно проявлялась линия на повышение политического веса страны в решении глобальных проблем, в связи с чем в ее внешнеполитическом инструментарии стал усиливаться военный компонент. В 1991 г. во время войны в Персидском заливе Япония избежала прямого вовлечения в боевые действия, ограничившись крупным финансовым вкладом

в пользу антииракской коалиции. Однако «дипломатия чековой книжки» вызвала критику со стороны союзников, недовольных нежеланием Японии рисковать жизнями своих солдат. В 1992 г. вступил в силу закон о миротворческих операциях, позволивший направлять за пределы Японии контингенты Сил самообороны для участия в военных операциях ООН за рубежом. В результате Япония смогла участвовать в миротворческих миссиях в Камбодже, Мозамбике, Восточном Тиморе и других странах.

Война с террором открыла новые возможности для проведения более активной политики Токио в сфере безопасности. Были утверждены законы, на основании которых Япония смогла принять участие в 2001–2009 гг. в операциях по тыловой поддержке операций анти-террористической коалиции в Ираке и Афганистане. Немедленно после событий 11 сентября 2001 г. кабинет Коидзуми провел через парламент пакет законов, позволивших использовать Силы самообороны в Индийском океане для поддержки действий антитеррористической коалиции в Афганистане. В декабре 2003 г. парламент одобрил новую законодательную инициативу, сделавшую возможным отправку Сил самообороны в Ирак для участия в гуманитарной миссии.

В 2004–2007 гг. Япония развернула в г. Самава на юге Ирака сухопутные контингенты Сил самообороны для проведения строительных работ и реализации гуманитарных проектов, а воздушные Силы самообороны осуществляли доставку в Ирак гуманитарных грузов и людей. В Афганистане миссия Японии заключалась в дозаправке в Индийском океане топливом и питьевой водой судов коалиции. С приходом к власти Демократической партии Японии (ДПЯ) в сентябре 2009 г. данная миссия была свернута, во многом по причине того, что демократы утверждали в своих предвыборных программах необходимость ограничить участие страны в миротворческих операциях теми, что реализуются с санкции ООН. В рамках ооновской дипломатии по борьбе с пиратством Япония в марте 2009 г. направила несколько эсминцев, а также разведывательных судов к побережью Восточной Африки.

Одновременно Япония проявляла большую активность в выдвижении инициатив в деле решения глобальных проблем, в частности в области ядерного разоружения, потепления климата, развития социальной и экономической инфраструктуры в беднейших странах мира. В качестве неядерной державы, несущей моральные обязательства как единственной пострадавшей от применения атомного оружия, Япония продолжала линию на укрепление режима ДНЯО и последовательно добивалась прогресса в области ядерного разоружения. Во

второй половине 1990-х годов, провозгласив цель добиться статуса «зеленой сверхдержавы», она стала одним из организаторов движения за подписание Киотского протокола — международного соглашения о сокращении эмиссии парниковых газов. Япония играла важную роль в системе Официальной помощи развитию, используя которую она стремилась укрепить свои экономические и политические позиции в развивающихся странах, особенно в Восточной Азии. Однако с середины первого десятилетия 2000-х годов в связи с переживаемыми финансово-экономическими трудностями Япония стала уступать свои позиции в ОЭСР другим странам Запада.

Краеугольным камнем внешней политики Японии в постбиполярный период продолжал оставаться японо-американский военно-стратегический союз. Токио исходил из того, что военные базы США в Восточной Азии служат стабилизирующим фактором для региональной системы международной безопасности, которая столкнулась с рядом новых угроз, связанных, в частности, с военным подъемом Китая, разработкой КНДР ядерного оружия, обострением давних территориальных споров между странами-соседями и т.д. Вместе с тем вследствие сокращения американского военного присутствия в АТР Япония стала брать на себя в рамках союза более значительный объем военных функций.

Новые тенденции в развитии союза были зафиксированы в принятых в 1997 г. «Руководящих принципах японо-американского сотрудничества в области обороны», в основу которых был положен ситуативный подход к обеспечению безопасности. В соответствии с этим документом в сферу действия совместной ответственности сторон входит не только территория самой Японии, но и прилегающий к ней обширный регион, включающий морские акватории Восточной Азии к северу от Филиппин и Тайваня, а также Корейский полуостров. С начала 2000-х годов Япония взяла курс на создание совместной с Соединенными Штатами системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), направленной, по официальным заявлениям Токио, на нейтрализацию угроз, связанных с северокорейской ядерной программой.

Одновременно модифицировалась и правовая база японо-американского военно-стратегического сотрудничества. В связи с участием Японии в ПРО ТВД были ослаблены запреты, касающиеся экспорта оружия и передачи за рубеж военных технологий. В 2008 г. был принят закон, разрешающий Японии участвовать в разработке космического оружия. Правящая Либерально-демократическая партия Японии (ЛДП) неоднократно поднимала вопрос о пересмотре мирной Консти-

туции, однако позиция общественного мнения не позволила консерваторам начать процедуру пересмотра. В конце 2010 г. в Японии были опубликованы «Основные направления Программы национальной обороны», в которых декларировался переход от «базовой» к «динамичной» обороне с целью обеспечить более гибкий ответ на внешние военные угрозы.

После прихода к власти в сентябре 2009 г. администрации Демократической партии Японии (ДПЯ) внешнеполитическая доктрина страны во многом утратила идеологическую подоплеку и стала более прагматичной. В 2009 г. премьер-министр Ю. Хатояма заявил о новой философии внешней политики — *юай* («дружба и братство»), базирующейся на идеях отказа от конфронтации и построения гармоничного мира. Хатояма выступил с концепцией Восточноазиатского сообщества (ВАС), члены которого станут налаживать сотрудничество в таких областях, как экономика, защита окружающей среды, борьба со стихийными бедствиями и т.д. В основе концепции лежит идея о том, что институализация экономического сотрудничества в Восточной Азии позволит обеспечить последней необходимый экономический динамизм, а также более активное участие региона в формировании мирового экономического порядка. Однако к середине 2010 г. стало ясно, что идею ВАС по разным причинам не поддерживают ведущие страны региона, видя в ней попытку Японии закрепить свое лидерство. После прихода к власти кабинета ДПЯ, возглавляемого Н. Кан, большую значимость приобрел вопрос об участии Японии в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) — торговом соглашении с участием Сингапура, Брунея, Новой Зеландии и Чили, которое стало рассматриваться японским руководством как фундамент будущей зоны свободной торговли всего АТР. В марте 2013 г. кабинет министров Абэ, сформированный уже ЛДП, официально объявил о подключении к переговорам о ТТП. В октябре 2015 г. соглашение о вступлении ТТП в силу было, наконец, подписано.

В региональной политике Токио особое место традиционно занимала Восточная Азия. С 2002 г. Япония взяла курс на заключение со странами региона соглашений о свободной торговле (ССТ) и об экономическом партнерстве (СЭП) на двусторонней и многосторонней основе. Соглашения были заключены с Сингапуром, Малайзией, Филиппинами, Индонезией и другими странами ЮВА, а также с блоком АСЕАН. Япония строила свою позицию на необходимости создания в Восточной Азии многосторонних механизмов региональной интеграции, основанных на принципах «открытого регионализма», согласно которым сотрудничество между восточноазиатскими странами

должно осуществляться в интересах предотвращения регионального сепаратизма, т.е. с упором на интересы глобального экономического сотрудничества.

Процесс становления новых форматов восточноазиатской интеграции характеризовался в 2000-е годы ужесточением японо-китайского соперничества за лидерство. Во многом по инициативе Японии, озабоченной претензиями Китая на руководящую роль в многосторонних структурах, в число участников «восточноазиатских саммитов» в 2005 г. были включены Австралия, Новая Зеландия и Индия, членство которых было призвано «разбавить» китайское влияние. В 2007–2008 гг. Япония попыталась придать идеям восточноазиатской интеграции политическое звучание, выступив с концепцией «дуги свободы и процветания»¹. Токио взял курс на параллельное участие во всех группировках, рассчитывая таким образом компенсировать недостатки каждого из подобных объединений.

В двусторонних отношениях с основными азиатскими партнерами у Японии продолжали сохраняться противоречия и проблемные точки. Причиной острого недовольства Китая, Южной Кореи и других стран Восточной Азии в 2002–2006 гг. стали визиты японских официальных лиц в храм Ясукуни. В этом храме, как считается, покоятся души японских военнослужащих, в том числе и тех, кто был осужден за военные преступления на территории государств, подвергшихся в годы Второй мировой войны японской агрессии. Роль раздражителя играла также «проблема учебников»: недовольство ряда стран, пострадавших от японской агрессии, вызвало издание при одобрении властей учебников истории для средней школы, в которых отсутствует однозначная оценка агрессивной политики Японии в период Второй мировой войны.

Для японо-китайских отношений было характерно их волнообразное развитие, т.е. поочередная смена периодов потепления и похолодания в политической сфере при активном развитии экономических связей (формула «в экономике горячо, в политике холодно»). В первой половине 2010-х годов (с 2001 г. вплоть до ухода Д. Коидзуми в отставку с поста премьер-министра в 2006 г.) преобладала тенденция к охлаждению политических отношений, вызванная жесткой ре-

---

¹ По мысли Токио, «дуга» из «демократических стран», к числу которых Япония относила Индию, Австралию, Новую Зеландию, а также страны Юго-Восточной Азии, входящие в систему стратегических союзов с Америкой, должна «огибать» (т.е. сдерживать) те государства, которые не вполне отвечали западным ценностям свободы, демократии, базовых прав человека, рыночной экономики и т.д. (к числу последних в Токио относили прежде всего КНР, а также, по мнению некоторых экспертов, и Россию).

акцией КНР на посещение главой японского правительства храма Ясукуни, вплоть до отмены согласованных встреч на высшем уровне и замораживания политического диалога. С 2006 г. японское руководство отказалось от посещения Ясукуни и взяло курс на восстановление отношений с Пекином, кульминацией которого стало подписание 7 мая 2008 г. председателем КНР Ху Цзиньтао и премьер-министром Японии Я. Фукуда заявления о всестороннем развитии стратегических взаимовыгодных связей. Период потепления продолжился с приходом администрации ДПЯ, генеральный секретарь которой Итиро Одава возглавил в декабре 2009 г. крупнейшую в истории делегацию из 600 японских бизнесменов и политиков в Китай.

Однако с осени 2010 г. в двусторонних отношениях наметился новый кризис, вызванный обострением территориального конфликта вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао. 7 сентября 2010 г. корабли японской береговой охраны задержали китайский рыболовецкий траулер, ведший промысел в японских территориальных водах в районе островов Сэнкаку. Под давлением китайской стороны, выступившей с резкими протестами, экипаж траулера был депортирован в КНР, избежав уголовной ответственности за нарушение границы. В свою очередь, китайская сторона предприняла ряд мер, которые были расценены в Японии как недружественные, в частности были арестованы несколько японских бизнесменов, усложнены процедуры по экспорту редкоземельных металлов в Японию. В результате данного конфликта в Японии усилились алармистские настроения в отношении китайской угрозы для безопасности страны, что усилило позиции той части внешнеполитического истеблишмента, которая ориентируется на укрепление военно-стратегического сотрудничества с США.

Большие сложности для японской дипломатии представляла в 1990-е — первом десятилетии 2000-х годов ситуация на Корейском полуострове. С Южной Кореей отношения у Японии развивались в целом позитивно, хотя вышеупомянутые проблемы Ясукуни и учебников омрачали политический климат. Несмотря на рост товарооборота, между двумя странами сохранялись торгово-экономические противоречия, не позволившие им заключить соглашение о свободной торговле. С конца первого десятилетия 2000-х годов наметилась тенденция к установлению взаимодействия двух стран в сфере обороны.

На фоне форсированной реализации КНДР с первой половины 1990-х годов ракетно-ядерной программы в Японии нарастало ощущение прямой военной угрозы, во многом объяснявшееся фактором географической близости (территория Японии находится в прямой досягаемости для северокорейских ядерных ракет). Существенное

влияние на позицию Японии оказывала также «проблема похищенных». Речь идет о нескольких десятках японских граждан, похищенных северокорейскими спецслужбами в 1970–1980-е годы. Некоторые из них, по мнению Японии, продолжают против своей воли удерживаться в КНДР.

В первой половине 2010-х годов Япония пыталась решить «проблему похищенных» в ходе диалога на высшем уровне. Дважды (в 2002 и 2004 гг.) в Пхеньян наносил визит премьер-министр Японии Д. Коидзуми, который в ходе встреч с Ким Чен Иром добился возвращения в Японию одной из семей похищенных, а также части останков умерших в КНДР японских граждан. Кроме того, Токио стремился придать данной проблеме международное звучание, безуспешно предпринимая неоднократные попытки внести ее в повестку дня шестисторонних переговоров по корейской проблеме и иных международных форматов. Постепенно по отношению к Пхеньяну возобладала линия на «силовое дожимание» северокорейского режима путем сворачивания диалога и ужесточения экономических санкций. Особенно эти санкции, предусматривающие не только запрет на торговлю, но и ограничение на денежные переводы в КНДР², усилились после проведенных Пхеньяном в 2006 и 2009 гг. ядерных испытаний.

В 1990-е — первом десятилетии 2000-х годов активно развивался регулярный диалог на высшем уровне с Россией. Начало этому процессу положил визит президента СССР М.С. Горбачева в Японию в апреле 1991 г. В совместном советско-японском заявлении от 16 апреля 1991 г. признавалось существование территориальной проблемы, подчеркивалась необходимость ее решения как необходимого условия для заключения мирного договора, вводился безвизовый режим посещения спорных территорий. При этом в декларации поименно назывались все четыре острова, ставшие объектом спора.

В ходе визита президента РФ Б.Н. Ельцина в Японию в октябре 1993 г. была принята Токийская декларация, в которой подтверждалось намерение сторон добиваться скорейшего заключения мирного договора путем решения территориального вопроса на основе выработанных между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости. Во второй половине 1990-х годов японская сторона стала придерживаться позиции отделения территориального вопроса от иных аспектов двусторонних отношений с Россией. Особенно потепление политического климата между двумя странами намечилось при премьер-министре Р. Хасимото, который провозгла-

---

² Это ограничение связано с наличием в Японии многочисленной корейской общины, ориентирующейся на КНДР.

сил доктрину «евразийской дипломатии», акцентировавшую внимание на Россию и центральноазиатские республики. Между лидерами Японии и России установились личные доверительные отношения, прошла серия встреч, в том числе и в неформальной обстановке («встречи без галстуков»). Во время визита японского премьер-министра в Россию в 1998 г. была подписана Московская декларация, в которой ставилась задача строительства отношений созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией.

В марте 2001 г. во время встречи президента России В.В. Путина с премьер-министром Японии Ё. Мори была принята Иркутская декларация, в которой признавалось основополагающее юридическое значение для переговоров о мирном договоре Совместной советско-японской декларации 1956 г. Однако с приходом в 2001 г. к власти кабинета Д. Коидзуми Япония заняла жесткую позицию, в соответствии с которой Токио соглашался обсуждать судьбу островов Хабомаи и Шикотан только в едином пакете с островами Кунашир и Итуруп, притом что к вопросу о сроках и условиях их передачи Япония выражала готовность «подходить гибко».

Активно развивались торгово-экономические связи. Россия для Японии являлась важнейшим экономическим партнером, поставщиком энергетических ресурсов, цветных металлов, морепродуктов, леса, топлива для атомной промышленности, а также других сырьевых товаров, имеющих стратегическое значение. В 2007 г. японская автомобилестроительная компания «Тойота» построила под Санкт-Петербургом первый в России автосборочный завод, после чего к строительству собственных сборочных мощностей в России приступили все основные автопроизводители Японии. С 2009 г. Россия стала одним из ключевых поставщиков сжиженного газа в Японию.

Однако по вопросу о территориальном размежевании японская сторона продолжала проявлять жесткость и неуступчивость. В принятой летом 2009 г. японским парламентом резолюции говорилось о «незаконной оккупации» островов. Очередной эмоциональный всплеск наблюдался в связи с состоявшейся 1 ноября 2010 г. поездкой президента России Д.А. Медведева на остров Кунашир, которая была охарактеризована Японией как шаг, «осложняющий» двусторонние отношения. Неоднократно, в том числе и на высшем уровне, Россия подтверждала свою готовность продолжать поиск взаимоприемлемого решения проблемы мирного договора, включая и ее пограничный аспект.

В конце 2012 г. к власти в Японии пришла Либерально-демократическая партия, которая получила в нижней палате парламента уве-

ренное большинство. Она продолжила курс на укрепление военно-политического союза с Соединенными Штатами. В 2013–2014 гг. состоялся обмен визитами первых лиц двух государств, не прекращался активный диалог в военно-стратегической области, усилилось взаимодействие двух стран на международной арене. Токио удалось добиться от Вашингтона более определенных обязательств, касающихся сдерживания Китая в контексте той угрозы, которая стала ощущаться в Японии в связи с инцидентами вокруг островов Сэнкаку. Одновременно во внешнеполитическом курсе Токио произошел явный поворот в сторону усиления националистического начала. В декабре 2013 г. состоялся визит Абэ в храм Ясукуни, активизировался курс на военное строительство. Летом 2014 г. кабинет министров выступил с новой трактовкой права на коллективную самооборону, в соответствии с которой возможности использования Сил самообороны за пределами страны были существенно расширены.

В послевоенный период Япония прошла большой путь — от страны, проигравшей в войне и лежавшей в руинах, до процветающего демократического государства, одного из несомненных политических и экономических лидеров регионального и глобального уровня. В военно-политической области опорой внешней политики Токио в мире в целом и регионе в частности служил союз с Соединенными Штатами. В условиях биполярности Япония существовала в парадигме холодной войны как часть западного мира, противостоящего коммунистическому блоку.

Особую исследовательскую проблему представляют институциональные основы японского внешнеполитического курса в АТР, а именно особенности внешнеполитического процесса в послевоенной Японии, механизм формулирования и реализации внешнеполитических приоритетов страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Исследование внешнеполитического процесса требует понимания извечной диалектической связи между его внешними и внутренними факторами. В Японии повышению роли внутренних факторов способствовало, в частности, то обстоятельство, что внешнеполитические интересы формировались в контексте потребностей внутреннего развития, связанных прежде всего с необходимостью экономического роста и комплексного обеспечения национальной безопасности.

Существует «классический» инструменталистский подход к исследованию проблематики внешнеполитического процесса, который базируется на приоритете нормативно-правового и функционального начал при рассмотрении отдельных элементов субъектной базы. Речь идет о конституционно-правовых основах политического строя, осо-

бенностях функционирования отдельных внешнеполитических институтов, как инкорпорированных в общую систему государственного управления, так и относящихся к сфере гражданского общества. Данный метод позволяет уяснить ту конкретную роль, которую играют во внешнеполитическом процессе его акторы: премьер-министр, правительство и отдельные его представители, парламент, неправительственные организации, общественное мнение, академические круги и экспертное сообщество, средства массовой информации, регионы.

Инструменталистский метод позволяет исследовать внешнеполитический процесс через понимание правовых основ деятельности министерств и ведомств (Конституция, законы и подзаконные акты), участвующих в формировании и реализации внешнеполитического курса, и их организационных особенностей. Большое значение имеет также анализ концептуальных документов, определяющих внешнеполитические интересы и ставящих конкретные цели перед разными структурами государственной власти. В результате становится возможным выстроить общую схему внешнеполитического процесса и проследить логические связи между отдельными его акторами.

Вместе с тем инструменталистский подход имеет существенные ограничения, связанные в первую очередь с тем, что он не обеспечивает понимания внутренней мотивации процесса принятия решений, не позволяет уяснить его внутреннюю логику, которая не обязательно замыкается на организационно-правовые аспекты политического процесса.

Следует выделить те особенности политической системы послевоенной Японии, которые напрямую связаны с темой внешнеполитического процесса. Специфика Японии во многом вытекает из преобладания исполнительной власти и гипертрофированной роли государства в политической системе страны. В этой связи на первый план выходит технологическая составляющая внешней политики, а именно сам бюрократический процесс, характеризующийся определенными специфическими характеристиками системы принятия решений, координационно-переговорных механизмов и т.д. При этом нормативная теория бюрократического процесса, замыкающаяся на веберовских представлениях о бюрократии как идеальной организационной структуре общественного управления, не имеет большого прикладного значения. Это объясняется главным образом особым местом бюрократической организации в Японии как опоры действующего режима, слабо поддающейся правовому регулированию.

В результате важное значение приобретает неформальная сторона внешнеполитического процесса, и основное внимание необходимо

уделять исследованию роли в нем отдельных неформальных группировок, кланов, центров влияния, теневых структур и т.д. Кроме того, большую значимость имеет технология принятия решений, определяемая, в частности, особенностями коммуникативной культуры, этики, социальной иерархии и иными национально-психологическими характеристиками Японии. Наконец, важен также анализ практики межведомственной координации в сфере внешней политики. В отдельных случаях знание ситуации с межведомственным соперничеством, распределением влияния внутри государственного аппарата позволяет гораздо лучше понять подоплеку внешнеполитического процесса, чем если делать выводы только на основе анализа его нормативно-правовой основы.

Еще один важный аспект изучаемой темы — вопрос о соотношении бюрократического и небюрократического компонентов в процессе принятия внешнеполитических решений. С учетом гипертрофированной роли бюрократии в политической системе Японии было бы естественно сосредоточиться только на работе государственных органов управления, обслуживающих политическую верхушку. Но большое разнообразие и широта спектра внешнеполитического инструментария не позволяют ограничиться лишь исследованием исполнительной власти и заставляют более пристально изучать небюрократические элементы внешнеполитического процесса, занимающие в Японии существенное место как его субъекты. Например, лоббистская деятельность экономических кругов, структурированная в виде Федерации экономических организаций (Ниппон Кэйданрэн) и иных ассоциаций, с относительно высокой степенью эффективности находит свое отражение в конкретных внешнеполитических решениях.

При проведении внешнеполитической линии японское правительство вынуждено в той или иной мере считаться и с общественными настроениями. Имело место не только проявление опосредованной роли общественного мнения как субъекта давления на политическую власть (например, в ходе мероприятий избирательного цикла), но и переход общественных организаций в категорию непосредственных внешнеполитических акторов. Например, неправительственные организации (НПО), реализующие многие гуманитарные проекты в странах Азии и Африки, выступали в качестве активных проводников «народной дипломатии».

В своей политике в области безопасности Япония находилась в противоречивом положении. С одной стороны, она позиционировала себя как пацифистская держава, провозгласившая отказ от войны как средства решения международных споров и несущая моральные обя-

зательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия. С другой стороны, Япония, приняв от США гарантии безопасности, де-факто признала легитимность использования американской военной мощи, в том числе и ядерного оружия, для защиты от внешнего нападения. Эта двойственность наложила отпечаток и на ее внешнюю политику по отношению к странам Азиатско-Тихоокеанского региона.

Самым крупным водоразделом в истории японской внешней политики послевоенного периода явилось окончание биполярного периода. Распад социалистической системы вызвал кризис идентичности военно-стратегического союза с Америкой, составлявшего основу всей внешней политики послевоенной Японии. Но развитие экономической и военно-политической ситуации в постбиполярный период вновь продемонстрировало Японии значимость союзнических отношений с США. Японо-американский Договор безопасности обрел новый смысл в контексте формирования новой биполярности, базирующейся на геополитическом соперничестве США и Китая. Эта биполярность, имея открыто конфронтационный характер, приняла самые разные формы: нарастающей гонки военно-морских вооружений на Тихом океане, обострения территориальных конфликтов между Китаем, с одной стороны, и США и их союзниками в регионе — с другой. Новая биполярность стала воспроизводить ментальные стереотипы холодной войны: не только военные, но и дипломаты, политики, лидеры общественного мнения обоих государств искренне верят в «образ врага», любые действия которого подчиняются логике «игры с нулевой суммой» и потому представляют угрозу для национальных интересов.

Дополнительную значимость японо-американский военно-политический союз приобрел в свете новых вызовов в сфере военной безопасности, вставших перед Японией на региональном уровне. В их числе — ракетно-ядерная программа КНДР, включая проведение последней целой серии ядерных испытаний начиная с 2006 г., а также обострение территориального конфликта с КНР, который с 2010 г. вступил в фазу открытого вооруженного противостояния.

На этом фоне возникает целый ряд вопросов, ответы на которые необходимы для анализа трансформации политики Японии в сфере безопасности. Изменились ли приоритеты Токио в сфере национальной обороны в постбиполярный период по сравнению с периодом холодной войны, а если да, то в чем заключаются коренные изменения этих приоритетов? В каком направлении модифицировалась нормативно-правовая база политики Японии в сфере национальной безо-

пасности? Как проходила конституционная реформа в контексте задач, решаемых Токио в сфере национальной безопасности? С чем связана новая интерпретация мирных положений Конституции и каким образом эти положения сочетаются с правом на коллективную самооборону? Что стало с взятыми Токио после войны самоограничениями, включая запрет на экспорт вооружений и приобретение наступательных видов вооружений?

Большое значение в рамках обозначенной научной тематики имеет вопрос о модификации неядерного статуса Японии в послевоенный период. Здесь двойственность позиции Токио видна особенно сильно: Япония одновременно провозгласила отказ от ядерного оружия и опору на «ядерный зонтик» США как главный элемент политики обеспечения военной безопасности. Привлекают к себе внимание и правовые аспекты ядерной политики Токио в послевоенный период, включая проблемы размещения ядерных вооружений на американских военных базах и транзита ядерного оружия, вопрос о существовании тайных сделок на уровне политического руководства двух стран, касающихся ядерного оружия. Особый интерес, кроме того, вызывает вопрос о правовых, экономических и технических возможностях обретения ядерного вооружения самой Японией.

Важной научной проблемой является проблема, занимающая центральное место во внешнеполитическом дискурсе послевоенной Японии и особенно актуализировавшаяся в постбиполярный период, — территориальные конфликты с соседями, связанные с наследием Второй мировой войны, точнее, с тем, что в результате подписания Сан-Францисского мирного договора у Японии с ее странами-соседями не сложилась юридически безупречная система межгосударственных границ. Большой интерес представляет как современное состояние этих конфликтов, так и историческая подоплека каждого из споров, в большинстве случаев имеющего глубокие исторические корни. Речь идет о споре с Китаем вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, проблеме территориального размежевания с СССР/Россией по поводу Южных Курил, а также территориальном споре с Республикой Корея по вопросу о принадлежности островов Такэсима/Токто. В настоящей монографии исследованы первые два конфликта — первый в контексте политических и военно-стратегических проблем политики Японии в АТР, второй — в главе, посвященной отношениям Японии с нашей страной.

Значимое место в шкале внешнеполитических приоритетов послевоенной Японии занимали проблемы исторического прошлого в ее отношениях со странами-соседями, которым в настоящей монографии

посвящен отдельный раздел. Речь пойдет о том, какое место в отношениях Японии с Китаем и Южной Кореей занимало наследие Второй мировой войны, включая проблемы официальных извинений, учебников истории, «комфортных женщин», а также стоящий в международно-политической плоскости в более широком смысле вопрос о покаянии Японии за агрессивную политику, которую она проводила на материке. Многие из этих проблем, не имея перспектив решения, привели в последние годы к существенному ухудшению политического климата в отношениях Японии с ее соседями и даже к замораживанию диалога на высшем уровне.

Большой исследовательский интерес вызывает также участие Японии в процессах экономической интеграции, интенсивно происходящих в АТР в последние два десятилетия, которое приобрело для нее характер категорического императива. С учетом того обстоятельства, что более половины ВВП страны по-прежнему обеспечивается за счет экспорта, общее состояние японской экономики во многом зависит от наличия преференциальных механизмов в сфере внешней торговли. Интерес Японии к многосторонним форматам экономической интеграции определяется необходимостью обеспечения стабильных источников экономического роста — задачей, стоящей перед страной на протяжении двух десятилетий экономической стагнации. Провозглашенная правительством политика переориентирования этих источников преимущественно на внутренний спрос так и не привела к осязаемым результатам: по-прежнему ключевым источником роста выступает внешнеэкономическая деятельность. В этих условиях магистральный путь к стабилизации экономической и финансовой ситуации в стране стал пролегать через использование возможностей международной интеграции. От того, по какому пути пойдет экономическая интеграция в АТР, будет зависеть состояние японской экономики и благосостояние страны в целом.

Серьезную научную проблему представляет также политика Токио по отношению к основным международно-политическим группировкам АТР, и прежде всего АТЭС. Кроме того, в настоящей работе исследован вопрос об использовании Японией инструментов Официальной помощи развитию для отстаивания собственных экономических и политических интересов в АТР.

Наконец, большое место во внешнеполитических приоритетах послевоенной Японии в АТР занимали отношения с нашей страной. Особую важность отношения с Россией приобрели для Японии в постбиполярный период в контексте относительного ослабления ее региональной и глобальной роли, а также остроты проблемы обеспече-

ния энергоресурсами, в решении которой Россия постепенно обретала одну из ключевых ролей.

Следует оговориться, что в рамках поставленной научной проблематики автор намеренно дистанцировался от вопросов двусторонних отношений Японии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди отдельных государств, отношения которых с Японией получили освещение в рамках поставленных в настоящей монографии проблем, — Россия, Китай, Республика Корея, США, а также страны АСЕАН. При этом если российско-японские отношения рассмотрены в данном исследовании в качестве отдельной научной проблемы, связи Токио с прочими указанными выше странами затрагиваются в контексте более общих проблем внешнеполитического дискурса: военной безопасности и отношения Японии к ядерному оружию (отношения с США), исторического прошлого (отношения с Китаем и Республикой Корея), территориальной принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао (отношения с КНР), а также участия Японии в группировках региональной экономической интеграции (отношения с Китаем, РК, странами АСЕАН, США).

Внешнеполитические приоритеты Японии в АТР прослежены на широком историческом отрезке, охватывающем весь послевоенный период. Практически все научные проблемы исследуются в исторической ретроспективе и с использованием широкого пласта исторических документов. Однако основное внимание в монографии все же уделяется постбиполярному периоду, а в его рамках — самым последним тенденциям, что призвано повысить актуальность и практическую значимость исследования в контексте задач, решаемых российской внешней политикой на японском направлении.

Глава 1

СУБЪЕКТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Высшие органы власти

Согласно действующей Конституции, вступившей в силу в мае 1947 г., сфера внешней политики в Японии является прерогативой кабинета министров, который, в свою очередь, несет ответственность перед парламентом. Важнейшими функциями последнего являются обсуждение вопросов государственной политики, принятие бюджета, ратификация международных договоров. В каждой из палат парламента — палате представителей и палате советников — имеется постоянная комиссия по международным делам, в задачу которой входит обсуждение законопроектов и вопросов по внешней политике Японии. Для рассмотрения некоторых важных внешнеполитических проблем нередко создаются специальные (непостоянные) комиссии (например, такая комиссия прорабатывала международные аспекты возвращения Окинавы в 1971 г.). На заседания парламента могут вызываться члены кабинета министров и государственные служащие любого ранга для пояснений по вопросам внешней политики. Парламентарии активно используют свое право делать запросы и задавать вопросы министру иностранных дел и премьер-министру. Принимаемые в результате обсуждения итоговые документы докладываются на пленарном заседании соответствующей палаты, которая вправе принимать резолюции, одобрять законопроекты.

Положениями Конституции определяется круг отдельных субъектов внешнеполитического процесса (далее — ВПП). Император (как

глава государства) выполняет в основном церемониальные функции, которые в той части, что затрагивает внешнеполитический процесс, включают в себя получение верительных грамот послов и посланников, а также ратификационных грамот и других предусмотренных законом дипломатических документов; прием иностранных послов и посланников (ст. 7 Конституции).

Премьер-министр располагает большими конституционными и нормативными возможностями в сфере внешней политики. Вместе с тем, являясь руководителем исполнительной власти, он должен периодически выступать с отчетом о внешнеполитическом курсе правительства перед высшим законодательным органом страны — парламентом, которому принадлежит решающее слово в вопросах, связанных со стратегическим планированием и реализацией внешней политики.

Главным советником премьер-министра в данной области является министр иностранных дел. Именно на это должностное лицо налагаются основные обязанности по выработке и реализации внешней политики страны.

В Японии глава исполнительной власти является не такой сильной политической фигурой, как в иных странах Запада. Позиции премьер-министров внутри правящей партии менее устойчивы, чем во многих других государствах, к тому же в Японии гораздо чаще происходят смены кабинетов. Поэтому они не часто могут похвастаться собственным внешнеполитическим курсом, который бы ассоциировался с их именем. Как отмечал российский исследователь А.Н. Панов, «в послевоенной японской истории не так уж часто правительство возглавляли политики, ставившие серьезные цели перед японской дипломатией и добивавшиеся их реализации»¹. Таковыми были в послевоенный период лишь «сильные» премьер-министры, в частности И. Хатояма, добившийся в середине 50-х годов XX в. восстановления межгосударственных отношений с СССР, Э. Сато, в период администрации которого произошла передача Окинавы под суверенитет Японии, К. Танака, нормализовавший в 1972 г. отношения с КНР, Д. Коидзуми, прославившийся принятием антитеррористического законопроекта и отправкой в 2003 г. Сил самообороны в Ирак, проведением в 2002 и 2004 гг. нескольких саммитов с руководством Северной Кореи. Ряд глав правительств получили известность благодаря персонализированным внешнеполитическим концепциям (Р. Хасимото — концепции «евразийской дипломатии», Д. Коидзуми — «доктрине Коидзуми», Т. Асо — «Стратегии дуги свободы и процветания»), которые не всегда последовательно воплощались в жизнь, но позволяли Токио

---

¹ Панов А.Н. Японская дипломатическая служба. С. 103.

обозначить некоторые внешнеполитические приоритеты. Следует отметить, что спектр возможностей главы правительства во внешнеполитической сфере был существенно расширен в начале 2000-х годов в результате реализации административной реформы: премьер-министр был наделен большими прерогативами в плане выдвижения новых инициатив.

Персонифицированное начало во внешнеполитическом процессе необязательно представлено главой кабинета министров. Субъектом крупных внешнеполитических инициатив, в том числе доктрин, нередко выступает министр иностранных дел, реже — министр экономики, торговли и промышленности. Например, с именем последнего (Тосихиро Никай) ассоциировалась «доктрина Никай», выдвинутая им в 2006 г. и предлагавшая новое видение зоны свободной торговли в АТР.

Вместе с тем по сравнению с другими странами персонификация внешнеполитического процесса в Японии менее выражена. Слабость «личностного элемента внешней политики» нередко связана с проблемами институционального характера, а именно с недостаточной для подобных задач функциональной инфраструктурой. Лишь в результате административной реформы 2001 г. у главы правительства появился аппарат специальных советников, призванных оказывать ему поддержку в подготовке политических инициатив. Впрочем, поскольку эти советники обычно являются выходцами из соответствующих министерств и ведомств, они, как правило, выражают прежде всего узковедомственные интересы.

В Японии отсутствует специальная концепция внешней политики или иной документ, определяющий программные установки правительства в этой сфере. Традиционно концептуальное видение внешнеполитических целей определяется премьер-министрами в их программных выступлениях, которые, как правило, озвучиваются вскоре после формирования правительства. Большую известность получила речь премьер-министра Р. Хасимото 24 июля 1997 г. перед представителями Ассоциации экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай), в которой он обозначил основные идеи концепции «евразийской дипломатии». Другая внешнеполитическая концепция — «Стратегия дуги свободы и процветания» — была провозглашена в выступлениях министра иностранных дел Т. Асо в ноябре 2006 — мае 2007 г.: по случаю 20-й годовщины основания Японского форума по международным отношениям (12 марта 2007 г.), на семинаре Института международных проблем «Дуга свободы и процветания: расширяющиеся перед Японией внешнеполитические горизонты» (30 нояб-

ря 2006 г.). Тексты базовых выступлений премьер-министров и министров иностранных дел по внешней политике за прошедший год публикуются в «Голубой книге по дипломатии» и на сайте МИДа.

Правительство

Участие правительственных учреждений во внешнеполитическом процессе происходит на основании отдельно принимаемых «законов об учреждении». Центральным ведомством, реализующим линию правительства в ВПП и осуществляющим координацию внешнеполитической деятельности прочих министерств и ведомств, является Министерство иностранных дел. Отдельные аспекты внешней политики входят в сферу компетенции и других учреждений правительства. В частности, Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП) занимается такими вопросами, как тарифная политика, внешнеторговые связи, инвестиционная политика Японии за рубежом, а также участие страны в работе международных экономических организаций. За Министерством финансов закреплены таможенная и тарифная политика, вопросы Официальной помощи развитию и т.д. Минфин страны осуществляет надзор за международной деятельностью японских банков, курирует сферу отношений Японии с международными финансовыми институтами, включая МВФ, Мировой банк, совещания министров финансов стран «Большой семерки», ОЭСР и пр. Именно это министерство имеет решающий голос при рассмотрении вопросов, связанных с международной финансовой интеграцией, своп-соглашениями с восточноазиатскими странами, деятельностью Азиатского банка развития, в котором Япония играет ключевую роль.

Среди прочих министерств и ведомств следует выделить Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства и водного промысла (далее — Министерство сельского хозяйства, Минсельхоз), ведающее вопросами импорта сельскохозяйственной продукции, тарифов. В ведении Министерства здравоохранения, труда и благосостояния (далее — Министерство здравоохранения) находятся вопросы миграции иностранной рабочей силы, Министерства обороны — координация политики в области безопасности с США, являющимися партнером Японии по военно-политическому союзу.

В ряде случаев, когда международное звучание приобретают некоторые сугубо внутренние вопросы, внешнеполитической проблематикой вынуждены заниматься и иные министерства и ведомства. Характерным примером в этом отношении является проблема учебников

истории для средних школ, находящаяся в сфере компетенции Министерства образования и науки. Интерпретация в этих учебниках японской оккупационной политики в странах Восточной Азии, как будет показано в следующей главе, стала в середине первого десятилетия 2000-х годов причиной существенного охлаждения отношений Японии с Китаем и Южной Кореей.

Особенностями правительственной системы послевоенной Японии являются более сильная, чем в других странах, межведомственная разобщенность, относительная слабость общего координирующего начала в лице кабинета министров и премьер-министра. Широко распространено представление о том, что ведомства преследуют собственные цели, которые не обязательно соответствуют общенациональным интересам. Так, если МИД и МЭТП выступают за снижение импортных пошлин, что является необходимым шагом в русле общего процесса либерализации мировых внешнеторговых связей, то Минсельхоз — за продолжение протекционистской политики в отношении национального рынка аграрной продукции. Р. Смит в своем исследовании показывает «интервенционистскую» роль Министерства сельского хозяйства, которое не всегда исходило из национальных интересов².

При этом, хотя МИД страны формально выступает головным ведомством в вопросах внешней политики, роль отдельных ведомств при принятии ключевых решений может быть различной в зависимости от конкретного контекста. Так, в 1956 г. именно Минсельхоз (а не МИД) выступил движущей силой процесса восстановления дипотношений с СССР, что было связано в первую очередь с нерешенностью вопроса о заключении рыболовной конвенции, имевшего огромное значение для продовольственной безопасности страны. Предварительные переговоры с советской стороной вел не представитель внешнеполитического ведомства, а министр сельского хозяйства И. Коно. В 2000–2010-х годах позиция Министерства сельского хозяйства, выступавшего против либерализации внутреннего рынка, нередко блокировала возможности японской стороны на переговорах о заключении соглашений о зонах свободной торговли, в частности о присоединении Японии к Транстихоокеанскому партнерству (об этом подробнее в гл. 3). В свою очередь, в 2000–2010-е годы Министерство здравоохранения настаивало на внесении ограничений в соглашение об экономическом партнерстве с Филиппинами, чтобы не допустить свободного перемещения в Японию рабочей силы. Позиция указанных министерств принципиально расходилась с позицией МИДа и

---

² См.: *Smith R.D.* Security and International Fisheries Policy in Japan's Postwar Planning. P. 259–276.

МЭТП, которые проводят стратегическую линию на расширение форматов соглашений о свободной торговле и об экономическом партнерстве.

В целом эксперты сходятся на том, что межведомственные распри являются негативным фактором, снижающим эффективность работы правительства. С 2001 г. в рамках административной реформы проводится системное усиление роли Канцелярии кабинета министров (Найкакуфу), которая стала главным органом правительства в деле координации деятельности отдельных министерств и ведомств во всех сферах государственного управления, включая внешнеполитическую.

Большое значение для понимания внешнеполитического процесса в современной Японии имеет правильное представление о его процедурно-институциональных характеристиках. Речь идет об особенностях организационной структуры, кадровой политики, процесса принятия решений, определяемых спецификой национального характера, управленческой культуры, деловой этики и т.д.

Несмотря на различия между отдельными ведомствами, имеются общие для всех них базовые характеристики. Прежде всего это касается кадровой системы бюрократии, которую характеризуют элитарность, корпоративная солидарность, однородность, закрытость и кастовая замкнутость, слабый уровень «обратной связи» с обществом, относительная независимость статуса от политической ситуации. Во многом указанные черты присущи бюрократии и в других странах. Однако именно в Японии формирование бюрократии как особого «сословия», возвышающегося над обществом, проявляется во всей своей полноте.

По мнению британского исследователя Г. Хука, к числу системных характеристик внешнеполитической бюрократии относятся особые, неформальные связи внутри управленческой элиты (*human networks*, яп. *дзиммяку*), позволяющие достаточно быстро найти нужные контакты для поиска решения нестандартных проблем. Эти связи не замыкаются только на работниках каких-либо отдельных ведомств, а охватывают широкий круг лиц, представляющих «железную триаду» — бюрократию, политический мир и деловые круги. Кроме того, одной из системных характеристик является наличие уз солидарности между выпускниками одного учебного заведения (*гакубацу*). Речь идет о специфическом для Японии «образовательном цензе» — традиции возвращивания бюрократической элиты в ограниченном числе учебных заведений, и прежде всего на юридическом факультете Токийского государственного университета³.

---

³ Japan's International Relations. P. 48.

Роль бюрократии в ВПП весьма высока, что вытекает из особенностей системы государственного управления в Японии, в которой бюрократический компонент занимает центральное положение. Вместе с тем возможности бюрократии существенно ограничиваются внутри- и межведомственным соперничеством, порождающим перманентный конфликт интересов внутри самой бюрократии. Кроме того, следует учитывать, что независимость внешнеполитических ведомств от политиков носит относительный характер. Прежде всего, это определяется спецификой того или иного ведомства. К категории ведомств «политических», т.е. достаточно прочно инкорпорированных в «железную триаду» и имеющих мощные неформальные связи в политическом мире, относятся, в частности, министерства финансов и сельского хозяйства. Что касается МИДа и отчасти МЭТП, то они не являются «политическими» и потому слабо участвуют в процессах закулисного лоббирования, сопровождающего все стадии законодательного процесса⁴.

Во многом по этой причине МИД, не имеющий достаточного «прикрытия» в парламенте, сильно зависит от политиков. Особенно это проявилось в период кабинетов Д. Коидзуми в 2001–2006 гг. Назначение в 2001 г. на министерский пост М. Танака привело к дезорганизации и отчасти параличу работу этого ведомства. Из-за вмешательства политиков целые внешнеполитические направления иногда оказываются лишенными всяких ориентиров, а МИД самоустраивается от каких бы то ни было инициатив, довольствуясь техническим оформлением и реализацией уже принятых решений. Для примера можно привести отношения Японии с Россией, переживавшие в первом десятилетии 2000-х годов застой с того момента, когда в 2002 г. из МИДа из-за скандалов, связанных с вмешательством политиков в его дела, было изгнано несколько ведущих специалистов по России.

По сравнению со многими другими странами МИД Японии, по мнению некоторых экспертов, достаточно сильно ограничен в своих кадровых и финансово-организационных возможностях. Так, например, численность сотрудников МИДа в 2006 г. составляла 5289 человек, что соответствовало примерно четверти количества работников внешнеполитического ведомства Великобритании и двум третям — ведомства США⁵.

Как и во многих странах с развитой парламентской демократией, в Японии Министерство иностранных дел возглавляет профессио-

---

⁴ Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. С. 198.

⁵ См.: Внешняя политика Японии. С. 301; Japan's International Relations. P. 49.

нальный политик (согласно Конституции, кабинет министров формируется преимущественно из числа депутатов парламента). В руководство МИДа, как и прочих министерств, входят несколько представителей депутатского корпуса, составляющих так называемую политическую номенклатуру. Это, в частности, парламентские заместители министра (*фукудайджин*) и политические советники министра (*дайджин сэймукан*). Первые могут замещать его, когда он отсутствует в стране, и реально участвуют в процессе принятия решений, вторые консультируют министра по внешнеполитическим вопросам и могут представлять его на заседании парламентских комиссий⁶. Как правило, в МИДе эти посты занимают достаточно опытные политики из «клана внешней политики». Высшей ступенькой кадровой дипломатической службы является пост административного заместителя министра (*гайму дзикан*), который фактически осуществляет оперативное руководство министерством. Этот пост занимают наиболее опытные дипломаты, имеющие за своими плечами многолетнюю карьеру в МИДе и хорошо понимающие тонкости внутриведомственного процесса принятия внешнеполитических решений.

Что касается структуры МИДа, то для нее, как и во многих других странах, характерно разделение функций между географическими (региональными) и функциональными департаментами. В МИДе имеется пять географических департаментов: Северной Америки, Азии и Океании, Латинской Америки и стран Карибского бассейна, Европы, Ближнего Востока и Африки. К числу функциональных относятся департаменты внешней политики, экономических вопросов, экономического сотрудничества, международных правовых вопросов и консульский департамент. Кроме того, в министерстве имеются Департамент информации и анализа, а также Департамент разоружения, нераспространения ядерного оружия и науки⁷.

Наибольшее влияние на политическое звено управления среди географических департаментов имеют департаменты Северной Америки и Азии и Океании. Во многом это отражает распределение внешнеполитических приоритетов страны: традиционную ориентацию Японии на стратегический союз с Соединенными Штатами, а также усиление значения Китая в международной и региональной политике⁸.

В условиях сильного внутриведомственного сепаратизма, предотвращаемого соперничеством департаментов, большое значение для управленческой целостности министерства имеют «координирующие

---

⁶ См.: Внешняя политика Японии. С 302.

⁷ См.: <http://www.mofa.go.jp/about/hq/chart.html>

⁸ Japan's International Relations. P. 48.

структуры». Их роль заключается в согласовании разноплановых интересов департаментов, обеспечении информацией, согласовании позиций и т.д. В МИДе подобными структурами являются секретариат министра, Департамент международных правовых вопросов, Департамент информации и анализа, который занимается сбором и обработкой данных по широкому кругу международных проблем, а также Департамент экономического сотрудничества, курирующий вопросы экономических и научно-технических связей Японии с зарубежными странами и предоставления им помощи.

Японские исследователи Хидэаки Сирояма и Дзюн Цубоути отмечают, что характерной чертой структурной организации японского МИДа является «чрезмерность» (*redundancy*) — термин, означающий большую по сравнению с другими ведомствами степень кадрово-организационной самостоятельности отдельных структурных подразделений, меньшую степень единоначалия, индивидуальный подход к принятию решений, связанный с многообразием и сложностью региональных и международных процессов. Особенно характерным примером в этом отношении является Департамент Азии и Океании, где отделы Китая, Северо-Восточной Азии и стран АСЕАН пользуются большой самостоятельностью при принятии решений, а их взаимное согласование позиций выражено относительно слабо⁹.

Политические структуры

В последнее десятилетие происходит некоторое смещение субъектной базы процесса внешнеполитического планирования и анализа в пользу неправительственного компонента, и прежде всего политических структур. В целом данная тенденция соответствует общему вектору политического развития Японии в 2000-х годах, который направлен в сторону повышения роли политических партий в выработке государственной политики. Усиление их роли как субъектов политического процесса, составлявшее важнейшую цель политической реформы 1993–1994 гг., было призвано преодолеть узковедомственные интересы и установить приоритеты общенациональные, добиться повышения открытости процесса принятия решений, что крайне важно в свете стоящих перед страной глобальных вызовов.

Указанная тенденция проявилась в повышении роли органов политического планирования в рамках политических партий и «манифе-

---

⁹ См.: Тюо сётё-но сэйсаку кэйсэй катэй. С. 253–259.

стов» последних — их предвыборных программ, выдвигаемых в ходе борьбы на парламентских выборах. Кроме того, часто политические деятели (главы правительства, министры иностранных дел и экономики, торговли и промышленности, лидеры оппозиционных партий) выдвигают инициативы не как носители определенной должности в государственном аппарате, а именно как политические деятели, представляющие конкретную политическую партию.

Следует отметить, что после крушения биполярной системы международных отношений произошла деидеологизация внешнеполитической сферы в Японии: существенные различия между политическими партиями (за исключением КПЯ) по принципиальным международным вопросам утратили свою актуальность. Если до начала 1990-х годов линия водораздела в идеологическом противостоянии между партиями правящего блока и оппозицией проходила именно по внешнеполитическим вопросам (ЛДП ориентировалась на союз с Америкой, оппозиция, главным образом в лице Социалистической партии Японии, — на страны социалистического блока), то с окончанием холодной войны политическое противостояние переместилось в область внутренней политики. У внешнеполитических вопросов теперь нет идеологической подоплеки, позиции партий в целом нивелировались.

Характерным примером является унификация позиций партий по вопросам обеспечения безопасности. В середине 1990-х годов важность военно-политического союза с Америкой признали все партии, включая даже Социалистическую партию (СПЯ), которая на протяжении десятилетий выступала в поддержку 9-й статьи Конституции и против Договора безопасности с Соединенными Штатами. В случае с СПЯ, помимо утраты идеологических ориентиров, сыграл свою роль и ее переход, хотя и на непродолжительное время, в лагерь правящей коалиции. Как отмечал японский исследователь А. Миясита, «СПЯ придерживалась пацифизма в значительной степени по причине того, что в период холодной войны она находилась в постоянной оппозиции... Иными словами, степень приверженности пацифистским нормам определялась дистанцией партии от власти: чем больше дистанция, тем больше пацифизма могла себе позволить СПЯ»¹⁰.

Что касается различий между основными политическими партиями, составляющими костяк формирующейся двухпартийной системы, — Либерально-демократической и Демократической, то споры между ними по основным международным проблемам не имеют принципиального характера. Так, обе партии признают легитимность участия японских Сил самообороны в миротворческих операциях за

---

¹⁰*Miyashita Akitoshi. Where Do Norms Come from? P. 115.*

рубежом. Но ЛДП, в отличие от ДПЯ, не считает мандат ООН обязательным условием для принятия Японией на себя военных обязательств в рамках антитеррористической коалиции.

Проведению более умеренной, проооновской и пацифистской политики в области национальной безопасности объективно способствовала партия Комэйто, с 1999 г. выступающая союзником ЛДП по коалиции. После возвращения ЛДП к власти в 2012 г. позиция Комэйто, выступающей против пересмотра Конституции и признания права на коллективную самооборону, являлась фактором сдерживания милитаристских амбиций правительства. Вместе с тем по принципиальным вопросам безопасности, например по вопросам отправки Сил самообороны за рубеж, ЛДП действовала без оглядки на своего партнера по коалиции¹¹.

Особую роль в формировании внешнеполитической платформы ЛДП играет Секция внешней политики (Гайко букай) Совета по политическим вопросам. Эта структура в период нахождения партии у власти выступала субъектом координации интересов и согласования позиций между правительством и предпринимательскими организациями. Аналогичные структурные подразделения (Совет по политическим вопросам и Международный департамент) имеются и в ДПЯ. Кроме того, в ЛДП нередко создавались рабочие исследовательские структуры с неформальным статусом для проведения ситуационных анализов и «мозговых атак». Их рекомендации в некоторых случаях учитывались органами политического планирования ЛДП, приводя к существенной корректировке внешнеполитического курса. Например, влиятельная исследовательская группа в ЛДП выступила в начале 1990-х годов с докладом, который сыграл важную роль в том, что Япония отошла от «дипломатии чековой книжки», которую она проводила в отношении участия в антииракской коалиции западных стран в 1990 г., и заняла более активную военно-политическую позицию¹².

Право голоса в принятии решений имеют и внутрипартийные фракции и группировки. Говоря об ЛДП, следует отметить, что они играли различную роль на разных исторических этапах, а их позиция оказывала влияние на ВПП в зависимости от положения фракции в партийном руководстве. Например, фракции «главного течения» (в частности, фракции Мики и Охира) в 1970–1980-е годы чаще выступали с более прагматических и гибких позиций по военно-стра-

---

¹¹Подробнее см.: *Inoguchi Takashi, Bacon P. Japan's Emerging Role as a 'Global Ordinary Power'*. P. 13.

¹²*Rynhold J. Japan's Cautious New Activism in the Middle East*. P. 251.

тегическим вопросам, в то время как «побочное течение» в лице фракций Фукуда и Накасонэ было заметно более жестким, близким к «ястребиному крылу». Различные позиции отдельных фракционных лидеров могут вносить существенные коррективы во внешнеполитическую линию. Так, И. Хатояма вступил в середине 1950-х годов в прямой конфликт с лидером другой фракции С. Ёсида по вопросу о восстановлении отношений с СССР и после ожесточенной борьбы одержал победу. Стоит отметить, что в постбиполярный период по мере утраты фракциями своего значения в качестве базового структурообразующего элемента в кадрово-организационной системе ЛДП их воздействие на решение вопросов внешней политики ослабевает.

Фракционная составляющая присутствует и в политике Демократической партии Японии (ДПЯ), представляющей собой конгломерат выходцев из политических партий различной внешнеполитической ориентации, включая такие полярные по своей направленности партии, как СПЯ и ЛДП. В результате внутри партии постоянно разгораются споры по основным международным проблемам¹³.

Шаги в направлении формирования двухпартийной системы достаточно радикально изменили механизмы ВПП. В «перекрученном парламенте», где парламентское большинство в палате представителей и палате советников принадлежало разным партиям (как это было в 2007–2009 и 2010–2012 гг.), оппозиционная партия имела дополнительные процедурные возможности воздействия на законодательный процесс, связанные с правом верхней палаты в случае расхождения ее мнения с нижней задерживать вступление в силу принятых нижней палатой законопроектов на 60 дней. Например, в 2007–2009 гг. правящей ЛДП не удавалось, несмотря на все свои старания, провести через парламент законопроект об участии Японии в антитеррористической коалиции, позволявший Силам самообороны на постоянной основе осуществлять дозаправку американских боевых кораблей в Индийском океане.

Деловые круги

Важным субъектом внешнеполитического процесса является бизнес-сообщество, составляющее один из составных элементов «железной триады». В Японии особый характер воздействия деловых кругов на ВПП обусловлен большим местом внешнеэкономических связей

---

¹³ Подробнее см.: *Weston S.K. The Democratic Party of Japan.*

в международной деятельности правительства, которое определяется ограниченностью ресурсной базы японской экономики и экспортной ориентацией промышленности. С 1990-х годов вследствие перехода Японии на постиндустриальную стадию развития и переноса японскими компаниями производств в зарубежные страны произошло смещение приоритетов во внешнеэкономической деятельности: торговые проблемы стали уступать место вопросам инвестиционной политики. Внешнеэкономические связи со странами Восточной Азии, ставшими ключевыми реципиентами японских инвестиций, вышли на передний план и во внешнеполитической повестке дня двусторонних отношений. Например, проблемы гарантий прав японских инвесторов неизменно поднимаются в ходе политических контактов Японии с КНР, странами АСЕАН. Ярko выраженный политический характер всегда имели и вопросы тарифной политики, часто отравлявшие атмосферу отношений Японии даже с ее геополитическими союзниками, и в первую очередь США (достаточно вспомнить «текстильные войны», «автомобильные войны», недавний конфликт вокруг ввоза американской говядины и т.д.). Нередко официальная позиция на переговорах с ведущими внешнеторговыми партнерами подвергалась существенной корректировке с учетом интересов фермеров и рыбопромышленников, составляющих важную электоральную базу партий правящего блока.

Имеются хорошо налаженные и институализированные форматы участия деловых кругов в ВПП. Представители бизнеса, как правило крупного, активно участвуют в работе различного рода консультативных комитетов (*сингикай*) и исследовательских структур (*тёсакай*), действующих как под эгидой премьер-министра, так и при отдельных министерствах и ведомствах. К числу таких структур при МИДе относятся Консультативный совет по дипломатическим кадрам и Консультативный совет по международным обменам.

Механизмы воздействия деловых кругов на ВПП отличаются многообразием. Помимо упомянутых формализованных институтов имеется также комплекс неформальных отношений крупнейших компаний с ведущими политическими партиями, который включает в себя как личные связи, так и подпитку компаниями фондов партий и отдельных депутатов. В свою очередь, депутаты парламента из числа членов «клана внешней политики» оказывают прямое давление на внешнеполитическую бюрократию, нередко заставляя ее модифицировать официальную позицию по той или иной деликатной проблеме, часто в сторону узкокорпоративных интересов в противовес общенациональным. Наиболее характерный пример деятельности «групп по

интересам» — позиция Японии по вопросам либерализации мировой торговли: если общенациональные интересы требуют максимальной либерализации режимов внешнеторгового регулирования, то узкокорпоративные — принятия различного рода изъятий и исключений, затрагивающих «чувствительные товары». В результате японская позиция в международных экономических организациях становится непоследовательной и аморфной.

Иногда вмешательство политических брокеров в дела внешнеполитических ведомств принимает достаточно изощренный, а порой — и грубый характер, приводя к политическим потрясениям. Наиболее известный пример — «дело М. Судзуки». Влиятельный депутат ЛДП Мунэо Судзуки, выступая «агентом влияния» рыбопромышленного сообщества и деловых кругов Хоккайдо, заинтересованных в нормализации политических отношений с Россией, осуществлял в начале 2000-х годов прямое вмешательство в процесс принятия решений в МИДе на российском направлении. В конечном счете это вмешательство стало причиной происшедшего в 2002 г. скандала, который привел к отставке ряда высокопоставленных японских дипломатов и аресту самого М. Судзуки. В ходе разбирательств вышли на поверхность подробности коррупционных связей политика с деловыми кругами, в частности система «откатов», получаемых им за лоббирование государственных заказов на строительство объектов инфраструктуры на островах Южно-Курильской гряды.

В качестве субъектов консолидации и артикулирования многоплановых и нередко противоречивых интересов деловых кругов во внешнеполитической сфере выступает ряд организаций, объединяющих в своих рядах компании самого разного уровня — от крупнейших корпораций до мелких и мельчайших предприятий. Наиболее крупными из них являются Федерация экономических организаций Японии (Ниппон Кэйданрэн), Торгово-промышленная палата (Ниссё), Ассоциация экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай). Лоббистская деятельность этих структур осуществляется путем представления правительству собственного видения стоящих перед страной внешнеполитических проблем и путей их решения через личные контакты авторитетных бизнесменов с представителями зарубежных правительств, в форме участия совместно с правительственными органами в переговорах с зарубежными партнерами и т.д.¹⁴. В каждой из указанных предпринимательских структур имеется собственная институциональная база для сбора информации, обсуждения и подго-

---

¹⁴ Подробнее см.: Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века. С. 27.

товки решений во внешнеполитической сфере. Так, например, в Ниппон Кэйданрэн имеется два департамента (по международным делам и по международному сотрудничеству), в составе которых насчитывается более двух десятков профильных комитетов по отдельным региональным и функциональным аспектам международных связей¹⁵. Кроме того, внешнеполитической проблематикой занимаются и созданные Ниппон Кэйданрэн «мозговые центры», например «Инициатива Японии» («Косо Нихон»).

Экспертное сообщество и общественное мнение

Определенное воздействие на внешнеполитический процесс оказывает также экспертное сообщество. В Японии насчитывается несколько сотен «мозговых центров», существенно различающихся по масштабам, юридическому статусу, степени влияния и кадрово-экспертному потенциалу. Некоторые из таких центров действуют непосредственно при премьер-министре, облегчая ему задачу выдвижения программных инициатив в тех сферах, где официальным структурам это оказывается не под силу. Нередко эти центры выступают с аналитическими материалами и оценками, которые учитываются в работе официальными структурами, например Министерством иностранных дел. Так, множество материалов по внешнеполитической проблематике содержится в ежемесячном журнале «мозгового центра» NIRA — «NIRA сэйсаку кэнкю» («NIRA Policy Research»).

Вместе с тем возможности влияния «мозговых центров» на ВПП носят достаточно ограниченный характер, особенно по сравнению с зарубежными странами. Как подчеркивал российский исследователь А.И. Сенаторов, «роль существующих центров, их влияние на формирование японской политики недостаточны, а их исследования не всегда носят самостоятельный, независимый характер, зачастую лоббируя частные интересы или вовсе оставаясь невостребованными»¹⁶.

Все большее воздействие на внешнеполитический процесс оказывает в последнее время общественное мнение страны. Во многом это связано с усилением значения популизма как важного политического ресурса и действующей власти, и оппозиционного лагеря. Ослабление закулисного характера процесса принятия решений произошло после

---

¹⁵ См.: <http://www.keidanren.or.jp/english/profile/secretariat.pdf>

¹⁶ Актуальные проблемы современной Японии. С. 38.

2001 г., когда кандидат на пост председателя ЛДП Д. Коидзуми рискнул обратиться за поддержкой напрямую к партийным массам — шаг, совершенно нехарактерный для традиционной политической культуры Японии. Получив мандат из рук «народа», Д. Коидзуми активно использовал ресурс популистской политики и во внешнеполитической сфере — например, в отношении КНДР. Тема похищенных японских граждан активным образом раскручивалась для повышения рейтинга администрации, имея в большей степени внутривнутриполитическое, нежели международное звучание.

В Японии есть достаточно мощная инфраструктурная исследовательская база по изучению общественного мнения по отдельным аспектам международной политики, позволяющая руководству страны получать представление о внешнеполитическом сознании японцев и использовать полученную информацию в собственных имиджевых интересах. В числе заказчиков социологических исследований — Канцелярия премьер-министра и Министерство иностранных дел, а в качестве исполнителей выступают телеграфные агентства Дзидзи цусин и Кёдо цусин, ряд крупнейших медиа-корпораций («Асахи», «Йомиури», «Майнити» и др.) и социологические службы. Например, опросы агентства Дзидзи цусин, проводимые на протяжении десятков лет с регулярностью раз в три месяца, позволяют с высокой степенью точности судить об изменениях японского общественного мнения по отдельным внешнеполитическим проблемам и вопросам отношений Японии с отдельными странами.

К числу системных особенностей внешнеполитического сознания, оказывающих влияние на ВПП, следует отнести пацифизм (сохранение уникального невоенного статуса страны), «азиатизм» (принадлежность Японии к восточноазиатскому культурно-цивилизационному ареалу), а также западное «миссионерство» — осознание Японией себя как члена западного сообщества и своей особой роли в Азии как носителя западной системы ценностей. Общим вектором развития внешнеполитического сознания последнего времени является ослабление пацифистского компонента, связанное со сменой поколений и ослаблением памяти о тяготах военного времени, и одновременное усиление элементов «азиатизма» и «миссионерства». Отражением первой тенденции явился отход Японии от многих антивоенных положений (отмена запрета на отправку вооруженных сил за рубеж, экспорта вооружений и т.д.). С середины 80-х годов прошлого столетия во внешнеполитическом сознании японцев произошло усиление националистического компонента, отражающее тенденцию к активизации политической роли Японии в мире.

Формирование общественного мнения по внешнеполитическим вопросам является результатом действия целого комплекса культурологических, национально-психологических и иных факторов. Огромную роль играет, безусловно, система гуманитарного образования и воспитания, формирующая мировоззренческие ориентиры японцев. Вместе с тем трудно переоценить и роль «четвертой власти» в формировании отношения японцев к определенным конкретным проблемам. Особенность воздействия СМИ на общественное мнение по внешнеполитическим вопросам заключается в том, что масс-медиа являются главным и фактически монопольным источником информации (в отличие от проблем внутренней политики, где важную роль играет эмпирический опыт). Для примера можно привести отношение общественного мнения к проблеме «северных территорий», которое во многом сформировалось под воздействием многолетнего освещения этой проблемы в СМИ и которое определяет в целом негативное отношение японцев к России в целом¹⁷. В то же время достаточно негативный образ Южной Кореи сильно улучшился в глазах японцев в 2000-е годы в результате демонстрации южнокорейского телесериала «Зимняя соната». Важную роль в формировании внешнеполитических взглядов также играют лидеры общественного мнения, к числу которых относятся ведущие эксперты по определенным внешнеполитическим вопросам, а также политические комментаторы главных СМИ. Интерпретация ими международных событий создает определенную тональность в восприятии международных событий рядовыми гражданами.

Конечно, как и в любой другой демократической стране, в Японии механизмы экстраполяции общественного мнения в плоскость внешнеполитических решений носят опосредованный характер, проявляясь в ходе парламентских выборов в форме поддержки той или иной политической партии, использующей (или не использующей) внешнеполитические инициативы в своей политической платформе. В целом аналитики едины во мнении, что общественное мнение оказывает воздействие на ВПП, однако определить с аптекарской точностью степень этого влияния невозможно. Вероятно, типичным примером того, что общественное мнение учитывается официальным Токио, является его подход к пересмотру 9-й статьи Конституции, запрещающей Японии иметь собственные вооруженные силы, а также официальная политика в отношении обладания ядерным оружием.

Вместе с тем следует признать, что в постбиполярную эпоху, когда идеологические противоречия утрачивают свое значение в политической жизни, внешнеполитическая проблематика отходит на перифе-

---

¹⁷ Подробнее см.: Россия и Япония. С. 74–97.

рийные по сравнению с внутривнутриполитической позиции. Более значимыми становятся проблемы внутреннего характера: социального обеспечения, образования и т.д. Апелляция ЛДП к общественности через внешнеполитическую повестку дня (вопросы участия Японии в антитеррористической коалиции, отношения страны с Китаем и Южной Кореей, Договор безопасности и т.д.), предпринятая в условиях сложной социально-экономической ситуации середины первого десятилетия 2000-х годов, оказалась малоэффективной и привела к сокрушительному поражению правящей партии на выборах в 2007 и 2009 гг. Вместе с тем с начала 2010-х годов наблюдается некоторая актуализация внешнеполитических вопросов в электоральной повестке дня, о чем свидетельствует активное использование националистической риторики председателем ЛДП С. Абэ на выборах в парламент в 2012 и 2013 гг.

В последние годы в азиатско-тихоокеанском направлении внешней политики Японии повышается роль «народной дипломатии», которая в некоторых случаях способна оказывать прямое воздействие на внешнеполитический процесс. Это особенно заметно в отношениях Японии с такими странами, как Китай, Тайвань, Россия, Ирак, Афганистан. Усиливается значение неправительственных организаций (НПО), например действующих в гуманитарной или культурной сфере, которые позволяют улучшить имидж страны и облегчить в дальнейшем продвижение межгосударственных взаимоотношений. Например, гуманитарные организации, работающие в Ираке, во многом дополняли и развивали ту миссию, которую выполняли Силы самообороны, действовавшие в рамках миротворческого контингента. Наиболее сильно позиции НПО артикулированы в таких вопросах, как ядерное оружие и ядерное разоружение, американские военные базы на японской территории, участие Японии в войнах и вооруженных конфликтах, экология, «культурная дипломатия», а также двусторонние отношения с некоторыми странами (США, Китай, страны Западной Европы, Россия).

Можно выделить целый ряд отличительных характеристик внешнеполитического процесса в современной Японии. Прежде всего, это относительно низкий уровень правовой регламентации. В Японии отсутствует базовый закон о внешней политике страны, который определял бы сферы ответственности акторов ВПП на различных его этапах. Что касается «законов об учреждении», на основе которых ведут свою деятельность отдельные звенья исполнительной власти (министерства и ведомства), то они носят достаточно общий характер,

что переводит вопрос о нормативной регламентации ВПП в плоскость подзаконных актов. В результате в процессе подготовки и имплементации внешнеполитических решений в большей, чем во многих зарубежных странах, степени проявляется роль бюрократического компонента и слабость политического начала. Обращают на себя внимание смещенность ВПП в сторону исполнительной власти, а внутри последней — постоянное соперничество между отдельными ведомствами при относительной слабости координирующей роли кабинета министров. В этой связи большую проблему для исследователя ВПП составляет его теневой характер, являющийся, впрочем, системной проблемой всей административной сферы Японии.

Вместе с тем в последние годы наблюдается рост значения политического компонента ВПП. После перехода ЛДП в оппозицию в 2009–2012 гг. и началом процесса формирования двухпартийной системы происходит существенное переформатирование прежних взаимоотношений бюрократии и политиков. Неясно пока, сможет ли политическая власть найти оптимальную схему взаимодействия с внешнеполитической бюрократией. Вряд ли следует ожидать коренной реформы базовых схем внешнеполитического процесса, а также его субъектной основы. Вместе с тем роль альтернативных структур внешнеполитического планирования, вероятно, будет возрастать.

Важной особенностью ВПП Японии является приоритет экономических интересов в ее внешней политике, отражающий большую зависимость экономического роста страны от внешних факторов, и прежде всего от экономических связей с государствами Азии и бассейна Тихого океана. По мере развития процессов международной экономической интеграции в АТР эта зависимость, несмотря на все усилия переориентировать экономику на внутренний спрос, только усилилась. В результате во внешнеполитическом истеблишменте происходит явное усиление позиций «интернационалистов» по отношению к партии «изоляционистов». Существенную роль в этом отношении играет также высокая зависимость Японии от внешних поставок сырьевых ресурсов, в результате чего японская политическая и экономическая элита оказывается жизненно заинтересованной в стабильной и безопасной международной среде. Вместе с тем по отдельным аспектам внешней политики в правящей партии наблюдается борьба соперничающих группировок, каждая из которых имеет собственное видение путей решения внешнеполитических проблем. В результате этого во внешнеполитическом курсе Японии проявляются элементы неустойчивости, непоследовательности, а в некоторых случаях — и противоречивости.

Глава 2

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В АТР

Трансформация политики Японии в сфере военной безопасности

В послевоенный период обеспечение национальной безопасности традиционно рассматривалось правящими кругами Японии в тесной увязке с членством страны в системе японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. Этот договор стал частью системы двусторонних договоров США с азиатскими странами, которые признавались Вашингтоном дружественными и на которые США делали ставку в реализации своих стратегических целей в Восточной Азии. Помимо Японии в число таких стран входили Республика Корея, Филиппины, Таиланд и Тайвань. Подобная система получила название «системы оси и спиц»: осью являются сами Соединенные Штаты, договоры которых со стратегическими союзниками в регионе уподоблены «спицам».

Исторически «система оси и спиц» базируется на принятой Пентагоном посылке о потенциальной возможности перехода некоторых стран данного региона в статус «враждебных». За счет перекрывания зон ответственности в рамках двусторонних договоров с союзниками США обеспечивали дополнительный запас прочности американоцентристскому комплексу региональной безопасности: благодаря многослойному характеру «системы оси и спиц» изменение подходов отдельных стран-союзников к военно-стратегическому партнерству с

Вашингтоном не должно было поставить под угрозу общую стабильность ситуации в регионе.

Между тем японо-американский военно-стратегический союз, являющийся одним из главных компонентов «системы оси и спиц», по своему характеру и механизмам функционирования принципиально отличается от «сетевых» стратегических союзов, организационная структура которого построена на принципах равноправного участия и коллегиальности при принятии решений. Классическим примером последнего является блок НАТО.

Уровень стратегического интегрирования Японии в американско-центристскую систему безопасности на порядок ниже, чем у стран НАТО, в отличие от которых Япония официально отказывается США в размещении на своей территории ядерных средств, воздерживается от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования, участвует в военных действиях лишь при непосредственной угрозе своему суверенитету.

В послевоенный период Япония в полной мере использовала в своих внешнеполитических целях особый статус пацифистского государства, в котором действуют конституционные и иные ограничения на военное строительство. Статья 9 Основного закона страны, вступившего в силу в 1947 г., провозглашает «отказ от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». В Конституции говорится об отказе Японии от обладания вооруженными силами. В 1950–1960-е годы были утверждены законодательные нормы, запрещавшие японским военным оснащать Силы самообороны наступательными видами вооружений, экспортировать и импортировать определенные виды вооружений и военные технологии, участвовать в разработке космического оружия. В 1955 г. был принят закон о мирном использовании атомной энергии, закрепивший право страны на ее использование исключительно в мирных целях. Кроме того, в этот же период был законодательно закреплен запрет на отправку войск за рубеж, в том числе в составе миротворческих контингентов.

Часть самоограничений не носила юридического характера и потому могла быть отнесена к морально-этической категории. В их числе, в частности, можно назвать так и не получившие законодательного оформления «три неядерных принципа» (не ввозить, не производить и не иметь ядерного оружия), а также обязательство, что военные расходы не должны превышать 1% ВВП страны. Тем не менее комплекс мирных положений выступал мощной преградой на пути

к ремилитаризации Японии, к ее возрождению в качестве военной державы глобального уровня.

Впрочем, мирный статус не имел абсолютного характера, а сочетался с союзническими обязательствами Токио по отношению к США в международно-политической, военной, финансовой, логистической и иных областях. Более того, описанные ограничения не препятствовали созданию в стране ограниченного военного потенциала. В 1952 г. в Японии был создан Резервный полицейский корпус, а в 1954 г. — Силы самообороны. Это были полноценные вооруженные силы, которые по своим характеристикам со временем вошли в число наиболее боеспособных и оснащенных армий мира. Тем не менее в юридическом отношении Силы самообороны не считались армией, а ведомство, которому они подчинялись, по своему статусу было на ступень ниже министерства, называлось Управление национальной обороны (УНО) и входило в состав Канцелярии кабинета министров.

Используя пацифистский статус, Япония в 1950–1970-е годы смогла существенно укрепить свою экономическую базу, прежде всего в странах Восточной Азии, сильно пострадавших в годы Второй мировой войны от японской агрессии. При этом 9-я статья Конституции стала для Токио удобным средством для достижения весьма амбициозных внешнеэкономических целей — именно благодаря ее существованию было снято недоверие к Токио и большинство стран региона смогло убедиться, что послевоенная Япония полностью отмежевалась от милитаристского прошлого.

Однако с начала 1970-х годов ситуация стала меняться. Вашингтон в соответствии с «гуамской доктриной Никсона» взял курс на постепенное перекладывание на плечи союзников в Восточной Азии политической, военной и финансовой ответственности по обеспечению безопасности. Не составляла исключения и Япония — наиболее сильный в экономическом отношении союзник Соединенных Штатов в АТР. В 1976 г. были приняты «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны», в соответствии с которыми Япония брала на себя конкретные обязательства в сфере оперативно-тактического взаимодействия.

После окончания холодной войны в международных отношениях в Восточной Азии произошли существенные изменения, отражавшие новые реалии, сложившиеся в постбиполярном мире. В результате распада СССР США остались единственной военной сверхдержавой, в связи с чем возникла перспектива складывания такой системы международных отношений, в которой приоритет имеют экономические и военно-политические интересы Вашингтона. Широкое распростране-

ние в 90-е годы прошлого века получила теория «унилатеризма», или «однополярности», в которой США признавались единственным «полюсом», способным диктовать свои условия остальному миру.

Но с начала 2000-х годов проблема «унилатеризма» стала постепенно терять свою актуальность вследствие появления новых «полюсов» (в лице, например, группы БРИКС — в которую входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, т.е. страны с быстрорастущей экономикой) и формированием реальной многополярности.

В Восточной Азии данный процесс проявил себя в виде борьбы за лидерство нескольких держав, претендующих на статус «полюса», а именно США, Китая и России, а также Японии, продолжавшей, несмотря на ослабление своих глобальных экономических позиций, оставаться крупнейшим игроком в международных отношениях в Восточной Азии. В этой связи большое значение для региона, помимо фактора макрополитической стабильности, обеспечиваемой за счет американоцентристской системы безопасности, приобрели факторы китайско-американского и японо-китайского соперничества в экономической и военно-политической сферах, влияния России, а также механизмы многостороннего взаимодействия при решении конкретных проблем региона (безопасности на Корейском полуострове, терроризма, морского пиратства, оборота наркотиков и т.д.). Кроме того, как отражение глобальных тенденций в пользу усиления роли невоенных аспектов влияния в региональных отношениях актуализировалось понятие «мягкая сила», под которой понимается культурная и идеологическая экспансия государств, а также конкуренция представляемых ими образов и мировоззренческих ориентиров.

Активно проводимая Китаем политика технической модернизации вооруженных сил при сокращении численности личного состава создала в регионе принципиально новую геостратегическую ситуацию, в рамках которой США уже не могли в одиночку диктовать свою волю. Особенно сильно на изменение ситуации воздействовали успехи Китая в деле модернизации своего ракетного и космического потенциала, средств противовоздушной обороны, военно-морского флота, особенно подводного. В результате крупных экономических и геополитических сдвигов в Восточной Азии произошло формирование парадигмы «новой биполярности»: многие процессы в регионе стали проходить под знаком американо-китайского противостояния, которое продолжало обостряться, несмотря на глубокое взаимопроникновение экономик двух стран.

В создавшихся условиях США стали рассматривать подъем КНР как фундаментальный вызов, требующий разработки стратегии сдер-

живания. В рамках внешнеполитического и оборонного истеблишмента было выдвинуто несколько концепций политики на китайском направлении. Пентагон взял на вооружение стратегию «огораживания», предполагающую перенос центра активности военно-морских сил из Атлантического океана в Тихий, фундаментальную перегруппировку войск и изменение структуры военных баз с учетом китайского фактора.

Одним из главных пунктов базирования военно-морских и военно-воздушных сил США на Тихом океане, в том числе для стратегических бомбардировщиков и самолетов-разведчиков, становится остров Гуам, куда перебрасывается существенная часть группировки морской пехоты США, которая ранее базировалась на Окинаве. Одновременно Госдепартамент США стал продвигать концепцию «ответственного акционера», предложенную заместителем госсекретаря Р. Зелликом. Ее суть заключается в том, чтобы энергичнее вовлекать Китай в систему международной безопасности в Азии на правах активного субъекта, основываясь при этом на общности стратегических интересов и на внедрении западных ценностей в китайскую политическую и экономическую систему. Для укрепления своих позиций в Восточной Азии Вашингтон взял также курс на то, чтобы оптимизировать систему двусторонних договоров безопасности, повысив уровень военного вклада своих стратегических союзников и обеспечив большее равноправие в системе оперативного и стратегического взаимодействия с ними.

Происшедшие изменения подталкивали Японию к обновлению базовых подходов к политике в сфере безопасности. Многие из таких изменений стали рассматриваться Токио в качестве вызовов для национальных интересов страны. В их числе — провокационная, по мнению Японии, политика Северной Кореи, направленная на развитие своего военного и ракетно-ядерного потенциала, рост военной мощи Китая, предъявляющего претензии на острова Сэнкаку/Дяюйдао, а также международный терроризм и киберпреступность. В Токио стали ощущать прямую военную угрозу со стороны Китая, который из категории «партнера» и «ответственного акционера» переместился в категорию «военного соперника». Особенно быстро этот процесс пошел после событий сентября 2010 г., когда Пекин оказал на Токио беспрецедентное военно-дипломатическое давление в связи с обострением ситуации вокруг островов Сэнкаку/Дяюйдао. Переоценка КНР происходила не только на уровне политического руководства, но и в сознании рядовых японцев, которые стали испытывать ощущение прямой военной опасности.

В этой связи в Японии трансформировалось и восприятие значимости военного союза с Америкой. Новый уровень сотрудничества в военно-стратегической сфере стал фиксироваться в ходе ежегодных совещаний по вопросам безопасности с участием министров обороны и иностранных дел (формат «два плюс два»). В июне 2011 г. стороны открыто выступили за налаживание многостороннего взаимодействия в сфере безопасности с Австралией, Южной Кореей, Индией и другими странами, что явилось собой новый момент в стратегии безопасности в контексте обозначенных в совместном заявлении общих военных угроз.

Новая роль Японии в рамках союза потребовала от нее внесения корректив в законодательную базу, регулирующую усилия в сфере национальной обороны. Еще в первой половине 1980-х годов тогдашний премьер-министр Я. Накасонэ выдвинул идею «подведения итогов войны», в соответствии с которой перед страной была поставлена задача постепенно демонтировать все виды антивоенных ограничений. Особенно эта задача актуализировалась с началом постбиполярной эпохи, когда тенденции к усилению военного компонента в союзнических обязательствах Токио по Договору безопасности приняли качественный характер. На законодательном уровне был поставлен вопрос о внесении поправок в пацифистскую Конституцию, стали последовательно отменяться все ограничения на военное строительство.

На ускорение процесса эрозии пацифистских законодательных ограничений повлияли и результаты войны в Персидском заливе 1991 г. Япония отказалась под предлогом конституционных ограничений направить туда свои войска и предпочла внести солидный финансовый взнос. Однако «дипломатия чековой книжки» вызвала единодушную критику Японии, что заставило ее ускорить процесс пересмотра внутреннего законодательства с целью легитимации участия страны в международных миротворческих операциях.

В 1992 г. был принят закон, который регламентировал случаи, когда японские военные могут быть направлены за рубеж, в частности выдвигалось условие, что это возможно исключительно если миротворческие операции санкционированы ООН. На практике участие Японии в военных операциях за рубежом не ограничивалось только миротворчеством под эгидой ООН. Так, японские контингенты были задействованы в операциях в Камбодже, Мозамбике, Восточном Тиморе, Никарагуа, Сомали и ряде других стран.

Японские военнослужащие начали участвовать не только в миротворческих операциях, санкционированных решениями ООН, но и в военных операциях в составе возглавляемых США коалиций, как это

случилось в Ираке. В 2011 г. японские Силы самообороны открыли в Джибути первую за весь послевоенный период военную базу за пределами Японии.

Однако действующие в стране законы (Конституция, Закон о Силах самообороны 1954 г., Закон о сотрудничестве с ООН по поддержанию мира 1992 г., Закон о мерах по противодействию пиратству 2009 г. и др.), по сути, ограничивали любые действия японских миротворцев в зонах поддержания мира гуманитарными целями и практически не допускали их участия в боевых действиях. Например, в соответствии с обозначенными Законом о сотрудничестве с ООН «пятью принципами» участия в миротворческих операциях японские военные могли направляться только в те районы, где достигнуто соглашение о прекращении огня, а использование ими оружия признается только «в минимальном объеме для защиты жизни персонала»¹. Силы самообороны не имели, таким образом, юридических оснований применять оружие и участвовать в боевых операциях, иначе как в случаях прямого нападения либо при непосредственной угрозе такового.

Фактически это делало невозможным отправку контингентов Сил самообороны в горячие точки, а если это и происходило (как, например, в Ираке и Афганистане), их миротворческая миссия требовала принятия особых мер личной безопасности в отношении японских военнослужащих, которые в реальности приходилось обеспечивать миротворцам других стран. Это вызывало критику Японии за желание «отсидеться за чужими спинами» и создавало трудности для дипломатии Токио в ООН, препятствуя решению задачи укрепления политического авторитета страны как ответственной глобальной державы.

Кроме того, в соответствии с действовавшей трактовкой Конституции Силы самообороны не могли оказывать США, являющимся партнером Японии по военно-политическому союзу, эффективную помощь и налаживать оперативное взаимодействие при выполнении совместных боевых задач. Часто приводится следующий пример: при вражеской атаке на американский боевой корабль находящиеся поблизости суда военно-морских Сил самообороны были не вправе дать отпор противнику своими огневыми средствами.

На этом фоне за пересмотр Конституции выступила значительная часть наиболее влиятельных политических сил страны, включая большинство депутатского корпуса правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), а также значительную часть оппозиции, в том числе ряд руководителей крупнейшей оппозиционной партии — Демократической партии Японии (ДПЯ). Конституционную

---

¹ http://www.pko.go.jp/pko_e/organization/researcher/atpkonow/article001.html

реформу поддержали и ряд малых и средних партий «третьего полюса», в частности Общество реставрации, превратившееся, по итогам состоявшихся в 2012 г. выборов в нижнюю палату парламента, в третью политическую силу в стране. Первым шагом в направлении пересмотра Конституции стало проведение в 2007 г. администрацией С. Абэ Закона о референдуме.

Однако реализация планов консервативно настроенных слоев японского руководства по изменению Конституции сталкивалась с большими трудностями. Это связано с крайне сложной процедурой внесения конституционных поправок, предполагающей, в соответствии со ст. 96, их принятие квалифицированным большинством в обеих палатах парламента при последующем одобрении на общенародном референдуме. В реальности ситуация, когда сторонников изменения Основного закона оказалось бы более двух третей в обеих палатах, была маловероятной, поскольку по конституционному вопросу общественное мнение страны оставалось фактически расколотым даже в постбиполярную эпоху.

Свою роль, кроме того, играла внутривнутриполитическая ситуация в стране. В первом десятилетии 2000-х — начале 2010-х годов против внесения поправок выступала значительная часть политических партий, включая Комэйто, являющуюся партнером ЛДП по правящей коалиции, а также левые силы в парламенте в лице Коммунистической и Социалистической партий. Негативно к конституционной реформе относилась и определенная часть депутатского корпуса ЛДП и ДПЯ, что делало исход парламентского голосования по поправкам непредсказуемым.

Следует отметить, что в политической и бюрократической элитах страны наблюдаются «разброд и шатание» по вопросам политики в сфере национальной безопасности. При этом размежевание между различными политическими группировками традиционно слабо коррелируется с их партийной принадлежностью. Например, хотя Либерально-демократическая партия на протяжении полувека пребывания у власти занимала по вопросам Договора безопасности консолидированную позицию, внутри нее постоянно шли дебаты по вопросам национальной безопасности. В ЛДП сложились «националистическое», «пацифистское» и «меркантилистское» течения, каждое из которых имело собственное представление об угрозах и, соответственно, приоритетах в сфере безопасности. Так, «меркантилисты» всегда исходили из того, что главная угроза безопасности страны связана с ее изоляцией и упадком системы мировой торговли, «националисты» — с утратой суверенитета и полного подчинения Японии старшему

партнеру по Договору безопасности, «пацифисты» — с опасностью невольного вовлечения в вооруженный конфликт.

Еще более пестрая картина наблюдается в Демократической партии Японии, возникшей в результате объединения полярных по идеологическим воззрениям политических сил. Там сосуществуют несколько течений, генетически связанных с партиями-предшественницами — от левых социалистов до правых националистов.

Свою роль играет и раскол в общественном мнении. Так, опрос, который провела в марте–апреле 2013 г. газета «Асахи», дал следующие результаты: 52% респондентов высказывались за то, чтобы сохранить ст. 9 в неизменном виде, тогда как 39% — за внесение в нее поправок². Для сравнения: в 2007 г. доля противников изменения 9-й статьи составляла 52%, а сторонников — 33%, в 2008 г. — соответственно 66 и 23%³. В 2007 г. в ходе опроса общественного мнения, посвященного 60-летию Конституции страны, 78% респондентов заявили: 9-я статья «способствовала тому, что Япония живет в мире»⁴.

В этих условиях правящая верхушка пошла по пути расширительной интерпретации 9-й статьи Основного закона, согласно которой действующая Конституция в своем нынешнем виде не запрещает Японии иметь вооруженные силы для нужд национальной обороны, а также направлять их за рубеж для участия в миротворческих миссиях ООН и военных операциях в рамках стратегического союза с США. На вооружение было взято закрепленное в Уставе ООН право на коллективную самооборону, которое было признано соответствующим Основному закону.

Еще в 1972 г. кабинет министров страны установил, что 9-я статья Основного закона не запрещает коллективную самооборону «в целях защиты права народа на жизнь, свободу и стремление к счастью». Вместе с тем японская трактовка права на коллективную самооборону традиционно отличалась от устоявшейся в мире точки зрения, в соответствии с которой нападение на одного из участников соглашения о коллективной самообороне автоматически приравнивается к нападению на всех его участников. В японской трактовке право на коллективную самооборону распространялось только на случаи непосредственной угрозы суверенитету Японии и не могло быть использовано для применения силы в случае нападения на любые другие страны, включая партнеров по союзу. Такая трактовка означала, что гипотетическое нападение на США никаких правовых последствий для

---

² Асахи симбун. 02.05.2013.

³ Hughes Ch. W. Japan's Remilitarization. P. 128.

⁴ Асахи симбун. 02.05.2007.

Японии иметь не будет. Именно это обстоятельство позволяло говорить о неравноправном характере японо-американского военно-политического союза, в рамках которого США в соответствии со ст. 5 Договора безопасности обязаны защищать Японию при военном нападении на владения, находящиеся под ее административным контролем.

В июле 2014 г. кабинет Абэ выступил с новой трактовкой права Японии на коллективную самооборону, в соответствии с которой политическое руководство страны получило право использовать Силы самообороны в ситуациях, не обязательно подпадающих под понятие прямого военного нападения на территорию Японии. Как заявил премьер-министр С. Абэ, это право необходимо «для защиты жизни и имущества граждан страны в условиях стремительно меняющейся среды безопасности». Решение, как отмечала газета «Майнити», «может коренным образом изменить базовую политику Японии в сфере национальной безопасности»⁵.

Для понимания побудительных мотивов Токио при принятии решения об изменении трактовки необходимо учитывать крайне жесткую законодательную среду, регламентирующую любую деятельность Сил самообороны. В отличие от большинства стран мира, в Японии отсутствует закон, предоставляющий главе исполнительной власти (премьер-министру) универсальное право на применение военной силы за рубежом: каждый такой случай требует принятия специального закона, определяющего жесткие временные, географические и иные границы военной миссии. К числу подобных законов относятся, в частности, Закон о специальных мерах по борьбе с терроризмом, Закон о специальных мерах, касающихся гуманитарной помощи, работ по восстановлению и помощи в налаживании безопасности в Ираке и др.

Новая трактовка права на коллективную самооборону означала либерализацию процедуры принятия решения об использовании Сил самообороны. В пояснениях правительства, сопровождавших трактовку 2014 г., вводилось понятие права на использование силы как «средства самообороны». Это означало, что кабинет министров может принять решение об участии Сил самообороны в коллективных операциях за рубежом, осуществляемых с санкции Совета Безопасности ООН, например в отношении стран-агрессоров. Однако применение силы японскими военнослужащими признается лишь в случае прямого нападения на страну, «имеющую тесные отношения с Японией» и при отсутствии любой иной альтернативы. Еще одним условием

---

⁵ Майнити симбун. 01.07.2014.

является возникновение ситуации очевидной угрозы самому существованию Японии и праву японского народа на жизнь, свободу и стремление к счастью⁶.

Новая интерпретация права на коллективную самооборону, как предполагается, обеспечит Японии возможность более полной реализации ее международно-правовых обязательств в рамках ООН. Уже более двух десятилетий для Японии задача повышения роли в ООН остается одной из ключевых. Япония активно наращивает свое участие в миротворческих операциях ООН, в ходе которых Силы самообороны оказывали логистическую, инженерную, гуманитарную помощь в странах, пострадавших от военных конфликтов. Основная проблема заключается в том, что миротворческие операции ООН предполагают возможность ведения боевых действий и применения оружия, включая, например, операции по разминированию. Сейчас такие операции достаточно востребованы, особенно в горячих точках на Ближнем и Среднем Востоке.

Значимым следствием новой трактовки можно назвать также подведение более четких правовых оснований под совместные с США действия в акваториях, примыкающих к японским территориальным водам. Токио получил дополнительные правовые возможности в ситуациях, когда Силам самообороны понадобится производить осмотр, а при необходимости и задержание судов с оружием, направляющихся в страны, ведущие боевые действия против США, осуществлять дозаправку в воздухе американских самолетов, выполняющих боевые операции в Восточной Азии, и т.д. Более серьезной стала правовая база для японского вклада в разработку системы противоракетной обороны, включая ее технологические, финансовые и логистические аспекты.

Вместе с тем большие нарекания вызвала размытость критериев, которыми ограничено применение права на коллективную самооборону. Так, не вполне юридически четким можно назвать понятие «страна, имеющая тесные отношения с Японией», а также понятие «фундаментальная угроза» базовым правам японских граждан.

Еще более очевидным поводом для критики явилась процедура применения права на коллективную самооборону. В пояснениях, сопровождавших заявление правительства, говорилось, что именно кабинет министров будет решать, отвечает ли создавшаяся ситуация условиям, легализующим применение военной силы. Иными словами, поскольку использование Сил самообороны является актом, затрагивающим основы конституционного строя, принятие решений в этой

---

⁶ Асахи симбун. 01.07.2014.

сфере правительством без согласования с парламентом, по мнению многих экспертов, означает нарушение принципов взаимоотношений исполнительной и законодательной ветвей власти. Как справедливо указывают многие, исполнительная власть может отдать приказ о применении силы, влекущий за собой жертвы среди японских военнослужащих, исходя из собственного видения ситуации и вывода, что возникла угроза существованию Японии и правам граждан⁷. К тому же повышается риск нарушения принципа гражданского контроля, когда решения исполнительной власти, неподконтрольные законодательной, могут быть приняты исключительно под влиянием оценок, данных военной бюрократией.

Имеется для Японии и еще один фундаментальный риск — быть втянутой против своей воли в военный конфликт. В результате принятия новой трактовки Вашингтон может оказать на Японию давление, чтобы, например, побудить ее использовать Силы самообороны в «горячих точках». Серьезной критике подвергается и процедура, которая предшествовала правительственному решению об изменении трактовки. Фактически новая трактовка была одобрена без какого-либо обсуждения в парламенте или с участием общественности. Закулисный характер решения ставит под удар демократические принципы управления государством, которыми Япония всегда гордилась.

Как можно оценить новую интерпретацию права на коллективную самооборону? Безусловно, она станет еще одним шагом на пути к превращению Японии в «нормальное государство», т.е. страну, в которой отсутствуют какие-либо правовые ограничения на военное строительство.

В послевоенной истории было множество ситуаций, когда Япония вольно или невольно выступала косвенным участником различных локальных войн и конфликтов в Восточной Азии — достаточно вспомнить развитие событий во вьетнамской войне (когда американские бомбардировщики, осуществлявшие бомбардировки Северного Вьетнама, взлетали с баз, расположенных на территории Японии), тайваньский конфликт, а также конфликт на Корейском полуострове. В любом случае изначально было ясно, на чьей стороне выступает Япония, даже если она не оказывала прямого военного содействия США. Вместе с тем позиция Токио была достаточно амбивалентной и в чем-то даже «лицемерной» — военного вклада в союз она оказывать не могла. Очевидно, что новая трактовка права на коллективную самооборону позволит Японии более четко определить свою роль в случае военного конфликта с участием США.

---

⁷ Майнити симбун. 01.07.2014.

Возникает вопрос — а может ли возникнуть ситуация, когда Японии потребуется применить право на коллективную самооборону для защиты своих национальных интересов? Единственной страной, с которой у Японии есть оформленные союзнические отношения, являются Соединенные Штаты. В послевоенный период время от времени потенциально и реально возникали ситуации, предполагавшие использование этого права, но тогдашняя его трактовка не давала ясного ответа о допустимых лимитах на пути военного сотрудничества. Теперь же эти пробелы в значительной степени были устранены, что дало импульс двустороннему сотрудничеству в военной области.

Вместе с тем реальная опасность втягивания Японии в вооруженный конфликт, даже с учетом «облегченной» трактовки права на коллективную самооборону, вызывает сомнения. Действительно, если США подвергнутся прямому военному нападению, Японии как союзнице придется оказывать им прямую военную поддержку. Однако следует учесть, что в интерпретации правительства речь идет именно о прямом военном нападении на «страну, имеющую тесные связи с Японией», т.е. Соединенные Штаты. В действительности же такую ситуацию в обозримой перспективе представить крайне трудно, ибо речь идет о ядерном государстве, пока еще обладающем самой мощной экономикой и самой сильной армией в мире. Что касается локальных войн, в которые могут быть вовлечены Соединенные Штаты (за исключением ситуаций, напрямую затрагивающих японские национальные интересы), то боевые действия с участием американских военных вовсе не означают «нападения» на Америку, что в конечном счете позволяет Японии оставаться свободной в своем выборе при принятии решения о применении военной силы. Поэтому речь пока может идти лишь о гипотетическом сценарии, мало соприкасающемся с реальной жизнью.

Еще одним примером отхода Токио от жесткого следования пацифистским самоограничениям стало постепенное ослабление запретов на экспорт вооружений. С 1967 г. Япония придерживается «трех принципов», в соответствии с которыми не допускается экспорт вооружений в страны коммунистического блока, в страны, куда поставка оружия запрещена резолюциями ООН, а также в страны, вовлеченные либо имеющие высокую вероятность быть вовлеченными в активные военные действия.

Японское правительство неоднократно декларировало намерение также отказаться от передачи за рубеж военных технологий, однако оно не всегда последовательно претворялось в жизнь. Еще в 1980-х годах Токио принимал активное участие в известной «стратегической

оборонной инициативе» администрации Р. Рейгана, при этом известно, что вклад японских компонентов в эту программу, и прежде всего компонентной базы спутникового оружия, полупроводников, лазерного оружия, был неопределимым.

С конца 1990-х годов Япония взяла курс на создание совместной с Соединенными Штатами системы противоракетной обороны (ПРО) и провела успешные испытания ракет-перехватчиков SM-3 американского производства, являющихся главным компонентом японской системы ПРО. В 2008 г. был принят закон, позволяющий Японии участвовать в разработке космического оружия. При этом еще в 2006 г. в рамках реализации космической программы Япония осуществила успешный запуск ракеты-носителя H-2A со спутником мониторинга Земли.

В принятых в декабре 2013 г. японским правительством «Основных направлениях Программы национальной обороны» была провозглашена необходимость смягчения принципов запрета на экспорт вооружения в соответствии с национальными интересами. Прежде всего это связано с обязательствами Токио в рамках военно-политического союза с США. Япония уже достаточно давно активно участвует в международных проектах по разработке новых видов оружия, в том числе не только оборонительного характера. Кроме того, в условиях ужесточающейся конкуренции на внешних рынках вооружений и ухудшения ситуации с государственным бюджетом на первый план для японских корпораций, занимающихся разработкой новых видов оружия, выходят вопросы экономической эффективности. Для коммерческого успеха таких проектов приоритетное значение приобретает снижение себестоимости продукции, в том числе путем наращивания массового ее производства. Таким образом, на подход Японии к вопросам экспорта вооружений во все большей степени воздействуют не только вопросы безопасности, но и экономическая сторона дела, которая диктует необходимость либерализации регулирующих норм и ограничений.

Отказа от запрета на экспорт вооружений требует от Японии и задача расширения вклада Японии в миротворческие операции под эгидой ООН. При кабинете Ё. Нода (2011–2012) экспортные сделки с оружием были разрешены лишь в рамках двусторонних соглашений с отдельными странами-партнерами. Однако Япония не может предоставлять такое оружие международным организациям, в том числе для целей разоружения и контроля над вооружениями, например Организации за запрещенное химическое оружие.

В прошлом неоднократно предпринимались попытки обойти указанные запреты. Например, при правительстве Нода в декабре 2011 г.

были сформулированы новые принципы политики в области экспорта вооружений: запрет отменялся в отношении вооружений, которые вносят вклад в поддержание мира, международное сотрудничество, а также в реализацию совместных проектов по разработке и производству оружия, при условии, что оно не будет использоваться без согласия разработчиков либо предоставляться третьим странам без предварительного согласия Японии. В конце 2013 г. японское правительство в обход принципа запрета на экспорт вооружений безвозмездно предоставило через механизмы ООН 10 тыс. патронов для южнокорейского миротворческого контингента в Южном Судане. Как отметил генеральный секретарь кабинета министров Ё. Суга, данное решение было принято исходя из гуманитарных соображений⁸.

По всей видимости, полная отмена запрета на экспорт вооружений, являющаяся одним из приоритетных задач правительства, — лишь вопрос времени. Главная сложность заключается, скорее, не в юридической стороне дела, а в морально-психологической — облик торговца оружием плохо вяжется с образом страны, постоянно твердящей о своей приверженности делу мира.

Среди прочих шагов, которые планомерно осуществляло руководство в постбиполярный период, стали усилия по повышению статуса Сил самообороны до уровня полноценных вооруженных сил. В 2007 г. в Японии на основе Управления национальной обороны было создано Министерство обороны.

Особенно заметным поворот в политике Токио в сфере национальной безопасности стал после прихода к власти кабинета С. Абэ в декабре 2012 г. Япония взяла курс на создание современного военного потенциала, позволяющего вести боевые действия не только на территории Японии, но и далеко за ее пределами, при опоре на достигнутую страной экономическую и технологическую мощь.

Формально обязательство, что военные расходы не должны превышать 1% ВВП, сохраняется, однако по военному бюджету Япония в 1990–2010-е годы занимала, по разным оценкам, 4–6-е места в мире. С 2014 г. Силы самообороны, несмотря на переживаемые страной финансовые трудности, стали получать приоритетное финансирование. В 2014 фин. г. военный бюджет Японии увеличился второй год подряд, показав прирост в 2,2% (рекордный показатель за последние 18 лет), был расширен, пусть и незначительно, численный состав Сил самообороны.

Войска стали активно оснащаться наступательными видами вооружений. В 2007 г. Япония закупила у Соединенных Штатов 50 ис-

---

⁸ Майнити симбун. 25.12.2013.

требителей-бомбардировщиков F-22 “Raptor”, относящихся к наступательному классу вооружений, а ранее японским правительством были также осуществлены закупки самолетов-дозаправщиков, которые позволяют в значительной степени расширить диапазон патрулирования японскими ВВС воздушного пространства за пределами Японии. В 2007 г. Япония объявила также о завершении строительства авианосца “Нууга” и готовности построить еще три корабля такого класса (решение о том, что на вооружении японского флота должны появиться авианосцы, было принято впервые со времен окончания Второй мировой войны).

Вплоть до 2013 г. единственным документом, регулирующим политику Японии в сфере национальной безопасности, была принятая кабинетом министров еще в 1957 г. концепция, озаглавленная «Базовая политика в области национальной обороны». Этот документ содержал лишь самые общие принципы военного строительства и, безусловно, не мог являться руководством к действию в условиях пост-биполярной системы.

17 декабря 2013 г. правительство Японии одобрило целый пакет программных документов, определяющих государственную стратегию в области национальной безопасности на обозримую перспективу. В их числе — «Стратегия обеспечения национальной безопасности», «Основные направления плана национальной обороны» и «Среднесрочная программа повышения оборонного потенциала». Важнейшим среди этих документов является «Стратегия обеспечения национальной безопасности»⁹, содержащая концептуальное видение проблем национальной безопасности и подходов к их решению на 10-летний период. Авторы «Стратегии» исходили из принципа, согласно которому гарантии безопасности не могут ограничиваться только военной сферой. В документе подчеркивалось, что меры по обеспечению национальной безопасности должны основываться на всей совокупной мощи государства, охватывая сферы дипломатии, экономической и технологической политики.

Ключевым для «Стратегии» является понятие «активный пацифизм». Как отмечено в документе, цель Японии заключается в том, чтобы еще более активно вносить вклад в поддержание мира и процветание мирового сообщества, действуя с позиций «активного пацифизма»¹⁰. «Активный пацифизм», по мнению разработчиков концепции, предполагает осуществление самых разных шагов по достиже-

---

⁹ http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/page22_000407.html

¹⁰ http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2013/_icsFiles/afieldfile/2013/12/17/20131217-1_1.pdf

нию мира. Благодаря этому, как считают авторы «Стратегии», Япония обретет на международной арене новых друзей и сможет оказывать эффективное давление на страны, нарушающие мировой порядок. Речь в первую очередь шла об официальном признании права на коллективную самооборону как соответствующего Конституции страны.

Следующий документ — «Основные направления плана национальной обороны»¹¹ — ставит задачу всемерного наращивания потенциала «динамичной обороны». Понятие «динамичная оборона» было впервые обозначено в «Основных направлениях», принятых в декабре 2010 г. Декларированный в «Основных направлениях» переход от «базовой» к «динамичной» обороне призван обеспечить более гибкий ответ на внешние военные угрозы, в числе которых названы рост военной мощи КНР, усиление активности ее военно-морского флота в Восточно-Китайском море, а также ракетно-ядерная программа Северной Кореи.

«Основные направления» отразили качественный сдвиг в политике Японии в сфере обороны, которая впервые за весь послевоенный период утратила свой выраженный реактивный характер и эволюционировала в сторону большей активности. Приоритет стал отдаваться мобильности боевых подразделений, их способности быстро реагировать и перемещаться в соответствии с изменениями оперативной обстановки. Документом предусматривается модификация потенциала «динамичной обороны» как в количественном, так и в качественном отношениях¹².

В соответствии с концепцией «динамичной обороны» вооруженные силы Японии должны быть готовы противостоять самому широкому спектру угроз, включая теракты, провокации и иные формы нападения, как в традиционных сферах (морские и наземные пространства), так и в таких средах, как космос и киберпространство. Концепция подразумевает такую модель военного строительства, при которой боевые возможности Сил самообороны должны использоваться с максимальной гибкостью и эффективностью.

Главный упор в программе их модернизации сделан на усиление потенциала береговой охраны в Восточно-Китайском море, где, как предполагается, Китай будет размещать свой модернизированный авианосный флот. В этой связи планируется наращивать японскую военную группировку за счет новых патрульных кораблей, разведывательных самолетов и подводного флота.

---

¹¹ Ibid: //kantei.go.jp/kakugikettei/2014/_icsFiles/afieldfile/2013/20/17/20131217-2_1.pdf

¹² Майнити симбун. 18.12.2013.

Что касается «Среднесрочной программы повышения оборонного потенциала»¹³, то главный упор в ней сделан на конкретных шагах по наращиванию мощи морских и сухопутных подразделений высокой мобильности, способных защитить, а при необходимости — и отбить у противника «отдаленные острова» на юго-западном направлении. Программой провозглашается необходимость создания «объединенного оборонного потенциала гибкого реагирования», который бы обеспечил эффективную координацию сухопутных, военно-морских и военно-воздушных Сил самообороны. В основе данной программы лежит сценарий, согласно которому Китай попытается силой захватить острова Сэнкаку, в связи с чем в программе основное значение придается повышению боеготовности подразделений, осуществляющих разведку, мониторинг, патрулирование морского и воздушного пространства страны вокруг спорных территорий.

Ясно, что пределы, до которых может дойти Япония в проведении нового курса в сфере национальной безопасности, будут в существенной степени зависеть от позиции США. На данный момент Вашингтон в целом его поддерживает.

В постбиполярный период Япония продолжала наращивать уровень не только оперативно-технического, но и военно-стратегического взаимодействия с партнером по союзу. Это выражалось, в частности, в развитии новых форм оперативного планирования и координации действий с Соединенными Штатами. Например, на американской базе ВВС в Ёкота Япония и США развернули пункт управления ПВО, где работают офицеры Сил самообороны и ВВС США¹⁴. Была расширена зона ответственности Японии и за совместное патрулирование морских коммуникаций, которая сейчас уже охватывает зону до Тайваньского пролива.

О достигнутом уровне координации можно судить по операции «Томодати» («Друзья»), проведенной военными двух стран после катастрофы 11 марта 2011 г.: впервые за всю послевоенную историю была реализована полномасштабная совместная операция с участием всех родов войск. Японские вертолеты базировались на американских авианосцах, американские боевые корабли перевозили к району бедствия персонал Сил самообороны и спасательную технику. Для обеспечения взаимодействия на оперативном уровне стороны обменялись офицерами связи.

---

¹³ http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2013/_icsFiles/afieldfile/2013/12/17/20131217-3_1.pdf

¹⁴ *Auslin M. Japan Awakens.*

Япония продолжала развивать совместно с США систему противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), основанную на противоракетных средствах защиты морского и наземного базирования. Данная система стала разрабатываться после 1998 г., когда Пхеньян осуществил пуски баллистических ракет «Тэпходон», перелетевших остров Хонсю и упавших в открытом море. В рамках системы ПРО ТВД на четырех эсминцах военно-морских Сил самообороны были установлены современные противоракетные системы «Иджис», имеющие в своем составе ракеты SM-3, а на территории страны размещено несколько противоракетных комплексов PAC-3. Япония активизировала усилия по развитию совместных с американцами систем радарного наблюдения. Программа ПРО ТВД предусматривает совместные разработки противоракетных систем нового поколения и модернизацию ракетных комплексов SM-3. В соответствии с программой формирования системы ПРО ТВД в военно-морские Силы самообороны должны поступить от четырех до шести эсминцев с новейшими противоракетными комплексами «Иджис», способными сбивать северокорейские ракеты класса «Нодонг».

В рамках союзнических отношений решался вопрос о закупках Японией в США новейших истребителей пятого поколения. Вопрос об оснащении ими Сил самообороны возник в связи с существенным изменением военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии, где Китай и Россия — страны, в той или иной степени причисляемые Токио к категории потенциальных военных соперников, — активно разрабатывают и разворачивают истребители с функциями «самолета-невидимки». Свою роль сыграло и то обстоятельство, что Япония встала перед необходимостью постепенной замены своих устаревших истребителей F-4 и F-15.

Первоначально Токио планировал заменить их истребителями пятого поколения F-22 “Raptor”, но возникла юридическая проблема, поскольку из-за конституционных ограничений Япония не может иметь вооружения наступательного характера. После длительных дебатов в декабре 2011 г. было решено закупить истребители F-35 “Joint Strike Fighter” компании “Lockheed Martin”. Первые четыре самолета, каждый из которых обойдется Токио в 9,9 млрд иен (примерно 121,62 млн долл.), должны поступить на вооружение к марту 2017 г.¹⁵. Общие затраты японской стороны на закупку истребителей при этом могут составить, как считают специалисты, около 13 млрд долл. Предполагается, что к середине 2020-х годов Япония получит около 40 истребителей¹⁶.

---

¹⁵ The Japan Times. 22.12.2011.

¹⁶ Auslin M. Op. cit.

Выбор в пользу данного вида истребителя был сделан исходя из следующих соображений. Во-первых, по уровню технической оснащенности и защищенности от обнаружения радарными, а также иным техническим характеристикам он выгодно отличается от конкурентных моделей, в частности F/A-18 “Hornet” и “Eurofighter Typhoon”. Во-вторых, соглашение с американцами обеспечивает допуск японских компаний к участию в операциях по сборке, техническому обслуживанию и модернизации самолета (общий вклад японцев в производство истребителя оценивается в 40%), а это, как ожидается, даст существенный толчок национальной промышленности. Особенно высоко японцы оценили тот факт, что компания “Lockheed” согласилась в интересах технологического сотрудничества с Японией передать партнерам абсолютно секретную информацию по конструкции фюзеляжа самолета. Это обстоятельство позволяет японским компаниям участвовать в передовых военно-технических разработках, которые могут быть применены в национальном самолетостроении. Например, концерн “Mitsubishi Heavy Industries” рассчитывает использовать их в производстве новейшего истребителя “Shinshin”.

В-третьих, свою роль сыграли и военно-политические соображения, в частности тот факт, что F-35 принимается на вооружение в армиях основных военных союзников Токио по региону — США и Австралии. Закупки истребителей, кроме того, служат задаче улучшения стратегических отношений с Вашингтоном, которые после 2009 г. переживали существенные трудности. Наряду с операцией «Томодати» сделка по F-35 рассматривалась во многом в качестве символического шага, олицетворяющего прогресс в отношениях между союзниками.

Одну из проблем для военно-политического союза с США представляет вопрос о выполнении Японией в полном объеме ее финансовых обязательств по содержанию американских военных баз, размещенных на ее территории. Япония оплачивает значительную (около $\frac{3}{4}$ общей суммы) часть затрат по жизнеобеспечению американских военных объектов, а также заработную плату занятых на них примерно 25 тыс. японских граждан. Общая годовая сумма расходов по статье «финансовые обязательства принимающей стороны» составляет около 188 млрд иен (или 2,2 млрд долл. США при курсе 82 иены за 1 долл.). Но Япония, стоящая на пороге кризиса государственных финансов, делает все возможное для сокращения бюджетных расходов и постоянно ставит перед партнером вопрос об уменьшении своих обязательств.

В декабре 2010 г. стороны договорились, что начиная с 2011 фин. г. Япония продолжит выполнять свои финансовые обязательства по со-

держанию баз в течение следующих пяти лет на текущем уровне. Вместе с тем, уступая требованиям Токио, США согласились на постепенное сокращение численности японского персонала баз, а также на снижение японской доли расходов на их жизнеобеспечение с 76 до 72%.

Сложной проблемой для союза продолжал оставаться вопрос о судьбе базы морской пехоты Футэмма на Окинаве. Принципиальное решение о передислокации базы на север Окинавы, в г. Хэноко, было принято в 2006 г. с целью облегчить положение жителей близлежащих районов, страдающих от шума и иных рисков в связи с полетами вертолетов в непосредственной близости от городских кварталов. Достигнутая договоренность явилась результатом 13-летних переговоров, ход которых периодически осложнялся различными инцидентами с участием американских военных. В числе последних — изнасилование японской школьницы американским военнослужащим в 1995 г., падение военного вертолета на территорию университетского городка в 2004 г. Договоренность, получившая название «дорожная карта», носила характер пакетной сделки и предполагала передислокацию базы в менее населенный район острова, включая строительство там нового аэродрома, а также одновременный вывод 3-го экспедиционного корпуса морской пехоты (8 тыс. военнослужащих) с Окинавы на о-в Гуам. Реализация плана позволила бы сократить американское военное присутствие на Окинаве и ослабить бремя префектуры, связанное с размещением американских войск на острове (на Окинаве, площадь которой составляет около 1% площади Японии, размещено 65% общего числа американских военнослужащих, расквартированных в стране). Япония брала на себя обязательство покрыть около 60% расходов на передислокацию базы, составлявших, по тогдашним оценкам, около 10,3 млрд долл.

Наибольшую проблему для японского правительства представляла позиция властей города Хэноко, которые под давлением общественного мнения выступили против данного плана (по закону для его реализации требуется согласование с местным муниципалитетом). Во многом по причине того, что альтернативного варианта с переносом базы на территории Японии найти не удалось, правительство Ю. Хатояма ушло в 2010 г. в отставку. Не нашли взаимоприемлемого решения и при правительстве Н. Кан, которое сосредоточилось на первоочередных задачах по восстановлению страны после природно-технологической катастрофы 11 марта 2011 г.

В результате вопрос о передислокации базы Футэмма, ставший «острым шипом» в двусторонних отношениях, пришлось решать

новому кабинету министров, сформированному в августе 2011 г. Его глава Ё. Нода фактически оказался в безвыходном положении. Оставлять вопрос в замороженном состоянии стало невозможным, поскольку это поставило бы под удар проводимую США реформу системы военного присутствия в западной части Тихого океана, одним из ключевым пунктом которой являлся перевод на Гуам части морской пехоты, расквартированной на базах в Японии. Нужно было срочно преодолеть трудности в отношениях с партнером по союзу и из-за угроз, непосредственно затрагивающих интересы военной безопасности страны. Именно в этот период произошел инцидент с китайским рыболовным судном в районе островов Сэнкаку и обострилась ситуация на Корейском полуострове (обстрел острова Ёнпхёндо, испытание ракеты-носителя в КНДР и пр.) Немаловажную роль играли и внутривнутриполитические причины: ДПЯ, катастрофически терявшей поддержку избирателей, срочно потребовались внешнеполитические успехи в преддверии новых парламентских выборов.

Однако реализация «дорожной карты» 2006 г. сталкивалась с большими трудностями, и в первую очередь из-за противодействия местной общественности, мнение которой ДПЯ, пришедшая к власти на волне популизма, игнорировать не могла. В Японии не удалось найти ни одного места, где местные власти оказались бы готовы дать согласие на размещение базы. В частности, мэр города Кадэна заявил о решительном отказе давать согласие на передислокацию туда базы. Свои сомнения в целесообразности переноса морской пехоты базы в Кадэна высказали и в Пентагоне. К тому же план 2006 г., предполагавший строительство вертолетной базы и иных дорогостоящих объектов военной инфраструктуры, столкнулся с оппозицией внутри американского Конгресса.

В феврале 2012 г. США и Япония согласились рассматривать вопрос о передислокации базы отдельно от более широкого вопроса о сокращении и оптимизации американского военного присутствия в Японии, включая тему вывода американских морских пехотинцев. В принятом 8 февраля 2012 г. совместном заявлении правительства США и Японии говорилось о том, что план передислокации в Хэноко «остаётся единственным реалистичным решением». Однако вне связи с передислокацией базы было принято решение о переводе 4 тыс. морских пехотинцев с базы Футэмма на военные объекты США в различных точках бассейна Тихого океана, включая Австралию (Дарвин) и Гавайи.

В принятом в начале октября 2013 г. на японо-американском консультативном совещании совместном заявлении¹⁷ провозглашалась

---

¹⁷ <http://www.mofa.go.jp/files/000016028.pdf>

цель изменить к концу 2014 г. «Основные направления оборонного сотрудничества между США и Японией». Действующая редакция «Основных направлений», принятая в 1997 г., обозначает особую роль Японии в тыловой поддержке американских войск и иных формах взаимодействия в «районах, окружающих Японию». В заявлении говорится, что обновленная редакция должна ставить цель «плавного перехода к двустороннему сотрудничеству во всех ситуациях» (т.е. не только касающихся районов, окружающих Японию) и «справедливого распределения ролей в оборонном сотрудничестве, основанном на обоюдной модификации имеющихся у сторон возможностей».

Между тем Япония в своих военно-стратегических отношениях с США оказалась к началу 2010-х годов перед достаточно сложным выбором, который таит в себе существенные риски. Уместно привести мнение профессора Массачусетского технологического института Р. Самюэлса, который отмечал: «Если Япония предпочтет сопротивляться попыткам США вовлечь ее в „коалиции доброй воли“ для проведения военных операций за пределами страны либо откажется предоставить США свою территорию под военные базы, она рискует быть брошенной на произвол судьбы. Без защиты США Японии придется существенно увеличить свои военные ассигнования либо самой стать ядерной державой. С другой стороны, объединяясь с Соединенными Штатами и заявляя о глобальной миссии Америки в обеспечении своей национальной безопасности, Япония рискует оказаться втянутой в войны, которые не отвечают ее выбору»¹⁸.

Отчасти соглашаясь с американским политологом, можно говорить о проводимой Токио на протяжении нескольких десятилетий линии тонкого балансирования между курсом на продолжение глобального партнерства с Америкой и политикой обеспечения национальных интересов, которые не обязательно совпадают с определяемой Вашингтоном «генеральной линией». Так, послевоенная политика Японии по отношению к Китаю, Ирану, странам арабского Востока, Мьянме и другим странам существенно отличалась от политики США.

С учетом постепенного вывода американских войск с Ближнего и Среднего Востока, усиления восточноазиатского направления в глобальной стратегии США в контексте противостояния Китаю значимость Японии как ключевого военно-политического союзника Америки будет неизбежно возрастать. Однако нельзя не согласиться с профессором Токийского университета Сусуму Ямакагэ, который отмечал: «Если глобальная безопасность Японии в значительной степени обеспечивается тесными отношениями с Соединенными Штатами,

---

¹⁸ *Samuels R. Securing Japan. P. 151.*

то вопросы ее региональной безопасности находятся больше в плоскости ее собственной оборонной политики»¹⁹. Иными словами, Япония будет вынуждена четче определить свою линию по отношению к региональным аспектам политики обеспечения национальной безопасности в Восточной Азии, действуя без оглядки на своего заокеанского партнера.

Ядерный фактор в политике обеспечения безопасности Японии

Позиция Японии по отношению к ядерному оружию в послевоенный период характеризовалась существованием «ядерной дилеммы»: с одной стороны, она позиционировала себя как неядерная держава, несущая моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия, а с другой стороны, приняв от США гарантии безопасности, де-факто признала легитимность использования американского ядерного оружия для защиты от внешнего нападения.

Эта двойственность накладывала отпечаток на всю послевоенную политику страны в ядерной области, которая отличалась двусмысленностью, непоследовательностью и противоречивостью. Как неядерная держава Япония активно проповедовала идеи ядерного разоружения вплоть до полного искоренения ядерного оружия, а также идею запрещения всех видов ядерных испытаний. Неядерный статус был частью пацифистского имиджа государства, отказавшегося от своего милитаристского прошлого и провозгласившего полное отрицание войны как средства решения международных споров. Этот имидж был в течение всех послевоенных десятилетий важным внешнеполитическим ресурсом, использование которого позволило Японии восстановить свои позиции в азиатских странах, пострадавших от японской агрессии в период Второй мировой войны, укрепить свое реноме в ООН и других международных организациях, заявить о себе как о политической державе глобального уровня. Отказ даже от гипотетической возможности обретения ядерного оружия казался в этих условиях абсолютно естественным выбором.

Вместе с тем неядерный статус Японии был тесно связан с американскими ядерными гарантиями, которые, согласно официально при-

---

¹⁹ Network Power. P. 280.

нятой точке зрения, обеспечили Японии мир и безопасность в послевоенный период и позволили ей добиться высокого уровня экономического развития и процветания. Как отмечал профессор Токийского университета Киити Фудзивара, невозможно отрицать тот факт, что ядерное сдерживание в период холодной войны было частью системы международных отношений в Азии. Ни СССР, ни Китай не могли строить свою политику по отношению к Японии без учета фактора американского удара возмездия²⁰. Таким образом, Япония, будучи «антиядерным государством», одновременно являлась бенефициаром системы ядерного сдерживания.

Большой интерес представляет эволюция позиции Японии по отношению к американским ядерным гарантиям. Эти гарантии как целостная система юридически оформленных обязательств сформировались далеко не сразу. С подписанием в 1951 г. Договора безопасности США взяли на себя обязательство лишь оказать Японии военную помощь при отражении нападения извне. Однако никаких формулировок, касающихся использования американского потенциала ядерного возмездия, не содержалось ни в тексте Договора безопасности 1951 г., ни в тексте более позднего Договора безопасности 1960 г. В этом, кстати, заключается коренное отличие японо-американского Договора безопасности от системы союзнических обязательств по блоку НАТО, правовая база которой включает регламентацию вопросов использования ядерных вооружений.

Такое положение некоторые историки объясняют позицией самой Японии, которая в течение длительного времени избегала ставить перед США вопрос о юридическом закреплении их обязанности защищать Японию при помощи ядерного оружия. По мнению бывшего посла Японии в США Такакадзу Курияма, Япония, пострадавшая от ядерного оружия, просто «не хотела» обсуждать эти вопросы с США, во многом в силу психологических причин²¹. Оказавшись по Договору безопасности в зависимом положении при решении вопросов обеспечения безопасности, Япония «слишком полагалась» на США в данной сфере и избегала поднимать проблему ядерных гарантий перед своим старшим партнером. Кроме того, в условиях, когда память об атомных бомбардировках в сознании японцев была еще очень сильна, японское политическое руководство не могло не учитывать неприятие общественным мнением самого факта актуализации темы ядерных вооружений в сфере внутренней политики. Иными словами, политические лидеры просто замалчивали ядерные аспекты Договора

---

²⁰ Асахи симбун. 05.07.2007.

²¹ Асахи симбун. 01.08.2005.

безопасности, опасаясь негативной реакции общественности на открытое обсуждение этой темы, результатом которого могло бы стать существенное снижение рейтингов правительства.

Вместе с тем это не означало, что ядерная проблема всерьез не обсуждалась на уровне принятия политических решений. Проблема ядерных гарантий США и тесно связанный с ней вопрос о ядерном вооружении Японии периодически поднимались руководителями страны в различных контекстах. Первое крупное заявление относительно конституционности ядерного оружия сделал премьер-министр Н. Киси, заявивший 7 марта 1957 г. на заседании верхней палаты парламента: «Было бы ошибкой считать, что Конституция запрещает иметь все виды ядерного оружия. Оборонительное ядерное оружие не запрещается»²².

Выдвижение тезиса о конституционности ядерного оружия не случайно по времени совпало с проводившейся тогда активной пропагандистской кампанией в защиту вооруженных сил, возрождение которых также объявлялось «соответствующим Конституции». Для оправдания обоих положений широко использовались ссылки на ст. 39 и 51 Устава ООН относительно права государств на самооборону. В правительственной интерпретации создание Сил самообороны служило задаче «отражения внешней агрессии» и вовсе не противоречило конституционным положениям, которые оперировали понятием «минимально необходимый оборонный потенциал». Аналогичный подход, о чем свидетельствует заявление Н. Киси, проявился и в отношении ядерного оружия как одного из потенциальных видов вооружений Сил самообороны: его легальность также связывалась исключительно с понятием «пределы минимально необходимой обороны», которые устанавливались в зависимости от субъективного мнения должностных лиц. Ядерные вооружения стали разграничиваться на «оборонительные» и «наступательные», и, по мнению политических лидеров, конституционный запрет распространялся только на последние.

Н. Киси был далеко не единственным официальным лицом, выступавшим с подобного рода трактовкой Конституции. 20 марта 1973 г. на этот счет высказался премьер-министр К. Танака: «Мы не можем иметь наступательного ядерного оружия, но это не значит, что мы не можем иметь ядерного оружия вообще»²³. Такая же мысль прозвучала и в выступлении на бюджетной комиссии парламента начальника Управления национальной обороны (УНО) К. Ито 18 февраля

---

²² Japan Quaterly. 1982. No. 2. P. 189.

²³ Цит. по: *Endicotte J.* Japan's Nuclear Option. P. 42.

1978 г.²⁴. Еще более определенным и развернутым было заявление в марте того же года премьер-министра Т. Фукуда, который сказал: «С точки зрения чистой трактовки Конституции, Япония может иметь любое оружие, будь то ядерное или бактериологическое, если оно подпадает под понятие „минимально необходимое“»²⁵. По сравнению с высказываниями Н. Киси это был еще один шаг к оправданию конституционности ядерного оружия, так как Т. Фукуда перешел от негативной логики доказательств («ошибка считать, что Конституция запрещает») к позитивной.

Тезис о соответствии ядерного оружия Конституции содержался и в «Белой книге по обороне» за 1970 г.: «Что касается ядерного оружия, мы придерживаемся „трех неядерных принципов“. Правительство проводит политику необладания ядерным оружием, хотя теоретически можно сказать, что доступ к ядерным вооружениям малого класса, отвечающим потребностям минимально необходимого для самообороны уровня и не создающим угрозы другим странам, был бы вполне возможен»²⁶. Примечательно, что в дальнейшем это положение больше не встречалось в каких-либо официальных источниках, хотя и подтверждалось в выступлениях крупных государственных деятелей. По всей видимости, это может быть объяснено тем, что правительство, опасаясь критики оппозиции, начиная с 1970-х годов стало подходить к публичным заявлениям на столь щекотливую тему с большей осторожностью, чем это было ранее.

Таким образом, в 1960–1970-е годы политическое руководство Японии считало, что Конституция страны не является решающим препятствием на пути создания ядерного оружия. Проводившаяся же Японией политика неядерного выбора, как можно судить по заявлению Т. Фукуда 1978 г., базировалась не только на Конституции, но и на иных правовых актах: Основном законе об атомной энергии, «трех неядерных принципах» и Договоре о нераспространении ядерного оружия²⁷.

Первым из них по времени вступления в силу является Основной закон об атомной энергии. Заложив нормативно-правовые основы для развития атомной энергетики, этот закон впервые сформулировал принцип исключительно мирного использования атомной энергии. Его принятие в 1955 г. было связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, ввиду больших перспектив, которые открывала атомная энергетика, Япония приступила к разработке исследовательских

---

²⁴ Japan Quaterly. 1982. No. 2. P. 188.

²⁵ Асахи симбун. 25.03.1978.

²⁶ Endicotte J. Op. cit. P. 42.

²⁷ Асахи симбун. 25.03.1978.

программ в данной области (первой из них, хотя и не осуществленной, была программа Кая–Фусими, названная по имени ее авторов)²⁸. Но новая отрасль энергетики могла развиваться только при условии бесперебойных поставок уранового топлива со стороны США, являвшихся на тот момент монополистом на рынке. Между тем Вашингтон оговаривал предоставление расщепляющихся материалов другим странам своим полным контролем над их применением (с целью предотвратить попытки тайного создания ядерного оружия). Необходимо также учесть, что между США и Японией уже существовала принципиальная договоренность о предоставлении Токио определенного доступа к американской технологии, материализовавшаяся в двустороннем соглашении о мирном использовании ядерной энергии 1955 г.²⁹. Принятие Основного закона об атомной энергии призвано было успокоить тогдашнее американское руководство относительно условий проведения ядерных исследований в Японии и побудить его к дальнейшему сотрудничеству в данной области.

Во-вторых, существенное влияние оказывала международная обстановка того периода. Япония, которая вела с СССР переговоры о нормализации отношений и стремилась к вступлению в ООН, была крайне заинтересована в создании в глазах международного общественного мнения репутации государства, хорошо усвоившего горький опыт минувшей войны и искренне стремящегося к ядерному разоружению. Такой имидж требовался и в отношении стран Восточной Азии, которые продолжали питать подозрения относительно возможности возрождения милитаризма в Японии, а в хороших отношениях с ними Токио был заинтересован в первую очередь. Указанным задачам, по мнению японского руководства, отвечало ограничение использования ядерной энергии в стране сугубо мирными целями.

В-третьих, большое значение имела и сложившаяся в середине 1950-х годов в Японии внутривнутриполитическая ситуация. В стране начала оформляться поляризация сил по отношению к проблеме ядерного оружия. С одной стороны, наблюдался значительный подъем антиядерного движения, на становление которого оказали влияние итоги Второй мировой войны и опыт бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, начало гонки ядерных вооружений в мире, а также крайне болезненно воспринятый в стране инцидент с экипажем рыболовного судна «Фукурю-мару», павшим в 1954 г. жертвой радиоактивных отходов в результате проведения США на атолле Бикини испытаний термоядерного оружия. Показателем мощи этого движения стало основание

---

²⁸ Асахи дзянару. 20.05.1977.

²⁹ Япония. Ежегодник 1982. С. 133.

в сентябре 1955 г. Японского совета борьбы за запрещение атомной и водородной бомбы (Гэнсуйкё).

С другой стороны, на арену политической борьбы начали выходить националистические силы, видевшие в атомном оружии мощное средство для самоутверждения Японии в мировом сообществе. В 1954 г. в парламенте был выдвинут «бюджет Накасонэ», инициированный политиком, известным своими националистическими взглядами, в котором предполагалось выделять большие средства на освоение атомной энергии³⁰.

О влиянии националистов свидетельствовало также «дело Сунада». В августе 1955 г. начальник УНО Сунада огласил широкий план милитаризации страны, в котором среди прочих требований военных — о принятии законов о всеобщей мобилизации и обязательном прохождении военной службы, о развитии военной промышленности, о снабжении американских военных баз в Восточной Азии амуницией и т.д. — предусматривалось создание в Японии экономического потенциала, достаточного для производства собственных атомной и водородной бомб. Несмотря на последовавшую кампанию протеста, Сунада даже не был выведен из кабинета, а в парламенте не обсуждался вопрос о вотуме недоверия правительству³¹.

Однако в японском руководстве авторитет сторонников сохранения неядерного статуса был гораздо более весомым. Трезвомыслящие политические деятели понимали, что Япония была не готова к созданию ядерного оружия ни с точки зрения своего международно-политического статуса, ни экономически, ни технологически. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что находившийся с декабря 1954 г. у власти кабинет И. Хатояма не мог не учитывать антиядерную программу Социалистической партии Японии (СПЯ), которая оказывала существенное влияние на расстановку сил в парламенте.

19 декабря 1955 г. Основной закон об атомной энергии был одобрен японским парламентом. Согласно ст. 2 закона, «исследование, освоение и использование атомной энергии должны быть ограничены мирными целями и осуществляться независимо и под демократическим управлением. Результаты должны быть опубликованы для содействия международному сотрудничеству»³². Вся деятельность по освоению атомной энергии должна была следовать трем принципам: независимость (*дзисю*), демократизм (*минсю*) и гласность (*кокай*).

---

³⁰ Асахи дзянару. 20.05.1977.

³¹ Japan Echo. 1984. Vol. II. Special Issue. P. 20.

³² Endicotte J. Op. cit. P. 45.

Закон достаточно четко ограничил круг ядерных программ невозможными областями и, таким образом, стал важным барьером на пути создания ядерного оружия. Особое значение имел принцип «гласности», призванный обеспечить полный контроль со стороны гражданской администрации над попытками военных кругов проводить собственные исследования в военной области. В отличие от сформулированных позднее «трех неядерных принципов», юридическая база которых достаточно размыта, данный закон — неотъемлемая часть действующего законодательства и имеет гаранта в лице государства. Характерной чертой закона является также то обстоятельство, что заложенные в нем принципы не только ставили заслон обладанию ядерным оружием (как определенной цели государственной политики), но и пресекали сами попытки разработки технологии производства ядерных вооружений. Эта последняя особенность наглядно проявилась, например, в марте 1986 г., когда во время парламентских слушаний, на которых вскрылись факты проведения тайных операций УНО с плутонием, военное ведомство обвинялось в нарушении именно Основного закона об атомной энергии, а не «неядерных принципов» или Договора о нераспространении ядерного оружия.

Принятие Основного закона об атомной энергии не остановило тем не менее полемики вокруг плюсов и минусов «ядерного выбора». О влиянии сторонников последнего свидетельствует тот факт, что в августе 1957 г., т.е. вскоре после вступления закона в силу, Государственный департамент США, изучив высказывания премьер-министров Н. Киси и Х. Асида, а также депутатов Д. Хосина и К. Номура, пришел к выводу, что к 1967 г. Токио собирается обзавестись собственным ядерным потенциалом³³.

На примере полемики, развернувшейся вокруг Основного закона об атомной энергии, можно сделать вывод о том, что в 1950-е годы узловым пунктом в подходе Японии к ядерной проблеме был вопрос об обладании ядерным оружием.

Тот факт, что сценарии решения данной проблемы обсуждались в конфиденциальном режиме, находит подтверждение в ряде документов, опубликованных в японской печати в середине первого десятилетия 2000-х годов. Некоторые из них свидетельствуют о том, что японское руководство всерьез рассматривало возможность приобретения ядерного оружия еще с начала 1960-х годов³⁴.

Этому способствовало развитие событий в мире и регионе. Начавшийся с конца 1950-х годов процесс распространения ядерного

---

³³ Asahi Evening News. 14.09.1985.

³⁴ Асахи симбун. 30.10.2006.

оружия, заключение в 1960 г. Договора безопасности, обеспечившего более равноправное положение Японии в военно-политическом союзе с США, дали повод начать переоценку базовых подходов к национальной безопасности. Сыграло свою роль и то, что 13 февраля 1960 г. Франция успешно испытала в Алжире плутониевую бомбу. Вопрос об отношении к «голлистскому решению» немедленно встал в политическую повестку дня кабинета Х. Икэда.

В ноябре 1961 г. госсекретарю США Дину Раску пришлось в ходе посещения Японии убеждать премьер-министра Х. Икэда в необходимости поддержать американскую позицию по нераспространению ядерного оружия. Согласно опубликованным японской газетой «Асахи» рассекреченным документам, полученным из американских источников, в США тогда считали, что в кабинете министров Японии существует влиятельная группировка сторонников «ядерного выбора». Это подтверждается воспоминаниями бывшего премьер-министра Я. Накасонэ, который в интервью газете «Асахи» заявил, что Х. Икэда, находясь под впечатлением от недавней встречи с президентом Франции де Голлем, на встрече с членами бюджетной комиссии японского парламента прямо заявил: «Япония тоже должна получить ядерное оружие»³⁵.

Шоковый эффект произвела на японское руководство и новость об испытании в октябре 1964 г. атомной бомбы Китаем. В декабре 1964 г. премьер-министр Японии Э. Сато на встрече с послом США Э. Рейшауэром высказал желание встретиться с американским президентом для обсуждения вопроса о ядерном вооружении Японии³⁶. Сато без обиняков заявил тогда американскому послу, что Япония имеет для создания атомной бомбы достаточный научный и промышленный потенциал. Как сказал японский премьер-министр, «проблема только в том, что народ пока не готов к этому. Но уже сейчас молодое поколение выказывает признаки своей заинтересованности в принятии такого решения»³⁷.

Показательно, что во многом на основании сведений, полученных в ходе встреч с японским руководством, Д. Раск прямо озаглавил один из разделов своей памятной записки, написанной к встрече президента Л. Джонсона с Э. Сато: «Планы Японии по обретению ядерного оружия». Разговоры о возможности «ядерного выбора», по всей видимости, призваны были оказать давление на президента. Это давление оказалось успешным: 12 января 1965 г. Л. Джонсон на встрече

---

³⁵ Асахи симбун. 01.08.2005.

³⁶ Асахи симбун. 30.10.2006.

³⁷ Асахи симбун. 01.08.2005.

с Э. Сато подтвердил ядерные гарантии США. Э. Сато, в свою очередь, удовлетворившись высказываниями американского президента, тему ядерного вооружения Японии в ходе беседы не поднял. Однако никаких юридических гарантий по итогам встречи оформлено не было. В совместном заявлении говорилось лишь об обязательстве США «защищать Японию от любых видов вооруженного нападения»³⁸.

Через год после этой встречи, когда японское правительство ознакомилось с проектом Договора о нераспространении ядерного оружия, Э. Сато распорядился провести секретное исследование относительно плюсов и минусов для страны «ядерного выбора». Выводы исследования были такими: благодаря успехам в реализации гражданских ядерных программ у Японии есть технические возможности обрести ядерное оружие, однако этого не следует делать с учетом общественного мнения внутри страны и за ее пределами³⁹.

В 1960-е годы наряду с темой «ядерного выбора» особую актуальность приобрел вопрос о том, какой должна быть реакция японского правительства на ввоз ядерного оружия на территорию Японии американскими боевыми кораблями и самолетами, а также размещение ядерных средств на американских военных базах, поскольку это таило в себе угрозу втягивания Японии в конфликт против ее воли.

Во второй половине 1960-х годов внутриполитическая борьба резко обострилась. Это было связано с тем, что в 1970 г. истекал срок действия Договора безопасности и предстояло решать его судьбу. Правонационалистические силы, считавшие гарантии безопасности в рамках союза с США недостаточными, требовали принятия страной «ядерного выбора». Их позицию отразил министр сельского и лесного хозяйства Т. Кураиси, который в феврале 1968 г. заявил, что Японии необходимы атомная бомба и 300-тысячная армия⁴⁰. В унисон с подобного рода высказываниями звучало выступление премьер-министра Э. Сато в конце 1967 г. на 57-й сессии парламента. Он посетовал на то, что японский народ страдает «ядерной аллергией», поскольку «неправильно понимает» ядерное оружие, и призвал к устранению этой «болезни»⁴¹. Оппозиционные же партии требовали не только подтвердить полный и безусловный запрет на обладание ядерным оружием, но и запретить ввоз и складирование ядерных вооружений на японской территории. Так, 12 февраля 1968 г. СПЯ, КПЯ и Комэйто внесли в парламент проект резолюции о недопустимости хранения,

---

³⁸ Там же.

³⁹ Pyle K.B. Japan Rising. P. 251.

⁴⁰ История Японии (1945–1975). С. 355.

⁴¹ Гэндай ёго-но дзитэн. С. 68.

производства и использования ядерного оружия⁴². Действия оппозиции отражали широко распространенную в японском обществе обеспокоенность тем, что японская территория может превратиться в стартовую площадку для пуска ядерных ракет и в результате станет объектом ответного ядерного удара.

В этих условиях Э. Сато озвучил в декабре 1967 г. в бюджетной комиссии нижней палаты парламента «три неядерных принципа» — «не иметь», «не производить», «не ввозить» ядерного оружия. Вскоре японское правительство было вынуждено разъяснить официальную позицию по ядерной проблеме. Выступая 30 января 1968 г. в парламенте, премьер-министр Э. Сато заявил, что Япония придерживается «четырех направлений ядерной политики» (*какуюнсэйсаку*): 1) стремясь к полной ликвидации ядерного оружия, по возможности добиваться ядерного разоружения; 2) придерживаться «трех неядерных принципов»; 3) в политике обеспечения безопасности полагаться на мощь ядерного сдерживания США; 4) активно проводить в жизнь курс на мирное использование атомной энергии, добиваться ее эффективного применения, вносить свой вклад в развитие мировой науки и техники в этой области⁴³.

На первый взгляд, «четыре направления» отражали чаяния широких масс общественности и свидетельствовали о решимости правительства придерживаться непримиримой позиции в отношении ядерного оружия. Однако взятые Токио на себя обязательства не создали прочной основы для выступления Японии на мировой арене как страны, в полной мере являющейся носителем неядерного статуса.

Среди выдвинутых Э. Сато «четырех направлений» наибольший интерес вызывает пункт о «трех неядерных принципах». Дело в том, что положение о стремлении к ядерному разоружению во многом носило декларативный характер и не налагало на страну никаких серьезных правовых обязательств. Не было ничего нового и в пункте об исключительно мирном использовании атомной энергии, так как это направление ядерной политики уже нашло отражение в Основном законе об атомной энергии 1955 г. Что же касается «неядерных принципов», то, хотя Э. Сато и подчеркнул, что лишь фиксирует проводившуюся его предшественниками политику, эти принципы представляли собой принципиально новое и значимое явление как с внутренней, так и с международной точек зрения. Исключительно важным был сам факт публичного отречения столь крупной державы, какой тогда уже являлась Япония, от ядерного оружия, обладание которым

---

⁴² История Японии (1945–1975). С. 356.

⁴³ Гэндай ёго-но дзитэн. С. 68.

обеспечивало государству мощное внешнеполитическое орудие. Пример Японии был призван продемонстрировать, что именно необладание ядерным оружием может стать источником международного авторитета. Большое значение имел и беспрецедентный на тот момент запрет на ввоз ядерных вооружений: показав, что с ее территории не исходит ядерная угроза, Япония могла сделать заявку на свою непричастность к любым формам ядерной конфронтации. Наконец, «неядерные принципы» были способны поставить определенный барьер на пути тех группировок в высшем политическом руководстве, которые рассчитывали укрепить свою власть в стране благодаря разворачиванию амбициозных программ разработки ядерных вооружений.

Скрытый в «трех неядерных принципах» потенциал получил бы свое практическое воплощение лишь в том случае, если бы Япония подвела под них соответствующую юридическую базу. Приверженность Японии «неядерным принципам» была подтверждена в нескольких парламентских резолюциях: 20 февраля 1968 г. (вскоре после их провозглашения Э. Сато), в декабре 1971 г. (в связи с возвращением Окинавы требовалось уточнить, действуют ли «принципы» на ее территории), в мае 1978 г. (по поводу заявлений официальных лиц о конституционности ядерного оружия) и в мае 1981 г. (после заявления Э. Рейшауэра о ввозе ядерного оружия на японскую территорию оппозиция потребовала уточнить понятие «ввоз»). Однако форму закона «три неядерных принципа» так и не получили. Объясняя под давлением оппозиции свое нежелание придать принципам статус правового обязательства, представители правительства заявили в июле 1984 г.: «Эти три принципа уже хорошо известны в нашей стране, и нет необходимости придавать им форму закона»⁴⁴. Более того, премьер-министр Я. Накасонэ в феврале 1983 г. отказался признать, что «три неядерных принципа» являются частью «национальной политики», но вынужден был признать, что «принципам» «была дана высокая международная оценка»⁴⁵.

Примечательно также, что правительство Японии в декабре 1984 г. отказалось от предложения Москвы подписать соглашение, в котором в обмен на принятие Японией «неядерных принципов» в качестве ее международно-правового обязательства Советский Союз предоставлял гарантии неиспользования против нее ядерного оружия.

Правовая неоформленность «неядерных принципов», равно как и их жесткая увязка с Договором безопасности, таким образом, существенно ослабляла заложенные в них потенциальные возможности. Это

---

⁴⁴ Известия. 20.08.1984.

⁴⁵ Asahi Evening News. 22.02.1983.

наглядно проявилось в виде многочисленных нарушений данных принципов, имевших место с начала 1970-х годов. Вместе с тем объективности ради нужно признать, что «неядерные принципы» представляли собой нечто большее, чем просто декларация, и заставляли правительство избегать таких шагов, которые бы вступали с этими принципами в открытое противоречие. В этом отношении «неядерные принципы» играли роль сдерживающего фактора в отношении пересмотра неядерной политики страны.

Следует отметить, что на основе формальной логики объединить в единое целое политику опоры на «ядерный зонтик» и «три неядерных принципа» крайне трудно, если не невозможно. По мнению Т. Курияма, в Японии в послевоенный период вообще не проводилось консолидированной политики в ядерной области⁴⁶. Тот факт, что правительство не было последовательным в своем подходе к ядерной проблеме, различные элементы которого прямо противоречили друг другу, нередко объясняют традиционной разобщенностью японских ведомств и слабостью объединяющего начала со стороны кабинета министров.

Еще одним важным юридическим документом, регулирующим подход Японии к ядерным вооружениям, является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). После того как в июле 1968 г. договор был открыт к подписанию, Вашингтон прилагал максимум усилий для того, чтобы убедить своих союзников присоединиться к нему. Поскольку Япония не спешила определить свою позицию, США сделали проблему ее присоединения к ДНЯО одной из ключевых в повестке дня двусторонних отношений, увязав ее с проблемой возвращения Окинавы под японский суверенитет. Однако заключение сделки по схеме «суверенитет над Окинавой в обмен на присоединение к ДНЯО» оказалось осложнено по той причине, что американцы настаивали, чтобы Токио признал право Вашингтона содержать ядерное оружие на военных базах на Окинаве и после перехода острова под японский суверенитет, против чего японское руководство, учитывая внутривластическую ситуацию в стране, было настроено достаточно категорично.

Вопрос о сохранении ядерных ракет на Окинаве имел для США принципиальный характер, учитывая значение их военных баз в Японии в глобальной стратегии ядерного сдерживания. В ноябре 1967 г. премьер-министр Э. Сато нанес официальный визит в Вашингтон. В ходе переговоров американцы построили свою позицию на том, что ядерные гарантии безопасности Японии стали бы трудноосуществи-

---

⁴⁶ Асахи симбун. 01.08.2005.

мыми в случае вывода ядерного оружия с Окинавы. Тогдашний министр обороны США Макнамара заявил на встрече с главой японского правительства, что возвращение Окинавы без права размещать там ядерные ракеты будет означать «ядерный зонтик без ручки». В ответ на возражения японского премьера американец сказал: «Ядерный зонтик без ручки? Тогда это будет просто парашют»⁴⁷.

Хотя японское правительство в 1970 г. и подписало Договор о нераспространении ядерного оружия, его ратификация парламентом затянулась на несколько лет — до 1976 г. Не последнюю роль в этом сыграло отсутствие четких публичных гарантий американского правительства о применении ядерного оружия для защиты Японии, на фиксации которых настаивала японская сторона. После того как Япония подписала Договор о нераспространении ядерного оружия в феврале 1970 г., ее официальные представители заявили о трех условиях ратификации договора: 1) успехи в переговорах о ядерном разоружении; 2) обеспечение гарантий безопасности неядерных стран в отношении возможного применения против них ядерного оружия; 3) распространение на Японию таких же, как и для других государств, условий инспектирования учреждений и предприятий в области мирного использования ядерной энергии⁴⁸. При этом особое значение придавалось третьему пункту.

Можно назвать несколько причин настороженного отношения Японии к вступлению в ДНЯО. Прежде всего, этот шаг коренным образом затрагивал интересы тех деловых кругов, которые были связаны с набиравшей силу атомной энергетикой. Японские корпорации опасались, что после присоединения страны к системе договора Международное агентство по атомной энергетике (МАГАТЭ) навяжет Японии невыгодные условия инспекции ее атомных объектов, которые фактически поставят под контроль агентства все развитие атомной энергетике. Учитывая, что в тот период поставки ядерного топлива в Японию были монополизированы США и все ее ядерные объекты находились в прямой зависимости от решений американского правительства, дополнительная опека в лице МАГАТЭ, по мнению противников ДНЯО, связывала бы по рукам и ногам национальные исследования в области атомной энергии. Поэтому ратификация договора ставилась в зависимость от результатов переговоров с МАГАТЭ, которые должны были гарантировать Японии как минимум такие же условия инспектирования ее ядерных объектов, как для стран ЕЭС. Кроме того, подчеркивалось, что условия договора в от-

---

⁴⁷ Асахи симбун. 01.08.2005.

⁴⁸ Пинаев Л.П. Эволюция военной политики Японии. С. 45–46.

ношении неядерных государств не должны мешать последним осуществлять собственные мирные ядерные программы.

Эти аргументы были подкреплены открытыми политическими выступлениями. Если до 1970 г. никаких возражений по поводу инспекций МАГАТЭ у Японии не возникало, то в 1970 г. последовал мощный поток протестов, в том числе и со стороны крупного бизнеса (с такими протестами выступили, в частности, президенты Токийской энергетической компании К. Кикавада и Японской компании по атомной энергии Т. Сирасава)⁴⁹.

Серьезную озабоченность Токио вызывала проблема обеспечения безопасности неядерных стран. Японские представители особенно подчеркивали тот факт, что ядерные державы в соответствии со ст. 6 ДНЯО должны сперва доказать делами, что они искренне стремятся к разоружению. Между тем получила распространение точка зрения, что договор фактически легализует монопольное обладание ядерным оружием сверхдержавами, которые вовсе не будут заинтересованы в утрате этой своей привилегии. Как дополнительный аргумент против ратификации было воспринято нежелание Франции и особенно соседнего с Японией Китая подключиться к ДНЯО и взять на себя обязательство не использовать ядерное оружие против неядерных стран. С большим скептицизмом оценивались и реальные возможности МАГАТЭ блокировать распространение ядерного оружия, тем более что не все государства мира вошли в его состав и подчинялись его требованиям. (Исключительно болезненно в этой связи японское правительство восприняло сообщение о взрыве Индией в мае 1974 г. ядерного устройства.)

Наконец, необходимо учесть, что среди японского руководства преобладало мнение, будто безопасность страны может быть обеспечена только при помощи ядерного оружия, но никак не путем проведения курса нейтралитета. Развернулась дискуссия, следует ли Японии и в дальнейшем полагаться на стратегический союз с США или ей нужно оставить для себя возможность вступить в «ядерный клуб», тем более что такая возможность была оговорена в вышедшей в 1970 г. «Белой книге по обороне». В этой обстановке против ратификации ДНЯО активно выступили сторонники «голлистского курса» из числа националистически настроенных элементов, которые, открыто высказывая сомнения в надежности обязательств США по Договору безопасности, стали призывать Японию не лишаться юридического права создать собственный ядерный потенциал.

---

⁴⁹ *Alexbank A. Black Sea Over Japan. P. 225.*

Позиции «голлистов» придерживался начальник Управления по науке и технике К. Морияма, по приказу которого переговоры с МАГАТЭ в самом их разгаре были прекращены⁵⁰. К сторонникам «ядерного выбора» в определенной степени можно было отнести и тогдашнего начальника Управления национальной обороны Я. Накасонэ, опубликовавшего доклад «О независимой обороне нашей страны и ее потенциальной мощи», в котором он ратовал за вооружение Японии тактическим ядерным оружием при сохранении стратегической опоры на США⁵¹. О силе противников ДНЯО говорит и то, что когда дебаты достигли своего пика, в американскую прессу просочился текст секретного меморандума посольства США в Токио, где говорилось: «Япония может обзавестись собственным ядерным оружием, отказавшись от американского „ядерного зонтика“»⁵².

Подобные колебания побудили ЛДП создать специальный комитет по Договору о нераспространении ядерного оружия во главе с Ё. Сакаки. К оценке всех плюсов и минусов ратификации договора подключились также МИД, рассмотревший внешнеполитические последствия этого шага, и Японский промышленный совет по ядерной энергии, проанализировавший возможные экономические результаты неучастия Японии в договоре. Взвесив все «за» и «против», японское правительство к 1975 г. пришло к выводу о предпочтительности ратификации ДНЯО.

Во-первых, во внимание было принято то обстоятельство, что подавляющее большинство стран мира (86) на тот момент уже ратифицировали договор, и отказ Японии мог отрицательно сказаться на ее международном авторитете и породить, особенно среди стран Восточной Азии, мнение которых Токио особенно дорожил, подозрения относительно намерений Японии стать ядерной державой.

Во-вторых, были учтены итоги встречи министра иностранных дел Японии К. Миядзава с государственным секретарем США Г. Киссинджером в апреле 1975 г., в ходе которой последний заверил японского представителя, что США в любом случае будут выполнять свои обязательства по защите Японии⁵³. Кроме того, в ответ на аргументы националистов было указано, что статья 10 Договора позволяет выйти из него в случае «высшей угрозы интересам нации»⁵⁴. Уже после ратификации ДНЯО японским парламентом ядерные обязательства США

---

⁵⁰ Japan's Quest for Comprehensive Security. P. 132.

⁵¹ Guardian. 20.10.1984.

⁵² Endicotte J. Japan's Nuclear Option. P. 68.

⁵³ Пинаев Л.П. Эволюция военной политики Японии. С. 45–46.

⁵⁴ Endicotte J. Op. cit. P. 68.

по защите Японии были впервые официально обозначены в совместном коммюнике по итогам встречи между премьер-министром Японии Т. Мики и президентом США Дж. Фордом в конце июня 1976 г. В коммюнике говорилось об обязательствах США «защищать Японию как ядерными, так и обычными видами вооружений»⁵⁵. (В дальнейшем эти американские гарантии были подтверждены в ходе визита в Японию президента США Б. Клинтона и его встречи с премьер-министром К. Миядзава в июле 1993 г.)

В-третьих, Японии удалось добиться от МАГАТЭ уступок, и порядок инспектирования объектов, связанных с мирным использованием атомной энергии, для нее был установлен такой же, как и для стран Западной Европы. Отказ же Японии ратифицировать ДНЯО, как подчеркивалось, повлек бы за собой применение в отношении нее в качестве санкции статьи 3 договора, предусматривающей прекращение поставок уранового топлива, запасы которого в стране полностью отсутствуют.

В-четвертых, правящие круги Японии не могли не учитывать рост демократического движения в стране и требований ратифицировать ДНЯО не только со стороны оппозиции, но и со стороны многих видных членов ЛДП.

Все вышесказанное явилось достаточным основанием для того, чтобы Япония приняла окончательное решение о присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия. В мае 1976 г. он был ратифицирован японским парламентом. Ратификация автоматически повлекла за собой вступление в силу статьи 98 Конституции страны, обязывающей Японию соблюдать взятые на себя международные обязательства.

Ратификация договора наложила на Японию обязательства не создавать ядерное оружие в течение как минимум ближайших 20 лет. В 1995 г. после длительных дискуссий Япония приняла условие о бессрочном продлении ДНЯО. Благодаря участию в системе нераспространения ядерного оружия Япония уладила все нерешенные вопросы взаимоотношений с МАГАТЭ и получила под контролем этой организации доступ как к источникам ядерного топлива, так и к ядерной технологии, что позволило ей начать интенсивное развитие атомной энергетики.

Таким образом, Конституция, Основной закон об атомной энергии, «три неядерных принципа» (законодательно неоформленные, но имеющие статус «правового обычая»), Договор о нераспространении ядер-

---

⁵⁵ Асахи симбун. 01.08.2005.

ного оружия составляют ту правовую основу, которой определяется неядерный статус Японии. Создание ядерного оружия и обладание им стали невозможными без пересмотра указанных актов. В то же время запрет на ввоз ядерного оружия на японскую территорию предусматривается лишь одним из «неядерных принципов», и следовательно, имеет наиболее слабую правовую обеспеченность.

Доказательства достигнутой еще в 1960-е годы тайной сделки Токио с американцами, касающейся их права беспрепятственного транзита ядерного оружия, а при необходимости — и размещения последнего на японской территории, дали рассекречивание и опубликование ряда внешнеполитических документов после прихода к власти в сентябре 2009 г. администрации Демократической партии Японии. В соответствии с этой договоренностью Япония не инициирует предусмотренных Договором безопасности консультаций по вопросу о наличии ядерного оружия на борту американских военных кораблей, заходящих в японские порты, а США не дают по этому поводу никаких официальных комментариев.

В 2009 г. японский историк Сёдзи Ниихара обнаружил в Национальном архиве США документы, свидетельствующие о том, что секретная договоренность, разрешающая заход в Японию американских военных кораблей с ядерным оружием на борту, была заключена еще в 1960 г. в связи с пересмотром Договора безопасности. Из документов следует, что данная договоренность стала предметом обсуждения в ходе встречи в 1963 г. американского посла в Токио Э. Рейшауэра с министром иностранных дел Японии М. Охир⁵⁶.

Для расследования вопроса о тайных соглашениях между двумя странами по поручению правительства осенью 2009 г. была сформирована специальная комиссия, которую возглавил профессор Токийского университета историк Синъити Китаока. Комиссия проверила более 4 тыс. документов в архивах МИД Японии, а также ряд документов, переданных по ее запросу посольством США в Токио⁵⁷. В результате деятельности комиссии было рассекречено 330 новых документов, свидетельствующих о том, что «три неядерных принципа», по сути, являлись фикцией⁵⁸.

Согласно опубликованным комиссией выводам, США в соответствии с двусторонними договоренностями могли ввозить на территорию Японии ядерное оружие без предварительного уведомления Токио. Кроме того, была оговорена возможность его размещения на

---

⁵⁶ NHK World. 19.11.2009.

⁵⁷ Независимая газета. 11.03.2010.

⁵⁸ The Japan Times Weekly. 13.03.2010.

Окинавe в чрезвычайных обстоятельствах, но уже после проведения двусторонних консультаций. Договоренности были формально закреплены на встрече премьер-министра Японии Э. Сато с президентом США Р. Никсоном в 1969 г. Сделка сохранила свою силу и после того, как в 1972 г. остров передан под суверенитет Японии⁵⁹. Сам Э. Сато в частных беседах с американскими президентами Л. Джонсоном и Р. Никсоном называл запрет на заходы кораблей с ядерными ракетами, предусмотренный провозглашенными возглавляемым им кабинетом «неядерными принципами», «ошибкой» и «нелепостью»⁶⁰. Все последующие правительства ЛДП вплоть до 2009 г. держали в строгом секрете сделку между Сато и Никсоном. Оригинальный протокол секретного соглашения увидел свет только в 2009 г., когда сын Э. Сато передал японским журналистам документ, который он, по его словам, нашел в ящике отцовского стола⁶¹.

19 марта 2010 г. в ходе слушаний в комиссии по международным делам палаты представителей парламента выяснилось, что в 1970-е годы премьер-министры К. Танака и М. Охира пытались обнародовать тайные соглашения, заключенные с период с 1960 по 1972 г., но не смогли сделать этого из-за сильных антиядерных настроений в японском обществе. Бывший начальник Договорного департамента МИДа Кадзухико Того заявил в ходе слушаний, что некоторые документы, возможно, были уничтожены уже после его ухода с поста начальника департамента, чтобы скрыть следы намеренного обмана общественного мнения правительством⁶².

Обнародованные в результате деятельности комиссии данные однозначно говорят о том, что в 1960–1970-х годах политика японского правительства противоречила «трем неядерным принципам», провозглашенным в 1967 г. Министр иностранных дел Японии К. Окада заявил в марте 2010 г.: «Мы не можем однозначно утверждать, что ядерное оружие не завозилось»⁶³. При этом К. Окада не смог поручиться, что этого оружия нет на территории Японии и в настоящий момент⁶⁴.

Выводы комиссии С. Китаока подтверждаются многочисленными заявлениями, которые ранее делали по данному вопросу компетентные представители обеих стран, как находившиеся при исполнении

---

⁵⁹ Times of India. 07.03.2010.

⁶⁰ Коммерсант. 11.03.2010.

⁶¹ Times of India. 07.03.2010.

⁶² Йомиури симбун. 20.03.2010.

⁶³ Коммерсант. 09.03.2010.

⁶⁴ The Japan Times Weekly. 13.03.2010.

своих служебных обязанностей, так и ушедшие в отставку. Самым шумным и скандальным среди них было выступление в печати профессора Гарвардского университета Э. Рейшауэра, занимавшего в 1960-е годы пост посла США в Японии. В интервью корреспонденту газеты «Майнити» 9 мая 1981 г. он признал, что военные корабли США с ядерным оружием на борту заходили в 1960–1970-е годы в японские порты. Бывший посол упомянул устное соглашение между правительствами двух стран, разрешавшее такую практику, заявив: «Существующие недоразумения с японским правительством возникли, как я считаю, потому, что оно забыло некоторые свои договоренности — речь идет об устных договоренностях. В противном случае никаких сложностей бы не возникло». Пояснив далее суть разницы между японской и американской интерпретациями понятия «ввоз» ядерного оружия (в отличие от Японии, США считали, что заход в японский порт военного корабля с ядерным оружием на борту «ввозом» не является), Э. Рейшауэр обвинил японское правительство в том, что оно вместо открытого признания расхождений и поисков путей к их преодолению «пошло по самому легкому пути», когда просто заявило о своем «доверии» американской стороне (в том, что та уважает японскую интерпретацию). В свою очередь, США, по словам Э. Рейшауэра, молчали, потому что не хотели сообщать японской общественности вещи, о которых ее должно было проинформировать само японское правительство. В заключение бывший посол предложил заключить новое, открытое соглашение, в котором бы разъяснялся смысл понятия «ввоз» ядерного оружия в американской трактовке⁶⁵.

Нужно сказать, что и до Рейшауэра с разоблачениями выступали видные американские военные деятели. Так, еще в 1974 г. то же самое сказал в Конгрессе адмирал 7-го флота США Дж. Ларок. Однако именно интервью Рейшауэра в буквальном смысле слова вызвало шок в политических кругах Японии. Во-первых, бывший посол США обнародовал факт наличия устной договоренности между США и Японией, а это означало, что официальный Токио был в деталях осведомлен о незаконной практике ввоза ядерного оружия на территорию Японии. Получалось, что около 20 лет японское правительство лгало своему народу, и это, естественно, не могло не сказаться на популярности и престиже стоящих у власти либерал-демократов и вызвало их болезненную реакцию на интервью. Во-вторых, что также немало важно, с разоблачениями выступил один из ведущих американских

---

⁶⁵ Mainichi Daily News. 19.05, 20.05.1981.

японистов, занимавший достаточно высокое положение, пользовавшийся большим авторитетом в Японии и неоднократно, будучи послом, разъяснявший позиции США по различным международным вопросам на японском телевидении. Сыграла свою роль и должность — посол США в Японии, как правило, больше, чем просто дипломатический представитель, это человек, посвященный в святая святых политического курса Вашингтона. Наконец, подействовало на японцев и то, что Рейшауэр выступал уверенно и открыто, без околичностей и недомолвок, которыми обычно сопровождаются интервью политических деятелей по подобного рода щекотливым вопросам. Бравший интервью журналист Ё. Комори писал: «Я был поражен прямой, с которой говорил Рейшауэр, зная, что все его слова записываются на магнитофон»⁶⁶.

После интервью Токио оказался перед нелегкой дилеммой: признать правоту Рейшауэра и дать новую интерпретацию принципа «не ввозить» или, как и прежде, заявить о «единстве точек зрения» правительства США и Японии на японскую трактовку и, таким образом, дискредитировать бывшего посла. Нужно учесть, что в тот момент в Токио разгорался скандал, связанный с внесением в текст коммюнике по итогам визита премьер-министра Д. Судзуки в Вашингтон слова «союз» при характеристике японо-американских отношений. Перед лицом серьезных политических осложнений, которые таило в себе в этих условиях признание легальности «ядерных заходов», кабинет Судзуки предпочел второй путь. Чтобы сбить волну возмущения, генеральный секретарь кабинета министров К. Миядзава поспешил заверить оппозицию, что правительству неизвестно ни об одном случае захода американского корабля с ядерным оружием на борту и что даже один такой случай явился бы нарушением «неядерных принципов»⁶⁷.

В парламенте по инициативе ЛДП была спешно принята резолюция о приверженности Японии «трем неядерным принципам», в которой, однако, вопреки требованиям оппозиционных партий, не разъяснялось понятие «ввоз» ядерного оружия. Одновременно многое было сделано для того, чтобы поставить под сомнение достоверность высказываний Э. Рейшауэра. Д. Судзуки, например, заявил, что бывший посол «был здесь давно». В свою очередь, К. Миядзава и только что назначенный министр иностранных дел С. Сонода попытались дискредитировать самого Э. Рейшауэра: первый назвал его «большим и дряхлым стариком, впавшим в маразм», второй — «интриганом,

---

⁶⁶ Japan Echo. 1981. No. 4. P. 31.

⁶⁷ Japan Echo. 1981. No. 3. P. 58–59.

который сует свой нос куда попало»⁶⁸. Учло сложившуюся ситуацию и американское руководство, осознававшее, что подтверждение правоты Э. Рейшауэра нанесло бы серьезный удар по политическому престижу стоящей у власти в Японии Либерально-демократической партии. Официальные лица в Вашингтоне отказались давать какие-либо комментарии в отношении интервью. Обе стороны, таким образом, смирились с необходимостью оставить все по-старому и сочли инцидент исчерпанным.

Интервью Рейшауэра приобрело особую значимость на фоне других разоблачений, особенно участвовавших в 1980-х годах. Наличие ядерного оружия на борту заходящих в порты Японии кораблей подтвердил, в частности, профессор университета Джона Гопкинса Н. Тейер, служивший пресс-секретарем в посольстве Рейшауэра⁶⁹. Западные газеты публиковали скандальную информацию о конкретных деталях завоза ядерного оружия на японскую территорию. Например, еще один посол США в Японии — А. Джонсон — рассказал, что весной 1981 г. плавучая база ВМФ США, начиненная ядерными зарядами, стояла в бухте Ивакуни⁷⁰. В дополнение к высказываниям Джонсона некоторые интересные детали привел на пресс-конференции бывший сотрудник Министерства обороны США Д. Эллсберг. По его словам, упомянутая плавучая база регулярно заходила в Ивакуни до 1967 г., но, возможно, «находится там и в настоящее время»⁷¹. По существующему плану в случае любых чрезвычайных обстоятельств база должна была немедленно разгрузиться, а ядерное оружие (тактические водородные бомбы) предполагалось использовать для вооружения бомбардировщиков А4 «Скай хок». Эллсберг сообщил также, что после наступления ядерного конфликта самолеты с базы ВВС США на о-ве Гуам должны в течение шести–девяти часов, не дожидаясь приказа, перебросить ядерное оружие в Японию⁷².

К кампании разоблачений подключился и бывший президент США Дж. Картер, которого трудно заподозрить в неосведомленности. В интервью газете «Асахи» он поведал, что американские авианосцы и базирующиеся на них самолеты, действующие в районе Японии, оснащены ядерным оружием⁷³. В другом интервью — телекомпании NHK — Картер заявил, что во времена его администрации «ру-

---

⁶⁸ The New York Times. 06.06.1981.

⁶⁹ The New York Times. 20.05.1981.

⁷⁰ Financial Times. 23.03.1981.

⁷¹ Асахи симбун. 23.05.1981.

⁷² Асахи симбун. 23.05.1981.

⁷³ Asahi Evening News. 26.05.1981.

ководители Японии знали, где оно (ядерное оружие. — Д.С.) размещено»⁷⁴.

Высказывания частных лиц были подкреплены рассекречиванием целого ряда документов, касающихся запретной ранее темы. Например, в 1983 г. газета «Токио симбун», являющаяся правительственным официозом, поместила на своих страницах «непонятно каким образом» попавшую в ее руки секретную инструкцию штаба американских войск в Японии, регламентирующую порядок ввоза, вывоза и транспортировки ядерных зарядов, охрану складов с ядерным оружием и обращение с ним личного состава⁷⁵. В свою очередь, американский журнал «Нейшн» опубликовал в 1985 г. некоторые материалы относительно существовавшего в 1950-е годы порядка использования ядерного оружия американским военным командованием на Дальнем Востоке. Согласно этим материалам, войска США в Японии имели в своем распоряжении хранившееся на базах Окинавы и Иводзимы ядерное оружие, которое они могли в случае необходимости использовать, даже не информируя Токио, т.е. фактически по своему усмотрению. Кроме того, как свидетельствуют приведенные журналом документы, в 1958 г. США предусматривали нанесение базировавшимися на Окинаве стратегическими бомбардировщиками ядерных ударов по КНР. Как отмечал «Нейшн» со ссылкой на Э. Рейшауэра, если бы эти планы каким-то образом просочились в печать, «это подорвало бы само японо-американское партнерство»⁷⁶.

Особый интерес вызывают сведения, опубликованные в 1980-е годы, которые подтверждали правоту Рейшауэра в той части интервью, где он остановился на секретных договоренностях между Токио и Вашингтоном.

Еще в 1971 г. в американской прессе появились сообщения о том, что в подписанном двумя годами ранее меморандуме по безопасности между Японией и США есть ссылки на тайное двустороннее соглашение 1960 г. Согласно меморандуму, это соглашение позволяет американским боевым кораблям и самолетам доставлять ядерное оружие в Японию и вывозить его из страны, но запрещает его хранение в Японии⁷⁷. Через три года в «Нью-Йорк таймс» попал дословный текст этого соглашения. По словам газеты, подобное соглашение существует только в англоязычном варианте, что якобы позволяет японскому правительству полностью отрицать какую-либо свою причастность

---

⁷⁴ Правда. 08.04.1983.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Nation. 1985. No. 4. P. 114.

⁷⁷ The New York Times. 08.04.1987.

к нему⁷⁸. Если судить по данному соглашению, японское правительство согласилось не только на транзит ядерного оружия, но и на его размещение на японской территории «в случае необходимости», например, если американские войска в Южной Корее подвергнутся ядерному нападению⁷⁹.

Договоренности 1960 г. были не единственными, о чем свидетельствуют опубликованные в 1986 г. газетой «Асахи» признания министра иностранных дел Т. Кимура, которые он сделал еще в 1974 г. Как утверждал Т. Кимура, в 1974 г. Япония заключила с США еще одно секретное соглашение, по которому она подтверждала свое согласие не считать ввоз ядерного оружия на кораблях США нарушением «неядерных принципов»⁸⁰.

Безусловно, не только близкие к правительственным кругам США и Японии деятели выносили на суд общественности факты непосредственной причастности Японии к ядерной стратегии США. Свое собственное расследование этого вопроса вели также оппозиционные партии, и в первую очередь КПЯ и СПЯ. Например, депутаты СПЯ в префектуральном собрании Окинавы представили фотоснимки, свидетельствовавшие о том, что на американской военной базе Футэмма (Окинава) хранится ядерное оружие⁸¹. В свою очередь, КПЯ раскрыла в 1981 г. документ, разоблачавший тренировки с атомной бомбой типа В-61 на базе в Кадэна⁸². Особенно много света пролила специальная исследовательская группа во главе с депутатом палаты советников А. Хасимото, занимавшаяся изучением документов, полученных в библиотеках США. В частности, в библиотеке Пентагона ей удалось обнаружить сборник фотографий членов команды базирующегося в Японии авианосца «Мидуэй» с полным списком его спецслужб, среди которых значилось особое подразделение, занятое «сборкой, снаряжением и хранением секретных боеприпасов»⁸³. По мнению специалистов, нет более достоверных доказательств факта наличия ядерного оружия на борту авианосца. Другое крупное разоблачение, совершенное группой, основано на изучении полученной из библиотеки США телеграммы, которую в 1966 г. госсекретарь Д. Раск отправил послу в Токио Э. Рейшауэру. Послу предписывалось напомнить Токио о необходимости выполнения конфиденциальной договоренности между

---

⁷⁸ Bulletin of Atomic Scientists. 1985. No. 6. P. 24.

⁷⁹ Japan's Quest For Comprehensive Security. P. 122.

⁸⁰ Советская Россия. 05.05.1986.

⁸¹ Asahi Evening News. 09.08.1983.

⁸² Bulletin of Atomic Scientists. 1985. No. 6. P. 23.

⁸³ Известия. 05.05.1987.

правительствами двух стран, допускающей ввоз и размещение в Японии ядерного оружия (речь, по всей видимости, шла о секретных договоренностях 1960 г.)⁸⁴. Таким образом, закулисная сделка между Токио и Вашингтоном получила новое подтверждение.

В ноябре 2006 г. возможность «ядерного транзита» подтвердил и тогдашний начальник Управления национальной обороны Японии Ф. Кюма. Отвечая в парламенте на вопрос, возможен ли был в прошлом проход через японские территориальные воды американских судов с ядерным оружием на борту, Ф. Кюма заявил: «Это была вынужденная мера, применявшаяся в случае чрезвычайных обстоятельств»⁸⁵.

Рассмотренные выше многочисленные разоблачения позволяют заключить, что японское правительство не соблюдало взятые на себя обязательства полностью блокировать ввоз ядерного оружия в Японию и что оно находилось на борту заходивших в японские территориальные воды военных кораблей США. Еще один важный вывод, вытекающий из исследуемых материалов, состоит в том, что японское правительство, заключив с США в 1960 и 1974 гг. тайные соглашения, не только санкционировало ввоз ядерных вооружений на территорию страны, но и дало добро на их установку и хранение в необходимых для США случаях. Таким образом, содержание одного из провозглашенных Японией «неядерных принципов» — «не ввозить» — не соответствовало практике и фактически носило декларативный характер.

В 1990-е годы с распадом биполярной системы Япония оказалась в совершенно новой геополитической и военно-стратегической ситуации и получила (хотя бы теоретически) рациональное основание для создания собственного ракетно-ядерного потенциала в целях сдерживания потенциальных военных противников и противостояния региональным угрозам. Ранее у Японии аргументов в пользу «ядерного выбора» не могло появиться в силу ее принадлежности к одному из двух противостоящих блоков, в котором она довольствовалась положением «безбилетника».

Угрозы для Японии усложнились, диверсифицировались, стали менее идеологизированными, но более осязаемыми. Если «советская военная угроза» носила больше умозрительный характер, то новые угрозы безопасности, в том числе военные, перешли в плоскость пугающей реальности. Болезненно воспринимались в Японии такие события, как ядерные испытания, проводившиеся КНДР с 2006 г., обострение ситуации вокруг островов Сэнкаку и в зоне Тайваньского

---

⁸⁴ The New York Times. 08.04.1987.

⁸⁵ Асахи симбун. 25.11.2006.

пролива и т.д. Особые опасения вызывал в Японии «ядерный ренессанс», т.е. активный и необратимый процесс распространения в мире ядерных технологий, как мирных, так и военных. Особенно тревожным был риск распространения ядерного оружия в Азии, где крайне велика опасность военных конфликтов. Именно здесь запустили собственные ядерные программы либо де-факто стали членами ядерного клуба такие страны, как Израиль, Индия, Пакистан, КНДР, Иран. Ослабление глобальной системы нераспространения ядерного оружия, рост нелегальной торговли компонентами для его производства, включая расщепляющиеся материалы, дали японской политической элите повод задуматься о собственном ядерном потенциале.

Возможность обретения Японией ядерного оружия актуализировалась также ввиду относительного ослабления военного присутствия США в Северо-Восточной Азии. Как полагает американский эксперт М. Гальперин, консенсус по поводу неспособности Америки защитить Японию от внешнего нападения может в перспективе стать важным аргументом в пользу «ядерного выбора»⁸⁶.

Тема создания национального ядерного потенциала давно уже перестала быть табу в общественном сознании Японии. В стране периодически разгораются дискуссии по данному вопросу, в которые оказываются втянутыми политики, общественные деятели, представители академического сообщества, журналисты. Как на экспертном, так и на политическом уровне неоднократно подтверждалась высокая техническая готовность Японии к обретению ядерного оружия. Помимо научно-технического и промышленного потенциала атомной отрасли, Япония располагает значительными количествами оружейного плутония, накопленного в ходе эксплуатации реакторов на быстрых нейтронах⁸⁷. Еще в апреле 2002 г. лидер Либеральной партии Итиро Одзава затронул данный вопрос в контексте обеспокоенности по поводу роста военного потенциала Китая. «Если Япония захочет, то сможет произвести тысячи ядерных боеголовок. В Японии достаточно плутония на АЭС для создания трех-четырёх тысяч боеголовок. Если это произойдет, с точки зрения военной мощи нас никто не сможет одолеть»⁸⁸, — заявил тогда И. Одзава.

---

⁸⁶ Halperin M.H. The Nuclear Dimension of the U.S.–Japan Alliance.

⁸⁷ По состоянию на конец марта 2009 г. Япония имела 43,8 т плутония, из которых 5,9 т хранились на территории самой Японии, а 37,9 т — в Англии и Франции. Если исходить из того, что для изготовления одного ядерного боезаряда необходимо 8 кг плутония, то количества, которым обладала Япония, хватило бы почти на 5475 боезарядов (см.: Независимая газета. 24.08.2009).

⁸⁸ Times. 08.04.2002.

Возможность создания Японией в короткие сроки ядерного потенциала подтверждается и оценками зарубежных специалистов. Например, российские эксперты отмечали, что Япония «в течение года способна самостоятельно произвести несколько десятков ядерных боеприпасов на плутониевой основе, за два-три года приспособить для их доставки имеющиеся баллистические носители космического назначения, в последующие пять-десять лет построить несколько атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и переоборудовать имеющиеся многоцелевые подводные лодки под ядерные крылатые ракеты большой дальности»⁸⁹. В конце 2006 г. в газете «Санкэй» были опубликованы данные исследования, авторы которого утверждали, что стране потребуется от трех до пяти лет для создания опытного образца ядерного оружия. В газете было помещено резюме документа, датированного сентябрем 2006 г., согласно которому подобный проект может обойтись Японии в сумму от 1,68 до 2,52 млрд долл.⁹⁰

Что касается юридической стороны дела, то в интерпретации правительства обладание ядерным оружием в целях обеспечения национальной безопасности не подпадает под какие-либо конституционные запреты. Об этом говорили в мае 2002 г. тогдашний генеральный секретарь кабинета министров Ясуо Фукуда⁹¹, в 2006 г. премьер-министр Синдзо Абэ и министр иностранных дел Таро Асо. Например, Т. Асо заявил, что «обладание минимальным объемом ядерных вооружений в целях самообороны не запрещается положениями 9-й статьи Конституции»⁹².

Однако в постбиполярную эпоху в политическом руководстве страны все же возобладала умеренная точка зрения, в соответствии с которой Японии следует воздержаться от «ядерного выбора». После первого ядерного кризиса на Корейском полуострове в 1994 г. Управление национальной обороны Японии провело специальное изучение данного вопроса и пришло к выводу, что обретение ядерного оружия не имеет никакого смысла⁹³.

Среди аргументов в пользу сохранения страной неядерного статуса можно выделить следующие. Указывается прежде всего на то, что в случае нуклеаризации Японии сильный удар будет нанесен по ее военно-политическому союзу с США, представляющему собой краеугольный камень внешней политики страны. Например, японский

---

⁸⁹ Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии.

⁹⁰ Санкэй. 25.12.2006.

⁹¹ Асахи симбун. 17.10.2006.

⁹² <http://www.newsru.com/world/30nov2006/japan.html>

⁹³ *Glosserman B.* Straight Talk about Japan's Nuclear Option.

эксперт Масахиро Мацумура отмечал, что «ядерный выбор» Японии будет воспринят в Вашингтоне как вызов превосходству Соединенных Штатов либо как «проявление недоверия к американскому „ядерному зонтику“»⁹⁴. Ряд экспертов отмечают и то обстоятельство, что единственным обоснованием «голлистского решения» может быть обретение страной самостоятельности и самодостаточности в проведении политики в области национальной безопасности, в связи с чем не стало бы никакого смысла продолжать опираться на американскую ядерную мощь⁹⁵. Обретение Японией ядерного оружия почти наверняка лишит ее американских «ядерных гарантий» и по причине жесткой позиции Вашингтона в вопросе о нераспространении ядерного оружия. Между тем в политической элите страны практически не подвергается сомнению необходимость в союзе с Соединенными Штатами как базовом элементе политики обеспечения национальной безопасности, в том числе и с учетом региональной и глобальной ситуации в ядерной сфере. Начальник УНО Ф. Кюма заявил в 2007 г., что «Япония не имеет другой альтернативы, кроме как полагаться на американскую ядерную мощь сдерживания»⁹⁶.

Свою роль играет и опасение «эффекта домино». «Ядерный выбор» приведет к ускорению процесса распространения ядерного оружия, в том числе и среди возможных военных соперников Японии (например, в странах Корейского полуострова), дестабилизации военно-политической ситуации, гонке ядерных вооружений в Северо-Восточной Азии и существенному ухудшению внешнеполитических условий для самой Японии. Кроме того, под угрозой будет поставлен весь режим ДНЯО, который исключительно важен для Японии как крупной торговой нации.

Существуют также опасения утраты международного авторитета, основанного на моральных обязательствах Японии как единственной в мире страны, пострадавшей от применения ядерного оружия. Как отмечал обозреватель «Йомиури симбун» Т. Тамаи, «Трудно представить, что преимущества от обладания ядерным оружием перевесят риски, связанные с изоляцией от мирового сообщества»⁹⁷. Другой эксперт, президент Института международной политики Ё. Окавара, отмечал, что «безответственные заявления по поводу возможности ядерного выбора» могут быть использованы другими странами для критики Японии⁹⁸.

---

⁹⁴ <http://www.brookings.edu/views/op-ed/fellows/matsumura20061110.htm>

⁹⁵ *Halperin M.H.* Op. cit.

⁹⁶ The Japan Times. 05.11.2006.

⁹⁷ Йомиури симбун. 15.11.2006.

⁹⁸ The Japan Times. 05.11.2006.

Пересмотру неядерного статуса препятствует и сохранение в японском обществе в постбиполярный период «ядерной аллергии», несмотря на уменьшение пацифистских настроений в массах, ослабление негативной исторической памяти участия Японии во Второй мировой войне, а также рост национализма. Как отмечал американский эксперт Брэд Глоссерман, воспоминания о горьком опыте Второй мировой войны по-прежнему сильны в общественном сознании страны, в связи с чем оно продолжает отвергать идею создания Японией собственного ядерного потенциала⁹⁹.

Опросы общественного мнения показывают, что большинство японцев продолжают негативно относиться к ядерному оружию как к дестабилизирующему фактору международных отношений. Например, в ходе проводившегося в 2005 г. международного исследования на вопрос, позволяет ли обладание ядерным оружием повысить политическое влияние государства в мире, в Японии положительный ответ дали лишь 33% респондентов (в США таковых было 57%, в Китае — 70, во Франции — 57, в Южной Корее — 63%). Только 35% опрошенных японцев считали, что ядерное оружие помогает предотвратить нападение со стороны другой державы (в Южной Корее — 62%, в Китае — 5, в США — 39%), тогда как противоположного мнения придерживались 50% респондентов¹⁰⁰.

Отрицательным остается и отношение основной массы японцев к возможности ядерного вооружения самой Японии: за вступление страны в «ядерный клуб» в 2005 г. высказались только 10% японцев. «Ядерная аллергия» в Японии особенно наглядно проявилась на фоне ситуации в соседней Южной Корее, где за обретение ядерного оружия выступило 52% опрошенных¹⁰¹. Подавляющее большинство респондентов в Японии — 85% — считали необходимым добиваться полного искоренения ядерного оружия (в США — 74%, в Южной Корее — 75, в Германии — 95%)¹⁰².

Не слишком склонны японцы и полагаться на «ядерные гарантии», предоставленные Японии ее партнером по Договору безопасности. В 2005 г. лишь 39% опрошенных считали «необходимым» для Японии полагаться на «ядерный зонтик», тогда как против высказались 48%. Справедливости ради следует отметить, что к 2005 г. доля сторонников политики опоры на «ядерный зонтик» существенно выросла по сравнению с 1991 г., т.е. началом постбиполярного периода, когда

---

⁹⁹ *Glosserman B.* Op. cit.

¹⁰⁰ Асахи симбун. 06.08.2005.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

она составляла лишь 18%. Интересно, что этот показатель в 2005 г. был выше, чем в разгар холодной войны, когда он составлял 34% (в 1985 г.)¹⁰³. Как представляется, здесь проявляется осознание японцами угроз, которые таят в себе военный подъем Китая, ядерная программа КНДР, а также рост терроризма.

Таким образом, некоторое ослабление «ядерной аллергии» среди японцев все же наблюдается. Они теперь спокойно реагируют на призывы открыто обсуждать тему ядерного вооружения Японии. Особенно повлияли на общественные настроения ядерные испытания, проведенные КНДР в 2006 и 2009 гг. Так, в 2006 г. в ходе опроса, организованного газетой «Йомиури», 47% респондентов согласились с возможностью начать широкую общественную дискуссию по вопросу о ядерном вооружении Японии, тогда как против высказались лишь 22%¹⁰⁴. Реагируя на изменение общественных настроений, председатель Политического совета ЛДП Сёити Накагава заявил в 2006 г., что «не приемлет», чтобы три «неядерных принципа» были превращены в четыре или пять за счет добавления запретов говорить и думать о ядерном оружии¹⁰⁵. Заявление о допустимости общественной дискуссии на тему о возможности обладания ядерным оружием сделал тогда и министр иностранных дел Т. Асо¹⁰⁶.

Однако, несмотря на описанные тенденции, возможность обладания Японией ядерным оружием в настоящее время все же носит, скорее, гипотетический характер. Тема «ядерного выбора» служит объектом дискуссий только в контексте обсуждения различных сценариев развития военно-политической ситуации в регионе. Сохранение в обозримой перспективе неядерного статуса страны практически не ставится под сомнение, во всяком случае на политическом уровне.

Даже в октябре 2006 г., когда в связи с ядерными испытаниями Пхеньяна для Японии наступил некий «час икс», один из лидеров ЛДП С. Накагава четко заявил: «Считаю, что в большей степени интересам Японии отвечает не ядерное вооружение, а создание системы противоракетной обороны, которая бы обезопасила страну от ядерных ракет»¹⁰⁷. Ответом Токио на новую военно-политическую обстановку в Северо-Восточной Азии стала совместная с США работа над ПРО ТВД.

Принципиальных изменений в подходе к решению ядерной проблемы не произошло и с приходом к власти правительства Демокра-

---

¹⁰³ Там же

¹⁰⁴ The Daily Yomiuri. 15.11.2006.

¹⁰⁵ <http://www.newsru.com/world/30nov2006/japan.html>

¹⁰⁶ Асахи симбун. 20.10.2006.

¹⁰⁷ Асахи симбун. 17.10.2006.

тической партии Японии в сентябре 2009 г. В его внешнеполитической программе сохранилось положение о том, что основой японской внешней политики должен служить тесный и равноправный союз с США¹⁰⁸. Путь к решению ядерной проблемы новое правительство видело в укреплении режима ДНЯО и проведении последовательной политики в области ядерного разоружения, а нуклеаризация по-прежнему рассматривалась только как гипотетическая возможность, которая может возникнуть в условиях непредсказуемого развития международной ситуации.

Вопрос о ядерных гарантиях США имеет для Японии и внутриполитическое измерение. Одним из ключевых предвыборных обещаний Демократической партии Японии, пришедшей к власти на волне популистской политики, было коренное изменение места и роли Японии в рамках союза с Соединенными Штатами в сторону большей самостоятельности, равноправия и открытости. При кабинете Ю. Хатояма руководство ДПЯ предало гласности достигнутые в 1960-е годы тогдашним руководством страны секретные договоренности с Вашингтоном о транзите ядерного оружия через японскую территорию. В апреле 2010 г. министр иностранных дел Японии К. Окада выступил в этой связи с извинениями и подтвердил решимость Токио соблюдать «три неядерных принципа».

Провозглашенные демократами принципы предполагали отказ от секретных договоренностей и перевод всей политики в сфере военной безопасности в плоскость открытых и юридически безупречных решений. Если при правительстве ЛДП деликатные вопросы военного и военно-технического сотрудничества с США (включая ядерные его аспекты) можно было регулировать в непубличном формате, то теперь, при кабинете ДПЯ, предполагалось, что любые договоренности между союзниками будут иметь соответствующее публично-правовое оформление. Однако после ухода ДПЯ в оппозицию и возвращения ЛДП к власти в 2012 г. вопрос об этом с политической повестки дня был полностью снят: либерал-демократы вернулись к политике неформального и непубличного урегулирования вопросов безопасности со своим партнером по военно-политическому союзу.

Анализ послевоенной политики Японии в отношении ядерной проблемы позволяет заключить, что Токио при определении своей позиции руководствовался прагматическими, а не моральными соображениями. Политическая элита осознавала, что Япония не может сохранять неядерный статус без «ядерных гарантий» США и иных

---

¹⁰⁸ <http://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2009.pdf>

дополнительных «подпорок». Политика отказа от ядерного вооружения воспринималась не как самоцель, а как наиболее оптимальное средство обеспечения внешнеполитических интересов страны. В bipolarную эпоху эта политика служила целям укрепления имиджа Японии как пацифистского государства, который она активно использовала для восстановления своих позиций в азиатских странах, пострадавших от японской агрессии в период Второй мировой войны. После окончания холодной войны в связи с постепенной утратой действенности пацифистского компонента внешнеполитического ресурса на первый план вышли соображения, в соответствии с которыми обладание ядерной мощью на данном этапе чревато неприемлемым ущербом для национальных интересов, как экономических, так и внешнеполитических.

Вместе с тем никаких иллюзий по поводу возможности обеспечения военной безопасности за счет сохранения неядерного статуса в политическом руководстве не наблюдается. Об этом свидетельствует, в частности, непрекращающаяся в Японии дискуссия по поводу «ядерного выбора», а также многочисленные заявления официальных лиц о допустимости ядерного вооружения страны с точки зрения внутреннего законодательства. Япония продолжает внимательно следить за ситуацией в сфере распространения ядерного оружия, прежде всего в восточноазиатском регионе, и сохраняет высокую степень экономической и научно-технической готовности к коррекции своей политики в ядерной области.

Проблемы исторического прошлого

На протяжении всего послевоенного периода в отношениях Японии со странами Восточной Азии заметное место занимали проблемы исторического прошлого. Особенно остро они стали проявлять себя в постбиполярный период на фоне усилившегося позиционирования Японии в международном сообществе как «нормального государства», т.е. страны, не обремененной конституционными и иными ограничениями на военное строительство, а также ее стремления войти в число мировых политических лидеров.

Одна из главных претензий восточноазиатских стран-соседей заключается в том, что Япония не понесла надлежащую ответственность за те злодеяния, которые она совершила в период своего имперского прошлого. Особенно это касается Второй мировой войны, когда

японская агрессия причинила огромные страдания народам Азии. Например, в Нанкине, согласно китайским источникам, в июле 1937 г. от рук японцев погибло более 300 тыс. мирных жителей, включая стариков и детей, а от 20 до 80 тыс. женщин было изнасиловано¹⁰⁹. Японские оценки числа жертв существенно более скромные, однако факт массовых убийств и изнасилований не отрицается.

Население оккупированных стран подвергалось насильственной трудовой мобилизации. Во многих районах Китая японская оккупация спровоцировала массовый голод. Широкую международную известность получила деятельность специального подразделения японской армии — Отряда 731, который занимался в районе Харбина подготовкой бактериологической войны. Жертвы преступных опытов Отряда 731, среди которых были представители разных стран, подвергались инфицированию такими смертельными болезнями, как сибирская язва и бубонная чума. Есть свидетельство о том, что военнослужащие японской императорской армии перед самым окончанием войны выпустили в Харбине крыс, зараженных бубонной чумой, в результате чего в 1947 г. погибли 30 тыс. китайцев¹¹⁰.

Еще один пример жестокости — насильственное привлечение для нужд японской армии «комфортных женщин» (кореенок, филиппинок, голландок и др.) в качестве сексуальных рабынь. Проблема «комфортных женщин» стала в послевоенный период причиной серьезных дипломатических конфликтов Японии с Южной Кореей, а также Филиппинами и Нидерландами.

Между тем наказание, наложенное Международным военным трибуналом для Дальнего Востока и несколькими трибуналами в других странах на руководство Японии военного времени, коснулось в основном лишь ограниченной группы высокопоставленных военных политиков и бюрократов. Так, Токийский трибунал вынес обвинительные приговоры в отношении 25 лиц, из которых семь человек, включая двух бывших премьер-министров, были повешены. От какой-либо ответственности был полностью освобожден японский император, являвшийся главой государства в военный период.

Практически все приговоренные к тюремному заключению к концу 1950-х годов были амнистированы. На исходе 1970-х годов Хидэки Тодзё и 13 прочих военных преступников класса А были скрытно внесены в канонизированные списки японцев, погибших за родину на полях сражений, которые хранятся в синтоистском храме Ясукуни. Большинство крупных японских политических деятелей послевоен-

---

¹⁰⁹ Moore G.J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations. P. 289.

¹¹⁰ Ibid.

ного периода занимали крупные посты в государственном аппарате либо в лояльных милитаристскому режиму политических партиях Японии военного времени. Среди них, например, можно назвать премьер-министров Японии С. Ёсида, И. Хатояма, Н. Киси.

Однако проблемы исторического прошлого, послужившие причиной конфликтов в межгосударственных отношениях Японии с соседями, стали предметом разбирательства лишь в недавний по историческим меркам период. Даже проблемы, касающиеся Второй мировой войны, в первые послевоенные десятилетия не поднимались, а зачастую практически полностью замалчивались. Так, вопрос о «комфортных женщинах» как международно-политическая проблема был поднят лишь в начале 1980-х годов, проблема учебников истории — в конце 1970-х, проблема храма Ясукуни — в первой половине 1980-х годов. Существенное «запаздывание» с выдвиганием вопроса об ответственности Японии порождало в глазах многих азиатских народов ощущение, что она так и не понесла должного наказания за грехи военного времени.

В свою очередь, среди существенной части японского общественного мнения сложилось представление о том, что видение истории, в котором Япония предстает в неприглядном свете, является продуктом политической пропаганды и не соответствует действительности. Согласно распространенному мнению, японская армия продвигалась в 1930-е годы в страны Азии, сражаясь за правое дело — стремясь освободить азиатские народы от белых колонизаторов. К тому же относительно слабые наказания японских военных преступников, назначенные Токийским военным трибуналом, в соответствии с этой точкой зрения, свидетельствовали о том, что разговоры о зверствах японской императорской армии на материке — досужие вымыслы¹¹¹.

Формированию подобных взглядов способствовало то обстоятельство, что в большинстве стран, являвшихся противниками Японии и пострадавших от японской агрессии, в первые послевоенные десятилетия преобладала точка зрения о нецелесообразности привлечения излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма.

Так, в коммунистическом Китае в 1950–1960-е годы критика Японии и даже напоминание о страданиях китайского народа считались «нетактичными». Свою роль играло нежелание лишней раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить дипломатическое признание западных стран, в том числе и Японии. Кроме того, в официальной китай-

---

¹¹¹ Lawson S., Tanaka Seiko. War Memories and Japan's 'Normalization' as an International Actor. P. 411.

ской историографии японская военщина была отнюдь не самым опасным врагом — гораздо более страшным противником считался чанкайшистский режим. Наконец, в рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию Японии должен нести ответственность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ¹¹². Именно по этой причине в 1950–1960-е годы в КНР крупных расследований преступлений японцев практически не проводилось. Не поднимал в переговорах с японцами Пекин и проблему репараций, даже в период восстановления двусторонних отношений.

Вплоть до начала 1970-х годов на официальном уровне Япония не подвергалась серьезной критике за свое военное прошлое и со стороны Южной Кореи. Когда в 1965 г. встал вопрос о восстановлении дипломатических отношений, Сеул с готовностью согласился на заключение секретной сделки об оказании «финансовой помощи» объемом около 500 млн долл., которая позиционировалась именно как помощь, а не репарации. Во многом это было сделано по настоянию японской стороны, не желавшей заострять внимание на своей ответственности, однако нельзя забывать и о том, что тогдашний южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи мог принимать решения единолично, исходя из собственных представлений о политической целесообразности. Предоставленный тогда Токио пакет финансовой помощи позволил Сеулу провести модернизацию инфраструктуры и, по сути, стал одним из факторов южнокорейского экономического чуда. Однако, с точки зрения общественного мнения демократической Южной Кореи, Пак Чжон Хи совершил предательство, пойдя на унижительную сделку с японцами¹¹³.

Достаточно либеральным было отношение к историческим грехам Японии и в Соединенных Штатах. Отчасти это было связано с тем, что фокус внимания официальной американской историографии был сосредоточен на Тихоокеанской войне, т.е. на операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана, тогда как боевые действия Японии в Китае и других странах Восточной Азии оказывались на периферии исследовательского интереса. Основную вину на Японию американцы возлагали за ее нападение на Пёрл-Харбор, которое в их глазах перевешивало любые действия японских военных на материке.

---

¹¹² *Onuma Yasuaki*. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. P. 601.

¹¹³ Из-за этого пришедшая к власти в 2012 г. президент Республики Корея Пак Кын Хе, чтобы избавиться от ярлыка дочери «предателя», была вынуждена демонстрировать показную жесткость по отношению к Японии.

Некоторое освещение в американской историографии получила тема плохого отношения к военнопленным из армий США и их союзников, а также тема изнасилований голландок и филиппинок и их сексуальной эксплуатации в японских военных борделях (следует признать, впрочем, что до уровня проблемы «женщин комфорта», вставшей во весь рост с начала 1990-х годов, эта тема явно не дотягивала — сказывалось отношение к данному феномену как к неизбежному и явно не самому крупному злу военного времени).

Кроме того, свою роль в игнорировании проблемы преступлений японской императорской армии на материке сыграло то обстоятельство, что оккупационная администрация США на определенном этапе стала поддерживать идею «патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно заметно это стало с началом Корейской войны).

Что касается Советского Союза, то по понятным причинам гораздо больше внимания послевоенная советская историография уделяла вопросам, связанным с Великой Отечественной войной. Вступление СССР в войну с Японией, помимо того, что это было эпизодом уже не Великой Отечественной, а Второй мировой войны, в большей степени подавалось не как возмездие за совершенные японской военщиной преступления, а как выполнение обязательств СССР перед союзниками. К тому же, в отличие от Китая и государств Корейского полуострова, СССР после подписания Совместной декларации 1956 г. считал все вопросы в отношениях с Японией, связанные со Второй мировой войной, урегулированными. Кроме того, поскольку отношения между двумя странами продолжали оставаться натянутыми (во многом из-за нерешенной проблемы мирного договора), создавать дополнительные препоны на пути их налаживания Москва не хотела. Сыграл роль и разгоревшийся в 1960-е годы советско-китайский конфликт — чрезмерные пропагандистские нападки на Японию за действия императорской армии в Китае выглядели бы как косвенная поддержка китайского взгляда на историю. В этих условиях официальная советская историография воздерживалась от чересчур энергичной критики Японии за преступления военного времени, сосредоточив усилия на борьбе с призраком возрождающегося японского милитаризма.

В самой же Японии неприглядное историческое прошлое в широком общественном сознании воспринималось некритично, реальное положение дел приукрашивалось, проявлялось нежелание решительно отмежеваться от довоенной государственной системы. Объяснялось это отчасти психологическими особенностями японской нации,

которые председатель фонда Asia Foundation А. Хорват считает одной из причин «коллективной амнезии»¹¹⁴. В качестве таких особенностей фигурируют, в частности, понятия «стыда» и бóльшая, по сравнению с европейцами, степень неготовности к признанию собственных ошибок и соответствующему покаянию, а также бóльшая восприимчивость к риску «потери лица» в глазах окружающих. Кроме того, среди японцев считается «плохой манерой» вспоминать о собственных страданиях.

Однако объяснять «коллективную амнезию» исключительно национальной психологией было бы неверно. Большую роль сыграли и факторы, находящиеся в сфере внутренней и внешней политики.

Прежде всего, самокритике не способствовали те внешнеполитические условия, в которых Токио выстраивал свою послевоенную дипломатию. Японии нужно было восстановить свои экономические позиции в странах Восточной Азии, а для этого — реабилитировать себя в глазах тамошнего общественного мнения. Поэтому «азиатская дипломатия» Токио во многом строилась на борьбе с нежелательной исторической памятью. Была поставлена задача создать имидж Японии, от которой больше не исходит милитаристская угроза (именно эта идея, например, была одной из основных в «доктрине Фукуда», выдвинутой в 1977 г.). «Мазохистский» взгляд на историю отнюдь не приветствовался на официальном уровне, поскольку привлекал «нездоровое» внимание к недавнему историческому прошлому и соответственно наносил ущерб светлому образу страны. В этом Япония отличалась от послевоенной Германии, которая позиционировала себя как государство, не являющееся преемником довоенного нацистского режима и потому не боящееся отрицать собственное нацистское прошлое для создания нового имиджа за рубежом.

Другим отличием от Германии являлось то, что негативное в целом отношение в Японии к собственному милитаристскому прошлому сочеталось там с психологическим комплексом виктимности, т.е. ощущением собственного страдания, рождавшим на уровне массового сознания чувство психологического комфорта. Ничего подобного в послевоенной Германии не наблюдалось.

Существует несколько причин устойчивости комплекса виктимности, самовоспроизводившегося в нескольких послевоенных поколениях японцев. После войны оккупационные власти США поддерживали тезис о нации-жертве с целью ослабить враждебность со стороны населения и повысить степень управляемости страной. Внедрение

---

¹¹⁴ Horvat A. Overcoming the Negative Legacy of the Past. P. 143.

в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкую разграничительную линию между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением. Разведение по разные стороны баррикад нации и государства логически подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма¹¹⁵.

Этот же подход естественным образом легитимировал императора Хирохито, образ которого усилиями правящей элиты при одобрении американской оккупационной администрации удалось отделить от мрачного облика милитаристского режима. По мнению профессора Лейденского университета Р. Керстен, в этом проявился «пораженческий ревизионизм» (defeat revisionism), основанный на консенсусе между японскими консервативными элитами и американскими властями¹¹⁶.

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в период Второй мировой войны понес огромные жертвы и испытал неопишуемые страдания, а потому уже с лихвой искупил свои грехи. Из 74 млн населения Японской империи в ходе войны погибло около 3 млн, в том числе около 800 тыс. мирных жителей. В результате атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки погибло несколько сотен тысяч человек, а страдания «хибакуся» (жертв этих бомбардировок) продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о последствиях ковровых бомбардировок, предпринятых американцами в период весны–лета 1945 г. Например, в Токио 10 марта 1945 г. от бомб и вызванных ими пожаров погибло около 80 тыс. жителей.

Помимо комплекса виктимности на восприятие массовым сознанием итогов Второй мировой войны повлияла и либеральная политика американских оккупационных властей, которые, борясь с коммунистической угрозой, фактически пошли на сделку с тогдашним японским политико-бюрократическим истеблишментом, отказавшись от массовых чисток государственного аппарата по германской модели и полностью или частично освободив представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. Достаточно снисходительными к Японии были и условия

---

¹¹⁵ *Bukh A. Japan's History Textbook Debate. P. 690.*

¹¹⁶ *Kersten R. Revisionism, Reaction and the 'Symbol Emperor' in Post-War Japan. P. 19.*

Сан-Францисского мирного договора, по которым она практически полностью освобождалась от репараций.

Относительно мягкие по сравнению с Нюрнбергским процессом приговоры Токийского трибунала давали многим японцам основания полагать, что Япония стала жертвой в меньшей степени, чем страны Восточной Азии, пострадавшие от японской агрессии. По мнению некоторых исследователей, это явилось одной из причин того, что японцы не могли осознать до конца масштаб страданий, причиненных ими азиатским народам¹¹⁷.

Комплекс виктимности поддерживался как трудами консервативных ученых, так и усилиями официальных властей, которые периодически ставили вопрос о необходимости усиления «патриотического воспитания» в стране. Особый упор делался на те факты истории Второй мировой войны, которые подтверждали тезис о несправедливом отношении к Японии со стороны стран коалиции. Широкое распространение получила теория о том, что Токийский трибунал являл собой «суд победителей», а его решения были изначально необъективны. Например, по мнению генерала Сил самообороны Т. Тамогами, высказанному в одном из его эссе в 2008 г., Международный трибунал для Дальнего Востока намеренно возложил всю вину за Тихоокеанскую войну на Японию, что позволило установить своего рода «контроль над умами» японцев, заклеив их в качестве агрессоров¹¹⁸. Осужденные и казненные по решению трибунала военные преступники класса А, в соответствии с данной теорией, уже «искупили грехи» нации, а потому их канонизация в храме Ясукуни не представляет ни юридической, ни этической проблемы. Характерным в этом смысле является заявление министра финансов Ё. Нода, сделанное им в августе 2011 г. Он сказал, что канонизированные в храме Ясукуни военные преступники класса А «больше не являются военными преступниками», поскольку они уже понесли должную ответственность в судебном порядке (были помилованы, освобождены после отбытия тюремного срока или казнены)¹¹⁹.

Комплекс виктимности проявлялся и в отношениях Японии с Советским Союзом, а именно в подходе официального Токио к проблеме «северных территорий». Япония продолжала придерживаться позиции, что ялтинские соглашения, определившие судьбу Курил, были заключены за ее спиной, а потому именно она является пострадавшей стороной в территориальном конфликте с Москвой. Через призму

---

¹¹⁷ *Onuma Yasuaki*. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. P. 604.

¹¹⁸ Цит. по: *Hughes Ch.W.* Japan's Remilitarization. P. 62.

¹¹⁹ Асахи симбун. 18.08.2011.

виктимности воспринималось большинством японских историков и вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 г. В этом факте многие японцы видели лишь свидетельство вероломства и величайшей несправедливости (вспоминается нарушение Москвой Пакта о нейтралитете), а вовсе не историческое событие, позволившее существенно ускорить конец Второй мировой войны. (Разительным контрастом в этом плане было отношение многих японцев к атомным бомбардировкам Японии, которые воспринимались именно как подобное событие¹²⁰.)

Виктимизированный менталитет японцев являет собой любопытный феномен. Казалось бы, виктимность должна порождать реваншизм, о чем свидетельствует исторический опыт Веймарской республики. Однако в реальности комплекс виктимности играл диаметрально противоположную роль. В первые послевоенные десятилетия виктимность, скорее, подпитывала пацифизм в общественном сознании, выступая своего рода политическим ресурсом для оппозиционно настроенных сил левой и центристской ориентации. Это не могла не учитывать правящая партия, претендовавшая на роль общенациональной политической силы: даже при относительном преобладании в ЛДП мнения о необходимости пересмотра Конституции вопрос о внесении в нее поправок даже не был поставлен в политическую повестку дня.

Но с конца 1970-х годов, когда набравшая экономическую мощь Япония стала все активнее позиционировать себя как держава регионального и даже глобального уровня, комплекс виктимности стал играть уже в пользу исторического ревизионизма, проявлениями которого стали призывы «подвести итоги войны», изменить Конституцию, навязанную стране американцами, возродить полноценные вооруженные силы и стать «нормальным государством». Как отмечал профессор университета Кэйо Ё. Созя, «сочетание исторического ревизионизма и „активной дипломатии“, ориентированной на западные ценности, является следствием травмы сознания, нанесенной Японии в результате поражения в войне и последующего периода оккупации, из-за которой, как считают многие, возник феномен „недостаточной независимости“ послевоенной Японии»¹²¹.

В международно-политическом плане проблема исторической памяти нередко проявляла себя на протяжении всего послевоенного периода в вопросе об официальных извинениях. Япония стремилась к тому, чтобы вопрос об извинениях, причем касающихся не только

---

¹²⁰ Onuma Yasuaki. Op. cit. P. 604.

¹²¹ Japan as a 'Normal Country'. P. 78.

Второй мировой войны, но и более раннего времени, включая вторую половину XIX в., когда Япония проводила экспансионистскую политику на Корейском полуострове, не находился в отношениях с восточноазиатскими соседями в центре политической повестки дня.

Между тем Китай вопросу об извинениях придавал особое значение. В рамках китаецентристской вассально-даннической системы церемониал существенно более важен, нежели содержательная сторона отношений. Как отмечал российский исследователь Г.Ф. Кунадзе, огромное значение имеет не только факт извинения, но и место и время, выбранные для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой оно принято¹²². Характерной в этом смысле была позиция Китая в 1972 г. на переговорах в Пекине по восстановлению отношений. Китай тогда потребовал от японской стороны однозначного покаяния за военное прошлое. Но выбранная японским премьер-министром К. Танака форма извинения («Извините за доставленное беспокойство») чуть не сорвала переговоры, вызвав резкое неприятие и даже гнев со стороны представлявшего КНР Чжоу Эньлая. Лишь Мао Цзэдун смог «примирить» двух премьеров, призвав их «смотреть в будущее и не оглядываться назад»¹²³.

С начала 1980-х годов японские руководители более десяти раз выражали в различных формах и по разным поводам извинения в адрес азиатских народов. Особенную актуальность проблема извинений приобрела с начала 1990-х годов, когда Япония поставила перед собой задачу существенно повысить свою глобальную политическую роль, для решения которой нужно было заручиться поддержкой азиатских стран. (Япония позиционировала себя как представителя Азии в «Большой восьмерке», в ООН и иных международных форматах.) Сразу несколько японских премьер-министров выступили с заявлениями, осуждающими милитаристское прошлое страны. Так, М. Хосокава в своей речи 15 августа 1993 г. на ежегодной церемонии, посвященной окончанию Второй мировой войны, признал, что война, которую вела тогда Япония, была агрессивной. Это было первое за всю послевоенную историю признание подобного рода — ранее японские официальные лица предпочитали вообще не использовать термин «агрессия».

15 августа 1995 г. глава кабинета министров социалист Т. Мураяма, выступая на церемонии по случаю годовщины окончания войны, заявил: «В период не столь далекого исторического прошлого Япония,

---

¹²² Кунадзе Г.Ф. Япония и Китай. С. 232.

¹²³ Там же.

проводя ошибочную политику, встала на путь войны, которая привела японскую нацию к роковому кризису. Действуя путем установления колониального господства и агрессии, Япония нанесла огромный ущерб и причинила страдания многим странам, и особенно народам Азии»¹²⁴. Японский премьер-министр выразил далее чувство глубокого раскаяния и принес искренние извинения за содеянное.

Заявление Мураяма считается на сегодняшний день наиболее сильным высказыванием лидера японского государства, выражающим осуждение темных сторон исторического прошлого страны. Главное его значение заключается в том, что признание вины за ошибки прошлого позволяло Японии заложить более прочные основания под ее отношения с азиатскими странами. В дальнейшем все правительства Японии, включая те, что возглавлялись относительно правыми политиками, подтверждали свою приверженность этому заявлению.

После Т. Мураяма резонансными были также высказывания премьер-министра Д. Коидзуми. Выступая в апреле 2005 г. в Джакарте на саммите стран Азии и Африки, японский лидер принес свои извинения и подчеркнул, что Япония никогда не станет военной державой. А 15 августа 2005 г., в день принятия Японией Потсдамской декларации, Д. Коидзуми заявил о своем «смиренном признании» исторических фактов и «чистосердечном раскаянии»¹²⁵.

Вместе с тем в Японии все большее число сторонников приобретает точка зрения, что японские лидеры уже достаточно извинялись за военное прошлое, а своей экономической помощью Китаю, Южной Корее и иным странам Азии Япония с лихвой искупила прошлые грехи, поэтому данную проблему можно считать исчерпанной. К тому же в стране выросло новое поколение, которому не нужно каяться за грехи отцов. Выражая эту точку зрения, депутат ЛДП С. Такаити в 1995 г. заявила в ходе дебатов по поводу резолюции, посвященной 50-летию окончания Второй мировой войны: «Поскольку я не являюсь частью поколения, прошедшего войну, я не испытываю чувства раскаяния»¹²⁶.

Однако, несмотря на неоднократные выступления японских лидеров с извинениями, данная проблема продолжала постоянно возникать в отношениях Японии с соседями. Ясно, что устойчивость этого феномена нельзя объяснить только тем, что пострадавшие от японской агрессии азиатские страны считают раскаяние недостаточно искренним. Осознание того, что в случае, если публичные высказывания японских официальных лиц по вопросам исторического прошлого

---

¹²⁴ Цит. по: Japan Times. 15.08.2012.

¹²⁵ Moore G.J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations. P. 290–292.

¹²⁶ Асахи симбун. 15.05.2013.

будут содержать оскорбительный для них смысл, они не смогут дать адекватного ответа (например, применив к Японии эффективные экономические санкции), по мнению японского исследователя Я. Онума, порождало у этих стран определенную неудовлетворенность выражением раскаяния японской стороной¹²⁷.

Еще одним аспектом проблемы исторического прошлого, который периодически проявляет себя в отношениях со странами Азии, является вопрос об учебниках истории.

С начала 1950-х годов в Японии продолжаются дискуссии об учебниках истории для средней школы второй ступени. Учебники истории в Японии проходят процедуру утверждения Министерством образования, которое вправе давать предписания относительно корректировки текстов. Подача в учебниках исторических событий и их интерпретация стали объектом политического противостояния: чиновники Министерства образования настаивают на более «патриотическом» взгляде на события истории, тогда как прогрессивные историки, отражающие левые и пацифистские взгляды, — на объективном освещении истории. Проблема учебников истории, таким образом, являлась отражением «системы 1955 года», основанной на внутривнутриполитическом противостоянии консервативных и левых сил страны.

В Министерстве образования комиссии по сертификации учебников еще в 1950-е годы были укомплектованы экспертами консервативной ориентации, выступавшими за усиление «патриотических» элементов в историческом образовании, предполагающих повышенное внимание к освещению роли императора и интересов японского государства. Министерство периодически обязывало авторов изменять текст представленных рукописей учебников.

Оппонентом Министерства образования в период холодной войны выступал профсоюз учителей, находившийся под сильным влиянием Социалистической партии, а также ряд независимых профессоров, отражавших взгляды либерального крыла японской интеллигенции. Наиболее крупным его представителем можно назвать профессора Токийского университета Сабуро Иэнага, который с 1962 по 1993 г. с переменным успехом судился с Министерством образования по поводу даваемых последним предписаний относительно текста учебников.

Предписания министерства касались как отдельных терминов и формулировок, так и целых абзацев рукописей учебников. Так, его чиновники неоднократно выступали против определения Тихоокеанской войны как «безрассудной»¹²⁸. Под предлогом недостатка одно-

---

¹²⁷ *Onuma Yasuaki*. War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. P. 603.

¹²⁸ *Moore G.J.* Op. cit. P. 292.

значного документального подтверждения определенных фактов экспертная комиссия министерства неоднократно требовала смягчить некоторые формулировки, сократить или полностью убрать упоминание об определенных фактах и т.д. Это, например, касалось оценки масштабов «Нанкинской резни», число жертв которой, по разным оценкам, разнилось от «не очень большого количества» до 80 тыс. изнасилованных и 450 тыс. убитых¹²⁹.

Еще один пример касается интерпретации окинавского сражения, в котором японская императорская армия предстает в неприглядном свете. В начале 1980-х годов Министерство образования дало указание автору одного из учебников вычеркнуть из текста упоминание о массовых самоубийствах окинавцев и особенно о роли японской армии в инспирировании этих самоубийств¹³⁰. Требования министерства неоднократно вызывали протесты широких масс окинавцев — например, летом 2007 г., когда на острове прошли крупнейшие за несколько десятилетий демонстрации.

Острота проблемы учебников во внутренней политике связана с ее идейно-мировоззренческим подтекстом. Как писал председатель фонда Asia Foundation А. Хорват, «в настоящее время проблема заключается главным образом не в самих учебниках, а в том факте, что... критики и сторонники правительства обращаются к учебникам в поисках четких свидетельств того, как японское государство видит прошлое нации»¹³¹.

В послевоенной истории наблюдалось несколько всплесков общественного интереса к проблеме учебников. Однако на международный уровень эта проблема вышла только в начале 1980-х годов, когда начался новый виток холодной войны, а Япония более определенно позиционировала себя как верного союзника Соединенных Штатов, связанного с ними, по выражению Я. Накасонэ, «единством судеб». После 1980 г., когда ЛДП удалось существенно потеснить левые силы и вновь вернуть себе уверенные позиции в парламенте, вопросы идеологии, в числе которых не последнее место занимало «патриотическое

---

¹²⁹ Horvat A. *Overcoming the Negative Legacy of the Past*. P. 144.

¹³⁰ Речь шла о том, что японцы считали коренных жителей Окинавы, этнически отличающихся от коренных японцев, не вполне лояльными. Как пишут Ё. Нодзаки и М. Зельден, японские военные, привлекая массы окинавцев к строительству оборонительных сооружений, были озабочены сохранением военных секретов. Распространение среди окинавцев слухов о зверствах американцев с целью побудить их совершить самоубийство было одним из способов предотвращения утечки информации (см.: *Nozaki Yoshiko, Selden M. Japanese Textbook Controversies, Nationalism, and Historical Memory*).

¹³¹ Horvat A. *Op. cit.* P. 142.

образование», получили в политике правительства явный приоритет. Именно тогда стал в полном объеме проявляться подход к учебникам истории как к важному инструменту идеологической борьбы.

В 1981–1982 гг. Министерством образования был одобрен учебник, в котором содержалась качественно новая оценка многих исторических событий, основанная на приукрашивании политики японского государства. Так, действия японской императорской армии на материке в период Тихоокеанской войны были охарактеризованы не как «агрессия», а просто как «продвижение». Была пересмотрена и оценка колониального господства Японии в Корее, а корейское движение за независимость было названо «корейскими бунтами»¹³². Выход нового учебника вызвал не только официальные протесты со стороны Пекина и Сеула, но и массовые антияпонские выступления в Китае и Южной Корее, а также недовольство стран ЮВА, в которых еще сохранялась сильная историческая память о японской агрессии.

С учетом того, что дипломатическим контактам с восточноазиатскими государствами Япония придавала особое значение, Министерству образования пришлось включить в число критериев сертификации учебника «пункт о соседних странах» (*кинрин сёкоку дзёко*), в соответствии с которым тексты учебников должны способствовать развитию дружественных отношений Японии с азиатскими странами. В итоге после 1982 г. учебники стали более взвешенными и самокритичными.

В середине 1990-х годов на политической арене Японии усиливается националистическое крыло, выступавшее за прекращение «мазохистского взгляда» на историю. В 1997 г. было образовано Общество создания нового учебника истории. По мнению одного из лидеров общества профессора Токийского университета Нобукацу Фудзиока, учебники истории стали «инструментом международной политики»¹³³, а японцы подчинились взглядам победителей на историю, вместо того чтобы самим подумать о ней¹³⁴. В результате деятельности общества в 2002 г. появился «Новый учебник истории» для средней школы второй ступени. В нем «Нанкинская резня» была именована «Нанкинским инцидентом», а война, которую Япония вела в Азии, была представлена как «акт самозащиты», который параллельно решал задачу освобождения азиатских народов от колониального ига Запада. Никак в учебнике не обозначалась и проблема «женщин комфорта».

---

¹³² Асахи симбун. 26.06.1982.

¹³³ Цит. по: Lawson S., Tanaka Seiko. War Memories and Japan's Normalization" as an International Actor. P. 418.

¹³⁴ Ibid. P. 411.

Выход учебника вызвал ожесточенную критику со стороны Китая, Южной Кореи и ряда азиатских стран. В апреле 2005 г., пройдя несколько этапов согласования, учебник был одобрен Министерством образования, которое дало предписание внести в его текст около 130 исправлений¹³⁵. Однако решение о том, включать ли учебник в учебный процесс, должны были принимать региональные комиссии по образованию. С ожесточенными протестами выступили Китай и Южная Корея. Но международно-политические последствия для Японии, связанные с ситуацией вокруг данного учебника, оказались существенно более весомыми, чем его реальное влияние на историческое образование в стране, — когда страсти улеглись, выяснилось, что этот учебник занял в массе всех учебников истории лишь около 0,4%¹³⁶.

Ощутимое воздействие на отношения Японии со странами-соседами, и в первую очередь с Республикой Корея, оказывает еще одна проблема исторического прошлого — проблема «женщин комфорта». Ее суть заключается в том, что в ряде азиатских стран, пострадавших от японской агрессии, с требованиями компенсаций от японского правительства выступает группа женщин, которая в годы войны подвергалась насильственной сексуальной эксплуатации со стороны японских военнослужащих на «станциях комфорта» (по сути, домах терпимости для военнослужащих), организованных при поддержке японских военных властей.

Имеются разные оценки количества женщин, вовлеченных в период Второй мировой войны в сексуальное рабство — от 20 до 200 тыс. и даже более. Значительную их часть составляли кореянки и филиппинки, но были представительницы и других азиатских стран, а также некоторое количество европейских женщин (голландки и австралийки). «Станции комфорта» были расположены в Китае, Японии, Индонезии, на Филиппинах, в Малайзии, Бирме, Таиланде, Новой Гвинее, Французском Индокитае и иных территориях, входивших в период Тихоокеанской войны в зону контроля японской армии.

Проблема «женщин комфорта» актуализировалась только в начале 1990-х годов. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Китай, Южная Корея, Тайвань и некоторые другие страны Восточной Азии к этому времени достигли серьезных экономических успехов, что вызвало в них всплеск «экономического национализма». Кроме того, в регионе усилилась борьба за экономическое и политическое лидерство, в ходе которой Япония начала утрачивать лидерские позиции. Выдвижение проблемы «комфортных женщин», таким

---

¹³⁵ Moore G.J. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations. P. 292.

¹³⁶ Japan as a 'Normal Country'. P. 175.

образом, стало одним из средств давления на Токио в рамках ужесточающейся конкурентной борьбы.

Во-вторых, в 1990-е годы в мире наблюдался рост интереса к проблемам прав человека, как в международных организациях, так и на уровне межгосударственных отношений. В результате проблема «комфортных женщин» стала привлекать к себе внимание в широком контексте международного интереса к правозащитной тематике, ставшей неотъемлемой частью международно-политической повестки дня.

В-третьих, в Южной Корее проблема «комфортных женщин» обрела и внутривнутриполитическое звучание, став важным ресурсом для поддержания рейтингов действующей администрации. Поскольку в живых к тому времени оставалось лишь несколько десятков кореянок, побывавших на «станциях комфорта», выдвижение этой проблемы в плоскости компенсационных выплат рассматривалось как последняя возможность отдать дань уважения специфической категории жертв военного времени.

Почему же проблема «комфортных женщин» фактически замалчивалась на протяжении нескольких послевоенных десятилетий? Это объяснялось не только проводившейся странами-победительницами политикой «облегченной ответственности» Японии, о которой шла речь выше, но и деликатностью и сложностью данной темы, связанными с тем, что для многих «комфортных женщин» публичное обсуждение данного вопроса было чревато риском не просто «потери лица», но и остракизма со стороны собственных сограждан. Кроме того, правительства не слишком охотно шли на выдвижение соответствующих претензий, так как не всегда признавали этих женщин в качестве жертв, по крайней мере в полноценном качестве (особенно это касалось правительства Южной Кореи, для которого категория «женщин комфорта» считалась не вполне «достойной» в списке социальных групп, пострадавших от насилия в годы войны). Играли роль и юридические моменты: после 1965 г., когда Япония и Южная Корея подписали ряд договоров, по которым стороны отказывались от взаимных претензий по итогам Второй мировой войны, «женщины комфорта», соответственно, уже не могли подавать иски о компенсациях.

В 1990 г. были опубликованы неопровержимые доказательства, свидетельствовавшие о причастности официальных властей Японии к практике привлечения женщин из азиатских стран к оказанию сексуальных услуг японским военным¹³⁷. Первый иск правительству Японии был предъявлен только в 1992 г., когда кореянка из числа «женщин

---

¹³⁷ Horvat A. Overcoming the Negative Legacy of the Past. P. 142.

комфорта» впервые дала публичные показания. В середине 1990-х годов японский профессор Ё. Ёсими опубликовал ряд документов из японских военных архивов, доказывавших системный характер официальной поддержки практики «утешения»¹³⁸. На основании свидетельств корейских, китайских, тайваньских и филиппинских жертв «женщин комфорта» дело было принято к рассмотрению в комиссии ООН по правам человека.

Реакция японского правительства была противоречивой: с одной стороны, из уст премьер-министра К. Миядзава в январе 1992 г. в адрес бывших «женщин комфорта» прозвучали официальные извинения, с другой — Токио дал понять, что условия японо-южнокорейского договора 1965 г. не позволяют требовать компенсации в судебном порядке¹³⁹. Наибольшую известность получило заявление генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно, который 4 августа 1993 г. официально признал, что японское правительство было прямо или косвенно вовлечено в дело организации и управления «станциями комфорта» и поставке туда «женщин комфорта». Ё. Коно принес извинения за нанесенные жертвам «неизмеримую боль и неизлечимые физические и психологические раны».

Однако попытки японских властей решить вопрос с компенсациями южнокорейским жертвам на неофициальном уровне, используя для этого частные пожертвования, фактически провалились. Во многом этому способствовала позиция южнокорейского правительства, которое предложило еще более ощутимую компенсацию каждой жертве, которая откажется принимать деньги и письма с извинениями из Японии¹⁴⁰.

В дальнейшем южнокорейские власти неоднократно поднимали проблему «женщин комфорта» на официальном уровне и критиковали японское правительство за нежелание рассматривать вопрос о выплате компенсаций. Например, в ходе встречи с японским премьер-министром Ё. Нода в декабре 2011 г. президент РК Ли Мён Бак подчеркнул важность решения проблемы «женщин комфорта» для развития двусторонних отношений, в ответ на что японский лидер, повторив тезис о том, что все вопросы о выплате компенсаций решены договором 1965 г., выразил готовность прилагать усилия для улаживания гуманитарного аспекта проблемы¹⁴¹. Между тем в январе 2013 г. генеральный секретарь правительства Ёсихидэ Суга заявил, что вла-

---

¹³⁸ Ёсими Ёсиаки. Дзюгун ианфу («Женщины комфорта» в армии). Токио, 1995.

¹³⁹ Lawson S., Tanaka Seiko. Op. cit. P. 416.

¹⁴⁰ Horvat A. Op. cit. P. 142.

¹⁴¹ Япония в поисках новой глобальной роли. С. 249.

сти пока не могут вынести однозначного решения относительно солидарности с заявлением Коно¹⁴². В марте 2014 г. Ё. Суга обнародовал выработанную японским правительством позицию: оно будет придерживаться заявления Коно, но проведет собственное расследование обстоятельств его появления, включая роль правительства Южной Кореи, а также аутентичности свидетельских показаний «женщин комфорта»¹⁴³.

В списке проблем исторического прошлого сохраняет остроту и проблема визитов японских официальных лиц в синтоистский храм Ясукуни, где, как считается, покоятся души японцев, отдавших жизнь за свою родину. С начала 2000-х годов храм неоднократно посещали члены кабинета министров Японии, в том числе и премьер-министры. Например, Д. Коидзуми в период своего пребывания у власти в 2001–2006 гг. побывал в храме в Ясукуни шесть раз, причем в 2006 г. — 15 августа, в день принятия Японией Потсдамской декларации.

Бесспорно, для японских лидеров визит в храм Ясукуни имеет в первую очередь внутривластическое звучание, позволяя обеспечить консолидацию базы электоральной поддержки, в которой значительное место занимают консервативные слои населения. Однако народами Восточной Азии визиты представителей японского правительства в храм Ясукуни воспринимаются как однозначное свидетельство возрождения японского милитаризма. По мнению корейского исследователя Пак Чол Хи, «в глазах корейцев и китайцев данный ритуал может быть интерпретирован как политический жест, призванный оправдать военное и колониальное прошлое, так как в храме Ясукуни канонизированы военные преступники класса А»¹⁴⁴.

Задача борьбы с «признаками прошлого», особенно касающимися событий Второй мировой войны, прочно закрепилась в списке внешнеполитических приоритетов Токио. Одной из главных целей дипломатии Токио в ООН стало устранение из ее Устава «несправедливого» тезиса о «враждебных государствах». Негативно реагирует Япония на попытки привлечь международное внимание к различным событиям Тихоокеанской войны, в которых японский милитаристский режим предстает в неприглядном свете. Например, крайне нервную реакцию в Токио вызвали решение России установить памятную дату окончания Второй мировой войны, празднование совместно с Китаем юбилея окончания Второй мировой войны и т.д.

---

¹⁴² Асахи симбун. 05.01.2013.

¹⁴³ Асахи симбун. 12.03.2014.

¹⁴⁴ *Park Cheol Hee. The Pattern of Cooperation and Conflict between Korea and Japan.* P. 257.

Особенно отчетливо этот аспект внешнеполитического курса обозначился после прихода к власти в декабре 2012 г. второго кабинета Абэ. Одним из основных тезисов, выдвинутых С. Абэ в период предвыборной борьбы, был лозунг «покончить с послевоенным режимом», т.е. всеми законодательными и иными ограничениями, определявшими в послевоенный период пацифистский статус Японии.

Обращает на себя внимание тот факт, что по вопросам исторического прошлого второй кабинет Абэ нередко проявлял достаточно двусмысленную, а иногда — и открыто ревизионистскую позицию. Так, в одном из своих публичных выступлений в апреле 2013 г. глава кабинета министров заявил об отсутствии четкого определения понятия «агрессия», которое еще предстоит выработать научному сообществу¹⁴⁵. С. Абэ подчеркнул, что правительство «не обязательно» разделяет позицию, изложенную в заявлении Мураяма. В свою очередь, глава Совета по политическим вопросам правящей ЛДП С. Такаити 12 мая 2013 г. выразила несогласие с заявлением Мураяма, поскольку в нем используется слово «агрессия». «В то время (т.е. в период войны. — Д.С.) считалось, что наш народ был вынужден вести решительную борьбу за собственное выживание», — отметила С. Такаити¹⁴⁶. Только перед лицом массовых протестов генеральный секретарь кабинета министров Ёсихидэ Суга был вынужден объявить, что правительство «полностью присоединяется» к высказыванию Мураяма¹⁴⁷.

В другом своем публичном выступлении С. Абэ отрицал наличие достаточных доказательств существования практики насильственного рекрутирования корейских женщин на «станции комфорта»¹⁴⁸. Примером эпатажного поведения С. Абэ стала его фотосессия за штурвалом японского военного самолета с цифрами 731 на фюзеляже, вызывающими зловещие ассоциации с японским Отрядом 731, занимавшимся в годы Второй мировой войны разработкой бактериологического оружия в Маньчжурии. В декабре 2013 г. С. Абэ посетил храм Ясукуни, что вызвало резкую реакцию не только со стороны азиатских стран-соседей, но и Соединенных Штатов, которые выразили свою «озабоченность» по поводу поведения японского лидера.

Во многом по причине неурегулированности проблем исторического прошлого дипломатические, экономические, культурные и иные контакты Японии с Китаем, Республикой Корея и рядом стран Юго-

---

¹⁴⁵ Асахи симбун. 14.05.2013.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2324225/Toru-Hashimoto-Mayor-defends-using-women-sex-slaves-Japan-WWII-claiming-soldiers-needed-discipline.html>

Восточной Азии развивались в послевоенный период с большими трудностями. Однако нельзя отрицать и то, что тема исторического прошлого используется Китаем и Южной Кореей в собственных политических интересах.

Особенно активно разыгрывает «историческую карту» КНР. Жестко критикуя позицию Японии за неуступчивость в вопросе о принадлежности островов Сэнкаку/Дяюйдао, за визиты в храм Ясукуни, за «ревизионистские» высказывания по вопросам исторического прошлого, Пекин периодически отказывался от двусторонних встреч на высшем уровне и иных форм политического диалога (например, эта тактика использовалась в 2012–2014 гг.). Проблемы исторического прошлого заняли прочное место во внешнеполитическом инструментарии Пекина для дискредитации Японии на международной арене как страны, «недостойной» претендовать на роль глобального политического лидера, поскольку она не продемонстрировала в должной мере свое «раскаяние» за прошлые грехи и активно проводит политику «возрождения милитаризма». Как отмечал японский исследователь Т. Хосияма, «историческая карта в руках Китая является не просто средством давления и пропаганды в отношении Японии. Это еще и международная карта, призванная ухудшить имидж Японии и способствовать продвижению дипломатического курса Китая в соответствующих областях»¹⁴⁹.

Фактически был заморожен политический диалог между Токио и Сеулом, недовольным опять-таки визитами в храм Ясукуни, а также отсутствием прогресса в решении проблемы «комфортных женщин». Так, двусторонних контактов на высшем уровне не было в период с 2005 по 2009 г. и в период с 2012 по 2014 г. Сильно пострадали наметившиеся в свете обострения проблем Корейского полуострова японо-южнокорейские связи в области безопасности. Заложниками сложившейся ситуации стали и трехсторонние форматы сотрудничества: в 2012 г. был приостановлен переговорный процесс по вопросу о формировании трехсторонней (Япония–КНР–РК) зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии.

Наличие больших проблем во взаимопонимании показали и попытки найти общий взгляд на историю и наладить взаимодействие на академическом уровне. В 2001 г. правительства Японии и Южной Кореи договорились создать специальную совместную экспертную комиссию по вопросам истории отношений между двумя странами. Деятельность комиссии позволила ввести в научный оборот большое

---

¹⁴⁹ *Hoshiyama Takashi*. *New Japan–China Relations and the Corresponding Positioning of the United States*. P. 84.

количество исторических документов. Однако в подготовленном к июню 2005 г. заключительном докладе обнаружилось принципиальные различия в позициях сторон, особенно по вопросам колониального прошлого Кореи¹⁵⁰. Различия в подходах к ряду аспектов истории военного и послевоенного периодов продемонстрировали и результаты трехлетней работы комиссии историков Японии и КНР, образованной в 2006 г. на основе договоренности, достигнутой на межправительственном уровне. Несогласие сторон особенно сильно проявилось в вопросах оценки количества жертв «Нанкинской резни»¹⁵¹.

Проблемы исторического прошлого в обозримом будущем будут продолжать определять общую напряженную атмосферу международных отношений на Дальнем Востоке. Несмотря на постепенную смену поколений, которая, казалось бы, должна только ослаблять «историческую память», можно ожидать, что с течением времени степень актуальности этих проблем снижаться не будет. Главная причина этого заключается в том, что проблемы прошлого в принципе не могут быть решены путем дипломатических переговоров между странами, поскольку на кону стоят вопросы национальной идентичности, национальной гордости и национального достоинства. Это обстоятельство неизбежно будет вносить коррективы в развитие политической и даже военно-стратегической обстановки в регионе, препятствуя формированию эффективных многосторонних механизмов обеспечения международной безопасности.

Проблема принадлежности островов Сэнкаку/Дяюйдао

Особое место проблемы территориальной принадлежности островов Сэнкаку/Дяюйдао в международных отношениях в Восточной Азии заставляет обратить на нее пристальное внимание. Спор из-за этих островов выделяется из общего ряда территориальных конфликтов восточноазиатского региона.

Во-первых, в конфликт вокруг Сэнкаку в силу своих союзнических обязательств перед Японией прямо или косвенно оказывается втянутым Вашингтон. С учетом той роли, которую играют в мировой политике США, Китай и Япония, а также того обстоятельства, что вольными или невольными участниками конфликта становятся две ядер-

---

¹⁵⁰ Japan as a 'Normal Country'. P. 175.

¹⁵¹ The Japan Times. 21.01.2010.

ные державы, территориальный спор вокруг Сэнкаку приобретает глобальное значение и представляет собой серьезный дестабилизирующий фактор для всей системы международных отношений.

Во-вторых, острова имеют огромную стратегическую ценность, поскольку расположены на важном участке морских коммуникаций, ставшем объектом противостояния между Китаем, с одной стороны, и США и их союзниками — с другой. Сэнкаку/Дяоюйдао рассматриваются китайским руководством как одно из звеньев «первой островной линии», контроль над которой приобретает ключевое значение в рамках военно-морской стратегии Пекина, нацеленной на блокирование свободного доступа к тихоокеанскому побережью КНР военного флота США и их союзников. В свою очередь, Вашингтон отстаивает принципы свободы мореплавания. С этой точки зрения спор вокруг островов неизбежно затрагивает вопросы военно-политического соперничества в Восточной Азии.

В-третьих, большое значение имеет фактор природных ресурсов. После ратификации Китаем и Японией в 1996 г. Конвенции ООН по морскому праву обе страны получили преимущественное право на разработку природных ресурсов в 200-мильной особой экономической зоне (ОЭЗ), что многократно повысило ценность островов. В мае 1969 г. Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока после исследования геологической структуры дна и состава морской воды пришла к заключению, что континентальный шельф между Тайванем и Японией представляет собой один из наиболее перспективных мировых источников углеводородов. В 1999 г. на шельфе были обнаружены крупные залежи природного газа, объемы которых оцениваются в 200 млрд куб. м¹⁵². Кроме того, акватории вокруг островов, богатые рыбными и морскими ресурсами, являются традиционным местом морского промысла Китая и Японии.

Наконец, в-четвертых, спор затрагивает вопросы исторического прошлого, и с этой точки зрения завязан на проблемы национального престижа. Пойти даже на небольшие уступки в нем означает «потерять лицо», что для вовлеченных в конфликт сторон равнозначно поражению. Участники спора опасаются, что любые уступки с их стороны могут быть восприняты как проявление слабости и спровоцируют новые претензии. Боязнью подобного «эффекта домино» объясняется жесткость даже в том случае, когда проявление гибкости ради стратегических интересов добрососедства было бы вполне возможно. В результате переговоры нередко заходят в тупик. Это обстоятельство

---

¹⁵² http://rus.ruvr.ru/2012_09_12/Alarmistskie-scenarii-prezhdevremenni/

переводит данный спор в категорию трудноразрешимых, малоперспективных и даже безнадежных.

Среди аргументов, которые выдвигает китайская сторона в пользу своих претензий на принадлежность островов Сэнкаку/Дяоюйдао Тайваню, можно выделить следующие: 1) приоритет в их открытии и освоении; 2) географические особенности; 3) договорно-правовая база.

Позиция КНР основана на утверждении, что острова Дяоюйдао принадлежали Китаю испокон веков. Наиболее ранним историческим документом считается хроника 1403 г. (эпоха Мин) «Путешествие с попутным ветром», в которой описывается морское путешествие китайцев на острова Рюкю. В хронике встречается название «Дяоюйюй», соответствующее современному Дяоюйдао¹⁵³. Китайская сторона указывает и на существование географических карт XVI–XIX вв., в которых острова обозначены как входящие в Китай времен минской и цинской династий. В качестве примеров приводятся, в частности, карта «Морской путь из Китая на Рюкю» в «Записках о посольствах на Рюкю» посла минского Китая Сяо Чунье (1579 г.), карта в «Записках переводчиков великой династии Мин» (1629 г.), «Большая универсальная географическая карта» (1767 г.), а также «Атлас великой династии Цин» 1863 г.¹⁵⁴.

Острова Дяоюйдао играли главным образом роль навигационных знаков, которые использовали китайские мореплаватели в ходе своих поездок на Рюкю — буферное государство между Японией и Китаем. Однако имеются свидетельства и того, что острова еще в XVI в. были включены в систему китайской береговой охраны¹⁵⁵. Кроме того, китайская сторона ссылается на исторические документы, согласно которым острова Дяоюйдао не входили в состав архипелага Рюкю — на это, в частности, указывал посол минской династии на Рюкю Чен Кан в «Хронике посольских миссий на Рюкю», датированной 1534 г.¹⁵⁶. В 1893 г. китайская императрица Цыси пожаловала три острова, включая Дяоюйдао, китайскому предпринимателю для организации сбора лекарственных трав.

Что касается географических особенностей островов, китайская сторона подчеркивает, что они отделены от архипелага Рюкю глубокой Окинавской впадиной (глубиной 2000 м) и потому относятся,

¹⁵³ <http://www.cntv.ru/2012/09/11/ARTI1347329978136821.shtml>

¹⁵⁴ <http://az.china-embassy.org/rus/xwdt/t981542.htm>

¹⁵⁵ *Pan Junwu*. *Toward a New Framework for Peaceful Settlement of China's Territorial and Boundary Disputes*. P. 145.

¹⁵⁶ *Ibid.*

скорее, к Тайваню, а не к архипелагу Рюкю. На близость к Тайваню указывает и геологическая структура островов¹⁵⁷.

Таким образом, утверждает Пекин, острова Дяоюйдао являются частью Тайваня, а потому на них распространяются все положения международных договоров, которые регулировали статус Тайваня с момента его вхождения в Японию в конце XIX в. на правах колонии. КНР полагает, что острова были насильственно включены в Японию по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. (Симоносэцкий договор 1895 г.). В этой связи вопрос об их принадлежности должен решаться на основании положений Каирской декларации 1943 г., где говорится о необходимости лишить Японию территорий, которые были насильственно отторгнуты ею от Китая, в частности Маньчжурии, Формозы и Пескадорских островов. Приняв в 1945 г. Потсдамскую декларацию, статья 8 которой подтверждает указанные положения Каирской декларации, Япония тем самым взяла на себя обязательство вернуть Дяоюйдао Республике Китай.

После подписания Сан-Францисского мирного договора острова Дяоюйдао были включены в американскую зону оккупации в составе архипелага Нансэй. Китайская Народная Республика, которая не была приглашена на мирную конференцию, отказалась признать предусмотренное Сан-Францисским мирным договором решение о переводе Дяоюйдао под административный контроль США. Это решение характеризуется в официальных документах правительства КНР как «закулисная сделка», заключенная «группой стран в лице США и Японии»¹⁵⁸.

После подписания в 1971 г. соглашения с Соединенными Штатами о передаче ей административных прав на Рюкю Япония получила контроль над Дяоюйдао. Но еще в 1970 г. Тайвань официально заявил о том, что острова Дяоюйдао являются неотъемлемой частью Республики Китай. Годом позднее это заявление было поддержано Пекином, который воспринимает претензии Тайваня на острова в контексте «политики одного Китая»¹⁵⁹. В настоящее время острова Дяоюйдао, согласно административному делению Тайваня, входят в состав города Тучань провинции Илань.

Таким образом, Китай придерживается позиции, что вопрос о Дяоюйдао представляет собой одну из нерешенных проблем исторического прошлого. Япония, по его мнению, должна вернуть острова их законному владельцу в рамках тех обязательств, которые она взяла

---

¹⁵⁷ Ibid. P. 146.

¹⁵⁸ <http://az.china-embassy.org/rus/xwtd/t981542.htm>

¹⁵⁹ Pan Junwu. Op. cit. P. 147.

на себя в соответствии с принятой ею Потсдамской декларацией. Проблема островов рассматривается Китаем в контексте ответственности Японии как государства, проводившего в отношении него агрессивную политику еще с конца XIX в.

Свои аргументы, касающиеся прав на острова Сэнкаку, приводит и японская сторона. Согласно ее данным¹⁶⁰, правительство страны с 1885 г. провело ряд полевых исследований и пришло к выводу, что острова являются необитаемыми и нет никаких признаков их нахождения под управлением цинского Китая. На основании этих исследований кабинет министров Японии 14 января 1895 г. принял решение «установить на островах знаки, тем самым официально включив их в состав территории Японии». Как указывается на сайте МИД Японии, предпринятые меры «соответствуют способам надлежащего приобретения территориального суверенитета на основе международного права (завладение *terra nullius* — „ничьей землей“)».

Япония исходит из того, что острова «не были ни частью Тайваня, ни частью Пескадорских островов, которые были переданы Японии цинским Китаем в соответствии с Симоносэским договором», а следовательно, они не были насильственно захвачены ею в результате японо-китайской войны. Обращается внимание на тот факт, что решение о включении Сэнкаку в состав территории Японии было принято на заседании кабинета министров в январе 1895 г., тогда как Тайвань и Пескадорские острова были переданы Японии в соответствии со ст. II Симоносэского договора, подписанного в апреле того же года. Кроме того, хотя Симоносэский договор четко не определяет географических пределов Тайваня и относящихся к нему островов, «ничто в истории переговоров... не поддерживает толкования, что острова Сэнкаку входят в состав Тайваня и относятся к числу островков, о которых говорится в данном договоре». Правительство Японии «последовательно рассматривало эти острова как часть префектуры Окинава, а не как район под юрисдикцией генерал-губернатора Тайваня». Они — один из регионов, административные права на которые были переданы Японии в соответствии с соглашением между Японией и США о возвращении Окинавы, подписанным 17 июня 1971 г.

Япония приводит ряд фактов, свидетельствующих о длительности и постоянстве эффективного административного контроля с ее стороны в отношении островов Сэнкаку. Указывается, в частности, что в 1896 г. правительство дало разрешение частному лицу на аренду го-

---

¹⁶⁰ Здесь и далее цитируются документы с изложением позиции Японии, помещенные на сайте Министерства иностранных дел Японии (см. Список использованной литературы).

сударственной земли, на основании которого на острова были направлены поселенцы и развернуты различные виды хозяйственной деятельности: сбор птичьих перьев, производство сушеного тунца, сбор кораллов, скотоводство, производство консервов, добыча минерального фосфата, гуано и т.д.

Японская сторона особенно подчеркивает тот факт, что Китай не высказывал никаких возражений против включения этих островов в состав территорий, переходящих под управление США (ст. III Сан-Францисского мирного договора). Правительство КНР, так же как и власти Тайваня, указывает Токио, стало поднимать вопрос о праве владения островами Сэнкаку лишь после того, как комиссия ООН пришла к выводу, что в Восточно-Китайском море могут содержаться углеводородные ресурсы

Япония обращает внимание и на документальные свидетельства того, что Китай до начала 1970-х годов фактически признавал Сэнкаку частью Японии. Так, в 1920 г. консул Китайской Республики в Нагасаки направил благодарственное письмо в связи с помощью, оказанной годом ранее местными властями Японии потерпевшим бедствие китайским рыбакам из провинции Фуцзянь. В письме китайского дипломата, в частности, имеется упоминание об «островах Сэнкаку, уезд Яэяма, префектура Окинава, Японская империя». Приводится также заметка в газете «Жэньминь жибао» от 8 января 1953 г., в которой говорится о том, что острова Рюкю состоят из семи групп островов, включая острова Сэнкаку. Кроме того, Япония аргументирует свою точку зрения и картографическими доводами, в частности фактом издания в Китае в 1958 г. атласа мира, где острова Сэнкаку рассматривались как часть Окинавы.

Обе стороны подвергают критике позиции друг друга. Так, Китай считает несостоятельным тезис Японии относительно *terra nullius* («ничьей земли»), указывая на факты включения островов в систему береговой охраны в эпоху Мин и передачи китайским правительством островов в частную аренду в 1894 г.

Кроме того, по мнению КНР, сомнения вызывает метод, который был использован кабинетом министров Японии для провозглашения суверенитета над островами, а также момент, когда это было сделано. Япония для установления своего суверенитета использовала не такие распространенные методы, как поднятие национального флага или публичная декларация, а менее распространенную «закрытую» форму — решение кабинета министров об установке знаков территориальной принадлежности. Китай считает, что метод присоединения островов Сэнкаку (резолюцией кабинета министров) отличается от

того, что был применен в отношении Тайваня (передача его Японии в результате мирного договора с Китаем), и острова перешли к Японии именно по Симонсэксскому договору. Как отмечал один из исследователей, поскольку острова были слишком «малы», чтобы быть обозначены поименно, они были включены в полученную по мирному договору территорию без такого упоминания¹⁶¹.

КНР также отвергает тезис о том, что выдвижение претензий на острова в начале 1970-х годов было связано с выводом комиссии ООН о залежах нефти на шельфе. В ее интерпретации, главным мотивом стало то, что США в 1971 г. в нарушение Каирской и Потсдамской деклараций передали острова не Китаю, являющемуся их законным владельцем, а Японии.

Стороны чаще всего оперируют аргументами, связанными с историческими правами той или иной нации. К таковым, в частности, относятся «линия девяти пунктиров» на тайваньских картах 1947 г., по которым практически вся акватория Южно-Китайского моря относится к Китаю, или старые хроники, свидетельствующие о включении архипелага Сэнкаку/Дяюйдао в зону экономических интересов Китая еще четыре столетия назад. Подобными же аргументами нередко оперируют российская и японская стороны в ходе своего диспута о «северных территориях». Необходимо учесть, однако, что такие доводы не имеют правовых последствий и оказывают, скорее, морально-психологическое воздействие, создавая соответствующий настрой в общественном мнении.

Япония, со своей стороны, отмечает, что исторические аргументы в пользу китайской позиции (древние карты и исторические хроники) слишком слабы, имеют косвенный характер и не соответствуют современной правовой практике. Токио категорически отрицает, что острова были присоединены к Окинаве именно в результате японо-китайской войны, подчеркивая отсутствие документальных доказательств, подтверждающих этот тезис. Кроме того, обращается внимание на непоследовательность официальной позиции Китая, который вплоть до начала 1970-х годов не предпринимал никаких шагов для того, чтобы оспорить японский суверенитет над островами.

Что касается довода относительно неправомерной передачи островов Японии в 1971 г., Токио неизменно подчеркивает то обстоятельство, что с момента официального включения островов в состав Японии они являлись частью ее национальной территории, включая в том числе и тот период, когда административный контроль над островами осуществляли США и использовали их в качестве целей при проведе-

---

¹⁶¹ *Wei Su S. The Territorial Dispute over the Tiyayou/Senkaku Islands. P. 55.*

нии артиллерийских стрельб. Правда, Токио признает, что форма собственности на островах Сэнкаку неоднократно менялась¹⁶².

После опубликованного комиссией ООН заключения о перспективности шельфа и КНР, и Тайвань с начала 1970-х годов стали выдвигать территориальные претензии в отношении островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Сперва Тайвань в 1970 г., а за ним и Китай в 1971 г. сделали официальные заявления о принадлежности островов им. После восстановления дипломатических отношений между Японией и Китаем в 1972 г. этот вопрос продолжал оставаться в центре политической повестки дня, став предметом длительных торгов в ходе подготовки Договора о мире и дружбе. Китайская сторона в конце концов приняла решение заморозить вопрос о Сэнкаку/Дяоюйдао, оставив его на усмотрение следующим поколениям. В 1978 г. Дэн Сяопин заявил: «Пусть этот вопрос окажется в подвешенном состоянии, скажем, еще лет десять. Наше поколение недостаточно мудро для того, чтобы найти общий язык по данной проблеме. Следующее поколение непременно будет мудрее. Оно обязательно найдет решение, которое будет приемлемым для всех»¹⁶³. Соглашение, достигнутое при подписании Договора о мире и дружбе в 1978 г., многие оценивают как пакетную сделку, в которой стороны пришли к взаимоприемлемому компромиссу: Китай согласился отложить вопрос о Сэнкаку/Дяоюйдао «до лучших времен», тогда как Япония одобрила включение в текст договора пресловутой «антигегемонистской статьи», направленной против Советского Союза. Следует учесть, что нормализация отношений с Японией представляла в тот период для Китая в контексте его противостояния с Москвой более насущную дипломатическую задачу, нежели решение вопроса о Сэнкаку/Дяоюйдао.

«Формула Дэн Сяопина» предполагала, что стороны в течение неопределенного срока будут не только воздерживаться от публичных взаимных нападок по территориальному вопросу, но и избегать любых действий, которые будоражили бы общественное мнение и привлекали к этому вопросу международное внимание. Ситуация вокруг Сэнкаку/Дяоюйдао была охарактеризована многими экспертами как «согласованный тупик»¹⁶⁴, предполагавший добровольный отказ Китая от активных действий по выдвиганию территориальных претен-

---

¹⁶² Японское правительство в 1896 г. сдало острова в аренду предпринимателю Тацусиро Кога на 30 лет в безвозмездное пользование, а в 1932 г. они были выкуплены и перешли в частные руки. В 1970-е годы потомки Тацусиро Кога продали четыре острова семье Курихара, пятый же остался в собственности японского правительства.

¹⁶³ Цит. по: *Herranz H.L.* Diaoyu or Senkaku? Strained Relations in the East China Sea.

¹⁶⁴ *Ibid.*

зий в обмен на своего рода «лояльность» со стороны Японии. Токио не разрешил строительство значимых объектов на островах и старался не допускать высадки своих и чужих националистов на них. ИмPLICITное обязательство держать под контролем ситуацию с проявлением «патриотизма» в стране в связи с проблемой Сэнкаку/Дяюйдао исполнял и Китай.

Политика «согласованного тупика» позволяла обеим странам поддерживать относительно стабильные политические взаимоотношения и развивать экономическое сотрудничество. Помимо всего прочего, дополнительная выгода для КНР заключалась в возможности постоянно держать Токио «на крючке»: Пекин мог «вспомнить» о своих территориальных претензиях в самый неподходящий для партнера момент, что давало ему в руки рычаг потенциального дипломатического давления на Японию.

Токио демонстрировал сдержанность по отношению к проектам освоения природных ресурсов в прилегающих к островам акваториях. В 1970–1980-е годы он блокировал ряд инициатив частных японских компаний начать разработку газовых месторождений в Восточно-Китайском море¹⁶⁵. Достаточно осторожно вели себя обе стороны и в связи с ратификацией в 1996 г. Конвенции ООН по морскому праву, предполагавшей определение сторонами границ особых экономических зон на основе базовых береговых линий. Китай, несмотря на свою официальную позицию по островам Сэнкаку/Дяюйдао, воздержался от того, чтобы определить экономическую зону на основе базовых линий этих островов. В свою очередь, Япония определила лишь часть базовых линий Сэнкаку, намеренно оставив их открытыми в направлении запада и севера, т.е. по отношению к Китаю¹⁶⁶.

Во второй половине 1990-х годов политика «согласованного тупика» стала постепенно давать сбои. В 1997 г. Китай, остро нуждавшийся в дополнительных источниках углеводородов, начал буровые геологоразведочные работы в своей экономической зоне в Восточно-Китайском море в непосредственной близости от срединной линии. Поскольку наиболее крупное из месторождений газа — Чуньсяо (яп. Сиракаба) — является общим резервуаром, расположенным в особых экономических зонах обоих государств, Токио стал опасаться, что КНР своими буровыми установками перекачает себе запасы газа из японского сектора. Напряженность особенно усилилась после того, как в 2003 г. Китай установил на своей части месторождения морскую

---

¹⁶⁵ *Drifte R.* The Future of the Japanese-Chinese Relationship. P. 61.

¹⁶⁶ <http://www.eastasiaforum.org/2010/12/06/china-japan-trawler-incident-review-of-legalities-understandings-and-practices-in-disputed-senkakudaiouyu-waters/>

платформу и начал бурение. Лишь в июне 2008 г. Японией и КНР был подписан меморандум о взаимопонимании относительно совместной разработки ресурсов Восточно-Китайского моря¹⁶⁷. Однако попытка согласовать организацию совместных работ без решения принципиального вопроса о суверенитете, отделив вопрос о принадлежности Сэнкаку/Дяоюйдао от чисто управленческих вопросов, оказалась неудачной: китайские дипломаты с самого начала настаивали, что достигнутое соглашение касается китайских территориальных вод, а потому любые споры должны решаться на основе китайского законодательства¹⁶⁸. Это стало одной из главных причин фактического неуспеха двусторонних проектов. В 2011 г. Китай приступил к разработке газового месторождения Чуньсяо/Сиракаба в одностороннем порядке.

В 2010 г. относительная стабильность в японо-китайских отношениях, обеспечиваемая политикой «согласованного тупика», была подорвана инцидентом с китайским траулером. 7 сентября 2010 г. корабли японской береговой охраны задержали китайский рыболовецкий траулер, который вел промысел в японских территориальных водах в районе островов Сэнкаку. Капитан траулера намеренно пошел на таран японского пограничного катера, в результате чего весь экипаж траулера был задержан и депортирован на родину, а капитан арестован. Не желая открывать «ящик Пандоры», японское политическое руководство вскоре дало команду отпустить китайского капитана без судебного разбирательства (это решение было представлено как решение местного органа прокуратуры Окинавы). Однако многие в Японии сочли, что Китай в итоге одержал моральную победу, убедившись в действенности прямого давления на Токио. Данный инцидент нанес сильный удар по администрации правящей Демократической партии и немало способствовал утрате ею власти двумя годами позднее.

В свою очередь, китайская сторона предприняла ряд мер, расцененных в Японии как «ответные», в частности, были арестованы несколько японских бизнесменов, а также усложнены процедуры по экспорту редкоземельных металлов в Японию. Переговоры о совместной разработке газовых месторождений в Восточно-Китайском море по инициативе КНР были приостановлены. В результате данного конфликта произошло самое серьезное охлаждение двусторонних отношений с момента их установления. В Японии стали нарастать алармистские настроения в отношении китайской угрозы для безопасности страны, что усилило позиции той части внешнеполитиче-

---

¹⁶⁷ *Drifte R. Op. cit. P. 62.*

¹⁶⁸ *Hemmings J. Law, Diplomacy and Doing Nothing.*

ского истеблишмента, которая ориентируется на укрепление военно-стратегического сотрудничества с США.

Новый виток напряженности в связи с вопросом о Сэнкаку начался 15 апреля 2012 г., когда губернатор Токио Синтаро Исихара заявил, что столичная муниципия намеревается выкупить у частного лица несколько островов Сэнкаку, которые находились в тот момент у города в долгосрочной аренде.

Следует отметить, что изменение формы собственности на острова, равно как и все прочие операции с ними, ничего не меняют с точки зрения суверенитета. Заявление столичного губернатора было сделано во многом в русле логики предвыборной борьбы (мэр Токио, известный своими националистическими взглядами, собирался возглавить новую партию и идти в таком качестве на парламентские выборы). Однако реализация намерений Исихара могла, в представлении официального Токио, спровоцировать серьезный кризис в японо-китайских отношениях, связанный с нарушением хрупкого статус-кво в вопросе о Сэнкаку. Японское правительство приняло спешное решение перехватить инициативу и выкупить острова. Цель сделки заключалась в том, чтобы сохранить государственный контроль, не допуская высадки на острова частных лиц, и в первую очередь активистов националистических движений, что могло бы еще больше осложнить ситуацию в территориальном споре.

Однако в Китае решение японского правительства восприняли как знак того, что Япония усиливает свои территориальные претензии и больше не собирается придерживаться принципов политики «согласованного тупика». Приобретение островов японским правительством в глазах Пекина означало окончательный отказ Токио от «джентльменских соглашений» по островам, что в свою очередь освобождало его от каких-либо ответных обязательств. Особенно сильно ситуация стала накаляться после официального сообщения 10 сентября 2012 г. о приобретении за 2,05 млрд иен японским правительством у частных владельцев трех из пяти спорных островов¹⁶⁹. Китай немедленно направил к островам два военных корабля «для защиты суверенитета», а на улицах китайских городов начались массовые антияпонские погромы, в результате которых была приостановлена деятельность большинства предприятий, принадлежащих японскому капиталу. С резким заявлением о возможных «серьезных последствиях» выступил МИД Китая. Вскоре к берегам Сэнкаку прибыла флотилия из тысячи тайваньских рыболовецких судов, которую встретили водометы катеров японской пограничной охраны.

---

¹⁶⁹ Асахи симбун. 26.09.2012.

Одновременно Пекин предпринял шаги в международно-правовой плоскости. 13 сентября 2012 г. Китай подал в ООН заявку о разграничении особой экономической зоны по базовым береговым линиям Сэнкаку. 16 сентября было заявлено о намерении подать заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа с целью добиться международного признания того, что острова являются естественным продолжением китайского континентального шельфа, простирающегося далеко за пределы 200-мильной зоны.

Однако даже после деэскалации конфликта и стабилизации двусторонних отношений в конце 2012 г. напряженность вокруг Сэнкаку продолжалась. Китайские военные суда регулярно вторгались в территориальные воды в районе островов, нередкими стали случаи преследования японских рыболовецких судов, ведущих промысел в районе Сэнкаку. 20 января 2013 г. китайский фрегат навел свой радар на японский эсминец, который патрулировал акваторию к северу от Сэнкаку. Японская сторона сочла, что данный радар является боевым радаром системы управления огнем. Действия китайского фрегата были расценены как крайне рискованные, поскольку производятся обычно в качестве подготовки к атаке и могут спровоцировать ответную реакцию. Китай отверг японские обвинения, заявив, что данный радар является обычным радаром системы наблюдения.

Между тем дополнительно подогревают конфликт рост националистических настроений и усиление популистского компонента во внутренней политике в обеих странах. Нередко провоцирующим фактором выступают медиа, которые раздувают из искры локальных, зачастую малозначимых инцидентов пламя националистических эмоций. Особую роль в данной ситуации играют соображения государственного престижа, которые во многих случаях препятствуют поиску взаимоприемлемых решений там, где такие решения возможны. Лидеры обеих стран, озабоченные тем, чтобы не «потерять лицо», опасаются, что любая уступка или даже отход от прежней жесткой позиции будут восприняты как проявление слабости, причем не только и не столько в глазах вовлеченного в конфликт партнера, сколько в глазах третьих стран. Именно таким проявлением, согласно данной логике, стали бы отзывы территориальных исков или даже менее настойчивое их предъявление. В результате территориальный вопрос сохраняет свой конфронтационный потенциал, превращается в постоянный источник конфликта на долгую перспективу.

А ведь на кону стоят не столько сами территории, представляющие собой во многих случаях лишь скалы посреди океана, сколько колоссальные экономические богатства — морепродукты, углеводо-

родное сырье, различные рудные ресурсы и т.д. Конфронтационная составляющая спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао не позволяет его участникам (в том числе и тем, под чьим контролем находится та или иная территория) осуществлять здесь проекты экономического освоения ресурсов, даже если одна из сторон не признает самого факта наличия подобного спора.

Конфликт вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао потребует, безусловно, особого внимания и в дальнейшем. Это связано и с огромным значением японо-китайских связей в региональной системе международных отношений, и с гигантским деструктивным потенциалом, который таит в себе данный конфликт для региональной стабильности. Ясно, что этот спор не имеет перспектив решения в обозримом будущем, поскольку ни одна из сторон, скорее всего, не смягчит свою позицию. Маловероятным представляется даже сценарий признания со стороны Токио самой территориальной проблемы как таковой.

Чрезвычайный риск заключается в том, что конфликт уже перерос в такую стадию, когда многое будет зависеть не только от политической воли руководства, но и от выдержки и хладнокровия военного командования, в том числе среднего звена. Вооруженное столкновение может начаться совершенно непредсказуемо. В октябре 2013 г., когда правительство Китая объявило о создании «зоны воздушной обороны» над широкими акваториями Восточно-Китайского моря, включая район Сэнкаку/Дяоюйдао, Пекин потребовал, чтобы в МИД страны заблаговременно представлялись полетные планы, а экипажи воздушных судов находились на связи в момент пролета над указанной зоной. В ответ японские авиакомпании JAL и ANA заявили об отказе подчиняться предписаниям китайской стороны, хотя «под козырек» взяли несколько авиакомпаний третьих стран. 26 ноября 2013 г. в эту зону без предварительного уведомления демонстративно вошли два стратегических бомбардировщика США. В игру активно включился Сеул, заявивший свои претензии к соседям в связи с тем, что, по его мнению, на акватории, которые он считает своими, накладываются зоны ответственности Японии и Китая.

Территориальный спор уже спровоцировал беспрецедентную для этого региона гонку вооружений. Практически все программы военного строительства Японии, начиная с начала 2010-х годов, были переориентированы на сценарий вооруженного конфликта из-за Сэнкаку. В «Белой книге по обороне» за 2013 г. особый упор был сделан на защиту «отдаленных островов», и большое место в издании заняли вопросы качественного перевооружения Сил самообороны, их осна-

щения современными средствами разведки, наблюдения и раннего оповещения¹⁷⁰.

Японские Силы самообороны приступили к налаживанию оперативного сотрудничества с американскими союзниками для решения боевых задач, связанных с обороной «отдаленных островов». Например, именно с этой целью в июне 2013 г. в Калифорнии были проведены совместные учения с участием сухопутных, военно-морских и военно-воздушных Сил самообороны — редкий случай, когда в подобных учениях принимали участие все виды японских войск. В японской печати сообщалось, что в ходе этих учений отработывалась техника посадки американских конвертопланов «Оспрей» на палубу японских эсминцев¹⁷¹. Примечательно, что Китай призвал стороны приостановить маневры на период проведения китайско-американского саммита, проходившего как раз в те дни в Калифорнии, но этот призыв остался без ответа.

Дополнительные средства были направлены на защиту морских и воздушных рубежей страны, и в первую очередь на юго-западном направлении, где находится граница Японии с Китаем. В 2013 фин.г. на 40% больше средств, чем в предыдущем году, было выделено на укрепление технического потенциала воздушного и морского патрулирования. Планы правительства предусматривали приобретение новых самолетов, осуществление капитального ремонта более полутора десятков подводных лодок с целью продления их срока службы, внедрение в войска современных средств раннего обнаружения, проведение НИОКР по созданию разведывательных беспилотников “Global Hawk” с повышенными потолками полета, модернизацию конвертопланов «Оспрей» и т.д.¹⁷².

В конце июня 2013 г. Министерство обороны Японии приступило к рассмотрению вопроса о разработке собственных баллистических ракет среднего радиуса действия (дальностью 400–500 км), мотивируя это необходимостью защиты островов Сэнкаку от китайского военного вторжения¹⁷³. Ожидается, что это будет первый тип баллистической ракеты на вооружении Сил самообороны. Согласно информации газеты «Санкэй», подобная ракета может долететь до цели всего за пять минут, в отличие от обычной крылатой ракеты, время полета которой с базы на Окинаве составит десятки минут. Это, как предполагается, существенно облегчит задачу защиты островов. По мнению

---

¹⁷⁰ *Takahashi Toshiya. Japan's 2013 Defence White Paper Stirs Tensions with China.*

¹⁷¹ Иомиури симбун. 25.06.2013.

¹⁷² Иомиури симбун. 02.02.2013.

¹⁷³ Санкэй симбун. 26.06.2013.

некоторых экспертов, боевые возможности данной ракеты ставят ее в разряд наступательного оружия, существенно превосходящего пределы самообороны.

Новый фактор риска — активное использование сторонами беспилотников для контролирования воздушного пространства над спорными территориями, создающее дополнительный риск неспровоцированного столкновения в результате сбоя техники.

Возможные ответы на стоящие перед страной вызовы в связи с обострением проблемы Сэнкаку рассматриваются Японией по трем направлениям: укрепление военно-политического союза с США, урегулирование конфликта в рамках двусторонних отношений и диверсификация политики в сфере безопасности.

Наибольший интерес с точки зрения первого из указанных направлений — опоры на Договор безопасности — вызывает у Токио позиция Соединенных Штатов по вопросу Сэнкаку. Японию волнует вопрос, будут ли США защищать Японию всей мощью своего ядерного сдерживания в случае попыток КНР решить проблему военным путем.

После передачи островов Японии в 1972 г. США неоднократно заявляли об «отсутствии какой-либо позиции» в отношении проблемы Сэнкаку/Дяоюйдао. Однако события сентября 2010 г. заставили американцев изменить свой подход, и уже в конце октября 2010 г. госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что острова «находятся в сфере действия японо-американского Договора безопасности». В ходе консультаций, состоявшихся во время визита премьер-министра Японии С. Абэ в Вашингтон в феврале 2013 г., госсекретарь США Дж. Керри вновь подтвердил, что острова Сэнкаку подпадают под действие договора¹⁷⁴. Этот же тезис повторил и президент США Б. Обама в ходе своего официального визита в Японию в апреле 2014 г.

Однако в позиции США есть моменты, которые не позволяют оценивать ее столь однозначно, как это кажется на первый взгляд. Прежде всего в глаза бросается некое противоречие: с одной стороны, у США «нет позиции» по вопросу о территориальной принадлежности Сэнкаку/Дяоюйдао, с другой — они готовы защищать острова всей мощью ядерного сдерживания. Эта двусмысленность приобретает дополнительную коннотацию в свете того, что многие в США возлагают вину за обострение конфликта не только на Китай, но и на Японию. Некоторые обвиняют Токио в том, что он ведет себя «слишком комфортно», чувствуя за своей спиной Договор безопасности. С этой точки зрения заявления официальных лиц по поводу сферы

---

¹⁷⁴ Иомиури симбун. 24.02.2013.

действия договора направлены, скорее, не на то, чтобы «приструнить» Китай, а на то, чтобы сдерживать накал эмоций и заставить умерить свой пыл обе стороны.

Инцидент с выкупом островов правительством Японии показал, насколько хрупким является баланс сил в регионе и насколько реальной может быть угроза вооруженного конфликта, вызванная не только осознанными действиями политического руководства, но и общей логикой эскалации конфликта, а также эмоционально-психологическим фактором (всплеском «территориального национализма»), который не всегда поддается контролю из центра. Ситуация усугубляется видимым расколом элит в Китае: военная верхушка все чаще принимает собственные решения, не согласовав их на партийно-политическом уровне.

Для Вашингтона сценарий, когда он вынужден будет применить силу в случае вспышки вооруженного конфликта из-за Сэнкаку/Дяоюйдао, крайне нежелателен, если не сказать неприемлем. Это связано прежде всего с тем обстоятельством, что в США в целом сформировался консенсус о неприемлемости американо-китайского вооруженного конфликта как противоречащего их базовым национальным интересам. Безусловно, роль играет и трезвая оценка последствий вооруженного конфликта между ядерными державами. Однако есть момент, касающийся именно Сэнкаку. В отличие от основной территории Японии, нападение на которую приведет к жертвам не только среди граждан Японии, но и почти наверняка среди американцев, захват этих территорий китайцами не влечет за собой непосредственной угрозы американским интересам.

Следует также учитывать то, что Вашингтон пытается наладить с Пекином систему доверительных отношений с целью повысить уровень предсказуемости ситуации в области международной безопасности. С этой точки зрения Китай не является в чистом виде объектом ядерного сдерживания, каким он наряду с Советским Союзом был в период холодной войны.

Международно-правовые механизмы, скорее всего, не могут быть эффективными для решения спора, так как для их использования требуется согласие обеих сторон. К тому же, поскольку Япония не признает наличие проблемы Сэнкаку/Дяоюйдао, возможность решения данного вопроса через Международный суд ООН оказывается фактически равной нулю.

Достаточно ограниченным можно назвать и потенциал дипломатического решения данной проблемы, хотя усилия в этом направлении и имеют определенную перспективу. Главное препятствие за-

ключается в том, что любые договоренности в публичном формате предполагают проявление обеими сторонами гибкости и готовности к взаимным уступкам, что практически неосуществимо в отношении территориального вопроса: на кону слишком большие ставки, связанные с соображениями престижа и национального достоинства. Для Японии официальное признание проблемы Сэнкаку означало бы проявление слабости и «потерю лица» в глазах всех ее соседей, особенно тех, с кем она, помимо Китая, имеет территориальные споры — Россией и Южной Кореей. Для Китая же уступить — значит, ослабить свои позиции на других фронтах сражений за территории.

Имиджевые соображения имеют и внутривластное измерение: как в Японии, так и в Китае новые правительства пришли к власти в конце 2012 г. на волне националистического подъема, и отход от ранее взятых обязательств «проявлять твердость» и «идти до конца» был бы чреват для них серьезными внутривластными осложнениями.

На этом фоне более реалистичным выглядит сценарий «сохранения статус-кво» — возврата к прежнему положению, при котором территориальная проблема носит латентный характер, а формы ее проявления находятся под взаимным согласованным контролем правительств двух стран. Подобная схема позволила бы избежать «патриотического» ажиотажа, вызванного арестами и депортациями граждан, уличенных в нарушении правил доступа на острова. Режим «молчания» позволил бы не только нормализовать и стабилизировать двусторонние отношения, но и оздоровить всю международную ситуацию в Восточной Азии.

По-видимому, в дальнейшем для КНР патрулирование вокруг островов Сэнкаку и иные формы демонстрации своих суверенных прав станут рутинной практикой. Вопрос заключается в том, чтобы наладить на двустороннем уровне механизмы, которые будут предотвращать эскалацию напряженности, сопровождающей эту практику, в стадию вооруженного конфликта.

Ясно, что эти механизмы пока еще несовершенны. Их только предстоит выработать, причем не на двустороннем, а на многостороннем уровне. Новый «кодекс поведения» может включать пункты, согласно которым в спорные воды не будут допускаться любые боевые единицы регулярных вооруженных сил. Примечательно, что с китайской стороны патрулирование проводится пока кораблями береговой охраны, которая с недавних пор взяла на себя функции контроля за морским промыслом, океанографических исследований, таможенной службы и пограничной охраны. Именно это ведомство стано-

вится ключевым агентом КНР в реализации политики в отношении Сэнкаку/Дяюйдао.

Кроме того, речь может идти о недопущении на спорные острова, причем как Китаем, так и Японией, членов националистических организаций. Опыт прошлого показывает, что высадки националистов сопровождаются риском прямых стычек с японской береговой охраной. Если подобные стычки повлекут за собой человеческие жертвы, это неизбежно вызовет новый всплеск враждебности, что многократно повышает риск конфронтации (в том числе военной), поскольку лидеры Японии и Китая, пусть и в разной степени, зависят от общественного мнения. Проведенные в 2013 г. опросы показали, что около 90% граждан как Японии, так и Китая относятся к стране-партнеру негативно.

Немалое значение, с точки зрения перспективы дальнейшего развития конфликта, будет иметь ситуация вокруг нефтяных месторождений в районе срединной линии между особыми экономическими зонами двух стран. В 2008 г. Япония и Китай договорились начать совместное освоение шельфа, однако соглашение так и не заработало. Если кто-либо из них начнет разработку самостоятельно, действуя со своей стороны срединной линии, визави неизбежно воспримет это как пощечину, что немедленно приведет к новому витку эскалации напряженности.

Глава 3

ЯПОНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ АТР

Япония в структурах региональной экономической интеграции

Азиатско-Тихоокеанский регион традиционно занимает особое место не только во внешнеэкономических связях Японии, но и в ее внешней политике в целом. Именно через активную дипломатию в регионе она проводила в послевоенный период политику повышения своего международного авторитета, обеспечивая ее экономическое наполнение путем наращивания своего вклада в программы Официальной помощи развитию, а политическое — участием в миротворческих операциях, направленных на преодоление конфликтных ситуаций. Именно в Восточной Азии расположены важнейшие внешнеэкономические партнеры Японии — Китай, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Сингапур, Тайвань. Вовлекая страны региона в орбиту своей внешнеэкономической стратегии, Токио преследовал двоякую цель: постепенно устранить комплекс неприятной для Японии исторической памяти времен Второй мировой войны и создать комфортный режим для японских корпораций, которые наращивали свои инвестиции в страны Восточной Азии.

Японская политика восточноазиатского регионализма традиционно была основана на критическом осмыслении довоенного опыта, когда Токио провозгласил идею формирования «Великой восточноазиатской сферы процветания», состоявшей исключительно из азиатских стран. С 1960-х годов Япония постоянно выступала за открытый

подход, который предполагает вовлечение в сотрудничество в АТР, помимо восточноазиатских государств, также США, Австралии и других стран¹. Одновременно она демонстрировала сдержанное отношение к форматам международных экономических связей в Восточной Азии без участия Вашингтона, являющегося ее стратегическим союзником. Именно такой, например, была ее реакция на идею сформировать экономический блок в Восточной Азии, которую выдвинула Малайзия в 1990–1991 гг.

Принципиальная позиция Японии, сформулированная в концепции «открытого регионализма», заключается в том, что сотрудничество между восточноазиатскими странами должно не приводить к региональному сепаратизму, а осуществляться в интересах развития глобальных экономических связей. Поэтому двери в дом восточноазиатской интеграции должны быть открыты для самого широкого круга участников, включая «периферийные», с географической точки зрения, страны. В своей знаменитой «сингапурской речи» (январь 2002 г.), получившей известность как «доктрина Коидзуми», японский премьер-министр выдвинул идею «расширенного восточноазиатского сообщества», выразив надежду на то, что «в центре сообщества встанут Япония, страны АСЕАН, Китай, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия»².

Концептуальные основы японской позиции по вопросу о строительстве Восточноазиатского сообщества (ВАС) были сформулированы начальником Отдела региональной политики Департамента Азии и Океании МИД Японии Т. Ямада на страницах журнала «Гайко форуму»³. Японский дипломат обозначил те организационные принципы, которые, по мнению японского внешнеполитического ведомства, должны быть положены в основу региональных механизмов экономической интеграции.

Во-первых, упомянутый принцип «открытого регионализма», который следует рассматривать в широком контексте. Упор при его интерпретации должен делаться на понятия «открытость», «прозрачность» и «всеобщность» (имеется в виду широта состава участников). Подобное толкование принципа «открытого регионализма» является формой оппонирования альтернативным предложениям Китая и Малайзии сузить ВАС до узкорегиональной структуры, привязанной к географическому положению стран-участниц и устоявшимся представлениям о межрегиональной геополитике.

---

¹ *Тэрада Такаси*. Восточноазиатский регионализм и Япония. С. 136.

² Асахи симбун. 04.12.2005.

³ См.: www.ceac.jp/e/index.html за 18.11.2005.

Во-вторых, принцип «функциональной значимости», т.е. утилитарной применимости Восточноазиатского сообщества к таким областям международного сотрудничества, как зоны свободной торговли, финансово-кредитная сфера, защита окружающей среды, борьба с преступностью и т.д. Любое региональное сообщество, по мнению японской стороны, может быть жизнеспособным только в случае объединения уже действующих в регионе функциональных систем регионального взаимодействия. В то же время попытки создать сообщество только путем организационно-структурного строительства, без учета уже существующих механизмов интеграции, могут послужить причиной роста противоречий между участниками. С этой точки зрения приоритетным для Токио оказывается достижение странами-участницами конкретных договоренностей в отдельных сферах экономического взаимодействия, позволяющее заложить основы для встраивания национальных экономик во всеобъемлющий механизм региональной кооперации, каким является Восточноазиатское сообщество.

В-третьих, принцип обязательного соблюдения странами-участницами интеграции демократических ценностей (права человека, предотвращение коррупции, открытость и эффективность административной процедуры и др.).

В-четвертых, упор на меры доверия в сферах военного и политического взаимодействия. Говоря более конкретно, Т. Ямада особо подчеркнул, что «модель безопасности в Восточной Азии не должна повторять натовскую модель, нужно создать структуру типа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе». В Восточной Азии уже сформирован Региональный форум АСЕАН (АРФ), ставящий своей целью обеспечение для его участников режима доверия в военной сфере, однако отсутствует более широкий механизм применения мер доверия, подобный хельсинкскому Заключительному акту в Европе. Повышение степени взаимного доверия в сфере безопасности, по мнению Токио, должно способствовать процессам углубления и расширения действующих механизмов экономического сотрудничества.

У Японии сохраняется высокая степень зависимости от внешнеэкономических связей со странами АТР. Большую роль в мотивации Токио играет также потребность в создании благоприятного климата для развития систем логистической кооперации в восточноазиатском регионе, в рамках которых различные стадии производственного процесса распределяются по странам, где сложились наилучшие условия для их размещения. Центральное место во взаимоотношениях Японии с государствами региона стала занимать не торговая, а инвестиционная составляющая, что связано с трансформацией модели экономиче-

ского сотрудничества. Как отмечал профессор университета Эмори Р. Донер, «Япония, мотивированная логикой зарубежной инвестиционной политики, двигалась от межотраслевой модели поставок сырья и экспорта готовой промышленной продукции к производству готовой продукции для защищенных зарубежных рынков и наконец пришла к инвестициям, основанным в большей степени на производственных, чем на рыночных соображениях»⁴.

Необходимость в создании структур эффективной экономической интеграции в восточноазиатском регионе стала для Японии начала XXI в. категорическим императивом. Именно здесь расположены важнейшие внешнеэкономические партнеры Японии — Китай, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, Сингапур, Тайвань. С учетом того обстоятельства, что около половины ВВП страны по-прежнему обеспечивается за счет экспорта, общее состояние японской экономики во многом зависит от наличия преференциальных механизмов в сфере внешней торговли. В этой связи стратегической целью Японии стало создание в регионе многосторонних зон свободной торговли и зон экономического партнерства с широким кругом участников и высокой степенью либерализации режима внешнеэкономической деятельности. Огромное значение для Японии имеет также выработка общей со странами Восточной Азии позиции по вопросу о стабильных поставках сырья и материалов, который приобрел большую актуальность вследствие резкого увеличения ресурсных потребностей Индии, Китая и других активно развивающихся экономик. Эффективные координационные механизмы требуются Токио и для решения таких задач, как борьба с терроризмом и морским пиратством, обеспечение безопасности морских коммуникаций, через которые Япония получает значительную часть своих энергоносителей, раннее оповещение о цунами и ликвидация последствий стихийных бедствий, защита окружающей среды и т.д.

Происшедшие к началу XXI в. изменения в экономическом и стратегическом балансе сил в регионе начали диктовать Токио необходимость существенной корректировки своего традиционного подхода к Восточной Азии как к «заднему двору». Если до конца 1980-х годов у «клина летящих гусей», образованного «четырьмя малыми драконами» — Гонконгом, Тайванем, Сингапуром и Южной Кореей, был один вожак — Япония, то теперь с учетом стремительного роста китайской экономики и повышения роли КНР в региональной торговле и инвестициях их стало как минимум два. В условиях обостряющего

---

⁴ Network Power. P. 200.

ся с конца 1990-х годов дефицита внешнеполитических ресурсов Япония стала искать новые, менее затратные инструменты консервации своего влияния на ситуацию в этих странах, призванные обеспечить интересы японского бизнеса.

Токио рассматривал и продолжает рассматривать интеграцию в Восточной Азии как наиболее приемлемую для себя (с учетом географической близости и наличия позитивного багажа экономического сотрудничества) форму стимулирования национальной экономики. Курс на приоритетное использование преимуществ Азии как одного из центров мирового экономического роста имеет для Японии исключительное значение и с точки зрения необходимости придания нового импульса развитию страны в связи с катастрофическими последствиями «тройного бедствия» 11 марта 2011 г.

Между тем процесс экономической интеграции в АТР шел по пути формирования отдельных преференциальных торгово-экономических соглашений с разным составом участников, как на двустороннем, так и многостороннем уровне. Самыми активными его участниками являлись наиболее развитые экономики Северо-Восточной (Китай, Южная Корея и Япония), Юго-Восточной (страны АСЕАН) и Южной Азии (Индия), а также примыкающие к региону неазиатские страны, привязанные к нему экономически (Австралия и Новая Зеландия). В профильной литературе закрепился термин «Большая Восточная Азия», который имеет не географический, а, скорее, геоэкономический смысл: подразумевается, что в данном регионе складывается широкий комплекс торговых, инвестиционных, логистических, миграционных и иных экономических связей⁵.

Идея создания регионального интеграционного объединения, получившего название «Восточноазиатский кокус», была выдвинута в начале 90-х годов прошлого века Малайзией и одобрена в ходе восточноазиатского саммита в 2007 г. Однако каждая крупная страна региона имела собственное видение архитектуры региональных форматов политического и экономического взаимодействия.

Начиная с 2002 г. Япония проводила активный курс на создание зон свободной торговли со странами Восточной Азии путем заключения двусторонних, а в перспективе и многосторонних соглашений о свободной торговле (ССТ), а также соглашений об экономическом партнерстве (СЭП). В отличие от соглашений о свободной торговле, которые оперируют лишь вопросами тарифной политики, соглашения об экономическом партнерстве предусматривают еще и меры по ли-

---

⁵ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010.

берализации торговли услугами, взаимной защите инвестиций, а также устранению ограничений на свободное перемещение рабочей силы между участниками. В процессе отбора партнеров по соглашениям на первый план выходили такие факторы, как перспективы для экспортных отраслей экономики, возможности для инвестирования, а также для обеспечения стратегическими ресурсами с целью повышения уровня собственной экономической безопасности.

Декларируя на словах приверженность идеалам свободной торговли, Токио предпочитал продолжать протекционистскую политику и воздерживаться от серьезных обязательств по устранению тарифных и нетарифных ограничений. Япония начала заключать преференциальные торговые соглашения с отдельными странами достаточно поздно — лишь в 2002 г. Уже действуют такие соглашения с Сингапуром (с 2002 г.), Малайзией (с 2006 г.), Таиландом (с 2007 г.), Филиппинами (с 2008 г.), Индонезией (с 2008 г.), Брунеем (с 2008 г.), Вьетнамом (с 2009 г.). Кроме того, Япония подписала ряд соглашений со странами, расположенными за пределами Азии, — Мексикой (вступило в силу в 2005 г.), Чили (подписано в 2007 г.), Швейцарией (в силе с 2009 г.), Перу и Австралией (подписано в 2014 г.).

Основной проблемой для Японии при заключении подобных соглашений был низкий уровень международной конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции. Полная либерализация тарифов привела бы к снижению внутренних цен на продовольственные товары и в результате серьезно ударила бы по интересам фермеров. Между тем в силу особенностей избирательной системы аграрный сектор является важнейшей опорой правящей Либерально-демократической партии и представлен мощными лоббистскими структурами в правительстве, самой крупной из которых является Министерство сельского, лесного хозяйства и водного промысла (далее — Минсельхоз). В этой связи японским переговорщикам пришлось балансировать на зыбком пространстве между интересами национальных фермеров и интересами Японии как члена международных экономических организаций.

С каждым партнером по переговорам Япония вела долгий торг по отдельным позициям номенклатуры сельхозпродукции. Например, Филиппины настаивали на отмене таможенных тарифов и увеличении импортных квот на бананы и иные фрукты, Таиланд добивался того же для риса, курятины и сахара, Малайзия — для фанеры. Существенная проблема также заключалась в том, что Япония не желала устанавливать временные ограничители на переговоры по снижению сельскохозяйственных тарифов, на чем настаивали страны АСЕАН.

В результате Токио шел по нелегкому пути компромиссов и уступок, проводя сложные согласования с собственным деловым сообществом.

Другой чувствительный вопрос — открытие японского рынка труда для стран восточноазиатского региона. Токио традиционно занимает жесткую позицию в отношении приема иностранной рабочей силы, признавая наем лишь высококвалифицированных работников. Между тем ряд стран АСЕАН настаивают, чтобы Япония либерализовала свое иммиграционное законодательство и признала право этих стран поставлять на японский рынок рабочей силы специфические категории работников. Так, Филиппины добиваются этого для медицинских сестер, Таиланд — для специалистов по массажу. В связи с заинтересованностью в заключении СЭП Япония согласилась принимать подобных специалистов при условии языковой подготовки и сдачи ими соответствующих экзаменов.

Существенно затрудняла ситуацию и разобщенность в работе ведомств, позиции которых зачастую не просто не совпадали, а были диаметрально противоположными. Профессор университета Рицумэйкан Х. Ёсимацу отмечал: «Японское правительство не смогло сформулировать и реализовать комплексную и последовательную внешнеэкономическую политику в значительной степени по причине соперничества и разобщенности в работе отдельных министерств и ведомств»⁶. Например, Минсельхоз, являясь лоббистом аграрного сектора, традиционно выступает против отмены тарифов, тогда как Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП), выражающее интересы крупных предприятий-экспортеров готовой продукции, и Министерство иностранных дел, заинтересованное в укреплении глобальной системы мировой торговли, — за полную либерализацию национальных рынков. Положение может исправить лишь политическая воля руководства страны. Именно эффективное политическое лидерство, по мнению доцента университета Васэда К. Покарьера, «обеспечивает стимул для межведомственной координации и стратегического планирования»⁷. В период правления кабинетов Д. Коидзуми (2001–2006) созданные по личной инициативе премьер-министра межведомственные органы координации внешнеэкономической политики позволили преодолеть разобщенность ведомств и добиться подписания преференциальных соглашений. Однако при последующих кабинетах этот процесс замедлился, во многом по причине шаткости внутриведомственных позиций их лидеров.

---

⁶ Japan's Future in East Asia and the Pacific. P. 98.

⁷ Ibid. P. 128.

В вопросе о подписании многосторонних соглашений о свободной торговле, предусматривающих либерализацию внутреннего рынка, Япония традиционно занимала более пассивную, по сравнению с форматом двусторонних соглашений, позицию. Во многом это объяснялось тем, что Токио избегал любых инициатив, не говоря уж о проявлении лидерства, в деле создания многосторонних международных форматов, чтобы не пробуждать неприятных для себя аналогий с периодом Второй мировой войны, когда Япония строила свою колониальную империю под лозунгом «восемь углов под одной крышей».

Между тем под влиянием геополитических соображений политика Токио по отношению к строительству интеграционных форматов в Восточной Азии стала постепенно изменяться. Особенно это стало заметно после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., когда Япония по согласованию с США подключилась к процессу институализации региональной экономической интеграции в Восточной Азии. Главным мотивом Токио было стремление не оказаться позади КНР и сохранить свое влияние в регионе. На политику Японии оказывала влияние ситуация «новой биполярности», для которой характерно разворачивание геополитического и геостратегического соперничества между США и их союзниками, с одной стороны, и Китаем, пытавшимся сплотить вокруг себя страны региона, недовольные однополярностью и американоцентризмом нынешней системы мирового порядка, — с другой. В этом контексте Япония выступала представителем западного блока и добивалась привлечения в число участников интеграционных блоков государств, способных, по ее мнению, политически и экономически противостоять усилению позиций КНР в регионе. При этом конкуренция с КНР разворачивалась, скорее, в плоскости институционального наполнения форматов многосторонней интеграции. Как отмечал профессор Массачусетского технологического института Р. Самуэлс, «Япония отказалась от идеи прямого соперничества с Пекином, несмотря на несколько выдвинутых ею инициатив по заключению двусторонних соглашений о зонах свободной торговли. Соперничество, скорее, разворачивается в рамках многосторонних институтов»⁸.

Элементы противостояния, а временами — и жесткой конкуренции наблюдались между Японией и Китаем в вопросе о формировании Восточноазиатского сообщества. У сторон оказались разные подходы к самим фундаментальным принципам построения сообщества. В отличие от Токио, Пекин видит в нем прежде всего канал для общения восточноазиатских стран с прочими регионами мира, а функ-

---

⁸ *Samuels R. Securing Japan. P. 165.*

циональное его значение — в основном в тарифной и инвестиционной либерализации. Китай в большей степени опирается на понимание Восточноазиатского сообщества как структуры, привязанной к географическому положению стран-участниц и устоявшимся представлениям о региональной геополитике.

Можно выделить два стержневых направления развития процессов экономической интеграции в АТР: формирование многосторонних интеграционных и диалоговых структур. Наиболее крупными из последних являются «АСЕАН плюс три» (с 1997 г.) и Восточноазиатский саммит (с 2005 г.). Китай делал ставку на формат «АСЕАН плюс три» (10 стран АСЕАН, Китай, Республика Корея и Япония), который сформировался во второй половине 1990-х годов, Япония — на более широкий круг участников. Токио, как уже говорилось, выступал за «открытый регионализм», предполагающий вовлечение стран, не обязательно входящих в границы Восточной Азии.

Чтобы не допустить чрезмерного влияния КНР, Япония взяла курс на «вовлечение» в форматы экономической интеграции периферийных стран региона, причисляемых к «демократическим», максимизацию круга участников за счет государств, признаваемых Белым домом «дружественными». Премьер-министр Японии Д. Коидзуми отмечал: «Если рассматривать саммит стран Восточной Азии не просто как арену диалога, а как структуру для реализации конкретного сотрудничества, это приведет к усилению чувства единения между всеми его членами, внесет важный вклад в дело создания регионального сообщества»⁹.

В июле 2005 г. на встрече министров иностранных дел в формате «АСЕАН плюс три» в Лаосе во многом по инициативе Токио было принято решение пригласить к участию в Восточноазиатском саммите Индию, Австралию и Новую Зеландию, в результате чего завершилось формирование блока «АСЕАН плюс шесть». В начале апреля 2006 г. Токио выступил с инициативой о создании многосторонней зоны свободной торговли (ЗСТ) с участием 16 стран, включая, помимо самой Японии, 10 стран-членов АСЕАН, а также Австралию, Новую Зеландию, Китай, Южную Корею и Индию («доктрина Никай»). В японской печати отмечалось, что в случае реализации японской инициативы зона свободной торговли в Восточной Азии станет крупнейшей в мире — ее население составит около половины мирового, а объем совокупного ВВП — 8,3 трлн долл.¹⁰.

---

⁹ Нихон кэйдзай симбун. 17.12.2005.

¹⁰ The Daily Yomiuri. 15.05.2006.

Действуя в русле поставленной цели — добиться создания обще-региональной зоны свободной торговли — Япония стала выступать за более жесткие правила, нежели существующие в ВТО, по вопросам тарифного регулирования. В частности, речь шла о тарифных соглашениях по типу тех, что действуют в ЕС. В отсутствие многостороннего тарифного соглашения во внутрирегиональной торговле юридически действовали лишь ставки, определяемые ВТО. Однако в реальности в двусторонней торговле немалая часть стран региона перешла по многим позициям на более низкие ставки, что позволяло правительствам в будущем безболезненно повышать их в удобное для себя время. Подобная ситуация, по мнению Токио, была чревата дестабилизацией ситуации и потерей уже достигнутого уровня либерализации торговли.

В подходе Токио к вопросу о многостороннем формате ЗСТ в Восточной Азии доминирующее положение занимала идея о приоритетном заключении соответствующего соглашения об экономическом партнерстве с АСЕАН, к которому в дальнейшем, по мере созревания условий, смогут присоединиться прочие страны Восточной Азии. В своем подходе к роли и месту АСЕАН в интеграционном процессе Япония исходила из неизбежности того, что региональная зона свободной торговли будет формироваться именно вокруг этого объединения, хотя оно не является самым сильным экономическим игроком в регионе.

Имея население около 530 млн человек, страны-члены АСЕАН обеспечивают лишь около 6% мирового экспорта¹¹. Их совокупный ВВП равен лишь одной восьмой от совокупного ВВП Японии, Китая и Южной Кореи¹². В то же время блок АСЕАН, обеспечивающий высокий уровень внутренней интеграции, представляет собой прообраз более широкого экономического объединения. В АСЕАН в 2003 г. была реализована зона свободной торговли, обеспечивающая низкотарифный режим внешнеторговых операций (пошлины снижены до 5%). Блок в 2000-е годы провел переговоры о ЗСТ, помимо Японии, с Китаем, Южной Кореей и Индией. В АСЕАН была поставлена цель создать к 2020 г. «сообщество АСЕАН» в области экономики, национальной безопасности, социально-культурной политики, достигнута договоренность о «конституции АСЕАН».

Токио был вынужден считаться с тем обстоятельством, что АСЕАН, несмотря на относительную слабость экономических позиций, объективно становится центром экономической интеграции с

---

¹¹ The Daily Yomiuri. 15.05.2006.

¹² Нихон кэйдзай симбун. 18.12.2005.

участием государств с гораздо большим экономическим потенциалом. Как метко заметила газета «Интернешнл геральд трибюн», лидерство АСЕАН в Восточноазиатском сообществе — это типичный случай, когда «хвост вертит собакой»¹³. Соглашаясь с лидерством АСЕАН, Япония намеренно отдавала инициативу его членам в деле строительства сообщества, рассчитывая контролировать этот процесс «извне». При этом в Токио хорошо понимали, что единственным шансом сохранить рычаги политического и организационного влияния на процесс региональной интеграции является возможность сыграть на противоречиях Пекина со странами АСЕАН.

Токио стремился нащупать такой формат соглашения об экономическом партнерстве, который бы не просто стимулировал количественный рост внешней торговли, но и побуждал страны АСЕАН к улучшению инвестиционного климата и допуску на свои рынки более масштабных японских инвестиций. Поэтому позиция Токио заключалась в том, что подписанное с АСЕАН соглашение должно охватывать как тарифы на материальную продукцию, так и вопросы, касающиеся сферы услуг, инвестиций и рабочей силы.

Еще в декабре 2003 г. в Токио состоялась встреча руководителей Японии и стран-участниц АСЕАН, на которой была достигнута договоренность о том, чтобы к 2012 г. полностью устранить все взаимные импортные тарифы и ограничения. В апреле 2005 г. Япония начала переговоры с 10 странами АСЕАН о заключении СЭП, предполагая завершить их в течение двух лет. СЭП между Японией и АСЕАН было подписано в 2007 г., а вступило в силу в 2009 г. Наибольшие трудности при его обсуждении вызвали такие вопросы, как методы определения страны происхождения товарной продукции, торговые тарифы, регулирование торговли услугами, инвестиционная политика, государственные закупки и т.д.

Япония ставила своей целью обеспечить высокую степень детализации заключаемого соглашения, в котором, например, должна быть подробно прописана методика определения страны-производителя товарной продукции. Как предполагалось, это позволит существенно стимулировать торгово-экономические отношения между странами-участницами, поскольку соглашение будет предусматривать введение преференциальных тарифов для производимых ими товаров. Другой важной задачей Токио при заключении СЭП было обеспечить защиту интеллектуальной собственности. Речь, в частности, шла о наложении на страны-партнеры обязательств по принятию более жестких внут-

---

¹³ International Herald Tribune. 04.12.2005.

ренных законов, которые бы позволили японским компаниям чувствовать себя в этих странах более уютно.

Для самих же стран АСЕАН значимость соглашения с Японией определялась тем обстоятельством, что она, несмотря на усиление китайского экономического присутствия, оставалась для них крупнейшим внешнеэкономическим партнером. Объем их торговли с Японией превышал объем торговли с Китаем почти в два раза. Они являлись крупными реципиентами японских инвестиций и программ помощи развитию, особенно в сфере инфраструктуры¹⁴. В то же время китайская экономическая экспансия воспринималась во многих асеановских столицах с настороженностью, как по политическим соображениям (опасения по поводу гегемонистских устремлений Пекина и неприятие авторитарного характера китайской политической системы), так и экономическим (нежелание находиться в чрезмерной зависимости от китайского капитала). Для многих стран АСЕАН Япония представляла собой более привлекательную экономическую и политическую модель, нежели Китай.

Важно и то обстоятельство, что АСЕАН — неоднородная структура с точки зрения политической и военно-стратегической ориентации. При проведении своих инициатив Япония опиралась на страны, имеющие тесные связи с США в сфере экономики и безопасности, прежде всего Таиланд, Филиппины и Сингапур, а также Южную Корею.

Среди основных проблем во взаимоотношениях Токио с членами АСЕАН следует назвать вопросы тарифной политики. Провозгласив курс на заключение двусторонних договоров об экономическом партнерстве с отдельными государствами блока, Япония крайне неохотно шла на либерализацию национального рынка сельхозпродукции и иммиграционного законодательства. Политический фон этих отношений осложняла «проблема Ясукуни», к которой многие страны АСЕАН относятся не менее болезненно, чем Китай и Южная Корея. Премьер-министр Малайзии А. Бадави заявил, что народы стран ЮВА «испытывают все более сильное чувство обеспокоенности, поскольку философское и этическое значение храма Ясукуни в контексте проблем Второй мировой войны является источником тревоги и реального оскорбления для многих народов Юго-Восточной Азии, которые одинаково понимают генезис и причины этой войны»¹⁵.

---

¹⁴ На декабрьском 2003 г. саммите Япония — АСЕАН Токио объявил о планах предоставить АСЕАН в течение трех лет 1,5 млрд долл. на развитие «человеческих ресурсов» и еще 1,5 млрд долл. — на субрегиональные проекты освоения бассейна реки Меконг и «зоны роста восточной АСЕАН».

¹⁵ International Herald Tribune. 04–05.02.2005.

В 2009 г., после прихода к власти в Японии правительства Демократической партии, глава нового кабинета Ю. Хатояма выступил с концепцией Восточноазиатского сообщества, согласно которой Япония в своих экономических связях должна отдавать приоритет странам Восточной Азии. В выступлениях главы японского правительства концепция не была детально конкретизирована, но, по мнению большинства экспертов, речь шла об углублении сотрудничества между странами региона в валютно-финансовой области, устранении тарифных барьеров, создании либерального режима перемещения рабочей силы, улучшении инвестиционного климата, а также решении специфически острых для Восточной Азии проблем, например проблем интеллектуальной собственности. Именно успехи в этом направлении, по мнению Токио, должны заложить прочный фундамент под здание сообщества.

Большую активность Токио проявлял в отношении сотрудничества в валютно-финансовой сфере. Его позиция заключалась в том, что налаживание взаимодействия в этой сфере является важнейшим условием реализации намеченных интеграционных планов. В свете уроков финансового кризиса 1997–1998 гг. при активном участии Японии в регионе были разработаны эффективные координационные механизмы в области финансового взаимодействия. В начале 2000-х годов в Восточной Азии была запущена система взаимного предоставления кредитов для валютных интервенций с целью поддержания курса национальной валюты («Чьянмайская инициатива»), сформирован межнациональный рынок кредитных услуг для корпоративного сектора. Токио во многих случаях сознательно шел на асимметричный формат двусторонних и многосторонних договоренностей (в большинстве своп-соглашений право заимствований распространяется только на страну–партнера Японии). Проводником японской политики в сфере валютно-финансовой интеграции в Восточной Азии выступал Азиатский банк развития (АБР), в котором Япония является крупнейшим донором. В конце первого десятилетия 2000-х годов был создан стабилизационный фонд объемом 120 млрд долл., позволяющий странам региона чувствовать себя гораздо более уверенно перед лицом глобального финансового кризиса и валютных неурядиц в Европе.

В ноябре 2012 г. шестнадцать стран–участниц формата «АСЕАН плюс шесть», включая Японию, начали переговорный процесс по заключению соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Партнерство объединяет страны с населением более 3 млрд человек и совокупным объемом ВВП 17 трлн долл. Главной движущей силой, или обладателем «места водителя» (driver's

seat) в партнерстве, должен стать блок АСЕАН. Переговоры, которые планировалось завершить к концу 2015 г., охватывают широкий спектр вопросов в сфере торговли товарами и услугами, а также инвестиционной политики. Особенность формата ВРЭП заключается в том, что при этом ставится цель и углубления существующих соглашений «АСЕАН плюс», и максимального учета экономических интересов отдельных его участников. Как ожидается, в соглашении, воплощающем в себе идею «асеановского пути», не будет большого количества жестких обязывающих норм, в то же время оно будет содержать значительный объем исключений, касающихся «чувствительных» товаров и услуг.

По прошествии двух последних десятилетий вопрос о том, по какому пути пойдет восточноазиатская экономическая интеграция и к чему она приведет, остается открытым. Подписано несколько десятков соглашений о свободной торговле и об экономическом партнерстве, однако крупных многосторонних соглашений с широким составом участников пока так и не достигнуто. Процесс формирования многосторонних группировок («АСЕАН плюс три», «АСЕАН плюс шесть», ВРЭП) характеризовался жестким соперничеством Японии и Китая за лидерство, их стремлением играть ключевую роль в формирующихся структурах региональной экономической интеграции.

Активно шла борьба теоретических моделей продвижения к всеобъемлющей азиатско-тихоокеанской интеграционной модели, среди которых особо выделялись японская концепция Восточноазиатского сообщества и австралийская концепция Тихоокеанского сообщества. Эти концепции не имели шансов практического воплощения, во многом по той причине, что они по-разному интерпретировались различными странами региона, каждая из которых имела собственное видение состава его участников и принципов работы. Большую проблему также представляла идеологизация процесса формирования интеграционных блоков на базе формулы «АСЕАН плюс»: многие усматривали в обеих асеаноцентристских группировках либо китайский, либо японский проект, направленный на закрепление в нем лидерских позиций Токио или Пекина, причем не только в экономической, но и в политической области. Даже присоединение к формату «АСЕАН плюс шесть» России и США в 2010 г. часто интерпретировалось в духе холодной войны как проявление парадигмы нового биполярного мира, в центре которого стоят США и Китай.

Между тем в 2005 г. четыре тихоокеанские страны — Сингапур, Бруней, Новая Зеландия и Чили — подписали соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Была провозглашена цель в его рам-

ках в течение 10-летнего периода полностью ликвидировать все таможенные пошлины, либерализовать нетарифные ограничения, проводить единый курс в сфере инвестиционного законодательства, трудовых отношений, интеллектуальной собственности, госзакупок, защиты окружающей среды и пр. К 2009 г. к переговорам о ТТП присоединились США, Австралия, Малайзия, Сингапур, Перу и Вьетнам.

В 2010 г. все десять стран достигли договоренности по поводу общей концепции деятельности ТТП. Данный формат стал позиционироваться в качестве первого крупного шага на пути к созданию всеобъемлющей зоны свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона (ЗСТ АТР), идею которой активно продвигают Соединенные Штаты. В ходе состоявшегося в 2010 г. в Иокогаме саммита АТЭС участники форума подтвердили свое намерение двигаться в направлении создания этой ЗСТ к 2020 г. Именно ТТП стало привлекать к себе наибольшее внимание как самая перспективная форма экономической интеграции в АТР с учетом совокупной экономической мощи потенциальных участников соглашения, а также достигнутого прогресса в направлении создания ЗСТ АТР.

После присоединения США в 2008 г. к переговорам о ТТП перед Японией в практической плоскости встал вопрос об отношении к участию в партнерстве. В глазах Токио оно было единственным крупным проектом, способным обеспечить процесс торговой либерализации по обе стороны Тихого океана, что давало основания воспринимать его в качестве прообраза ЗСТ АТР. Еще в октябре 2010 г. премьер-министр Японии Н. Кан заявил о необходимости выработать курс страны на экономическую интеграцию с азиатско-тихоокеанскими странами, учитывая тенденцию к формированию всеобъемлющей зоны свободной торговли в АТР¹⁶. В программном документе, принятом в ноябре 2010 г. комиссией МИД Японии по комплексным соглашениям об экономическом партнерстве, ставилась задача «начать консультации со странами-участницами ТТП, предпринимая энергичные меры по улучшению внутренних условий (для вступления в партнерство. — Д.С.)»¹⁷.

Япония еще в начале 2000-х годов пришла к выводу о том, что ей необходимо брать на себя инициативу создания интеграционных объединений и стать локомотивом экономической интеграции в АТР. Во время саммита АТЭС в Гонолулу в ноябре 2011 г. премьер-министр Ё. Нода заявил, что Япония «будет прилагать усилия к тому, чтобы играть ведущую роль в деле создания всеобъемлющей ЗСТ

---

¹⁶ <http://www.npu.go.jp/policy/policy04/pdf/20101008/sankou04.pdf>

¹⁷ <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/policy20101106.html>

АТР»¹⁸. К 2011 г. в Токио пришли к выводу о необходимости не просто присоединиться к ТТП, но и закрепиться в нем на правах одного из лидеров. Япония исходила из того, что она является единственной страной АТР, которая участвует практически во всех форматах экономической интеграции в регионе и, таким образом, способна взять на себя роль координатора и посредника между участниками ТТП и странами, воздерживающимися от присоединения к блоку. При этом подключение Японии к ТТП преследовало важную геополитическую цель — добиться преобладания в составе формирующихся структур азиатской экономической интеграции стран с либеральной экономической моделью, что позволило бы обеспечить приоритет западных либеральных ценностей.

Активная роль США в продвижении ТТП рассматривалась Токио в контексте «возвращения» Вашингтона в Азию. В парадигме глобального соперничества США и Китая Япония, безусловно, видит себя на стороне Америки. Проявлявшееся в процессе формирования ТТП усиление японо-американского взаимодействия в азиатских делах давало Токио возможность обрести определенное чувство локтя в противостоянии Пекину. Иными словами, включившись в ТТП, Япония рассчитывала обрести новый импульс для развития не только экономического, но и стратегического партнерства с Вашингтоном.

Вместе с тем в Токио хорошо понимали, что односторонняя ставка на союз с Америкой при сохранении пассивности на других направлениях азиатской экономической интеграции может нанести ущерб отношениям с Китаем, который превратился в ключевого внешнеторгового партнера Японии. Токио не может игнорировать тот факт, что КНР относится к ТТП с предубеждением, считая этот формат геополитическим проектом США. Пекин избегает оценок ТТП и одновременно декларирует свою приверженность идее приоритетного развития формата «АСЕАН плюс три».

Между тем перспектива присоединения к ТТП, несмотря на очевидную, казалось бы, пользу для Японии, вызвала в стране неоднозначную реакцию. С момента постановки данного вопроса в практическую плоскость разгорелась активная дискуссия между сторонниками и противниками этого шага. Можно выделить следующие аргументы, которые заставляют задуматься о всех его плюсах и минусах для Японии.

Важным доводом в пользу присоединения к ТТП выступал расчет на то, что таможенная либерализация окажет мощный стимулирующий эффект на развитие национальной экономики. Безусловно, в та-

---

¹⁸ Асахи симбун. 15.11.2011.

ких случаях вспоминают обычно экспортные отрасли, предприятия которых, как ожидается, получат весомые бонусы в результате отмены тарифов в странах-партнерах. Однако еще большее значение для Японии имеет открытие внутренних рынков, которое позволило бы покончить с пресловутой системой «особых интересов» и тем самым «приучить» японские предприятия к существованию в реальном пространстве международного рыночного соперничества. Опубликованные в октябре 2010 г. Канцелярией кабинета министров Японии расчеты показывали, что лишь за счет участия в ТТП, предполагающем 100%-ную либерализацию тарифов и услуг, дополнительный прирост реального ВВП должен был составить 0,48–0,65% в год, или 2,4–3,2 трлн иен в стоимостном выражении¹⁹.

Огромные надежды связывались с активизацией технологического развития, а также структурной реформой сельскохозяйственного сектора, которая способствовала бы укрупнению хозяйств и повышению конкурентоспособности национального производителя. Большое значение придавалось открывающейся в рамках ТТП возможности урегулировать наиболее болезненные для Японии во взаимоотношениях с партнерами по региону вопросы, связанные с торговлей услугами и интеллектуальной собственностью. Япония, страдающая от безудержного пиратства, безусловно, заинтересована в укреплении правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности, что позволило бы защитить интересы владельцев крупнейших брендов. Кроме того, немалую пользу стране должна была принести и координация между участниками ТТП стандартов на медицинские услуги, услуги почты, финансовые услуги, а также экологические стандарты и стандарты безопасности продуктов питания. Последнее обстоятельство приобретало особое значение в свете последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» 11 марта 2011 г.: фермеры опасаются дискриминационных ограничений на импорт японских продовольственных товаров из-за подозрений, что они подверглись радиационному заражению. Жесткие правила, ставящие барьер на пути таких ограничений, могли быть установлены как раз в рамках ТТП.

Одним из приоритетов стратегии экономического роста, проводимой правительством на протяжении последних лет, является использование «нового окна возможностей», которое таит в себе «стареющее общество». Речь идет о переориентации спроса на специфические для старших возрастных категорий товары и услуги. Помимо внутренних аспектов данной проблемы, большое внимание привлекают к себе внешнеэкономические факторы, связанные с участием страны

---

¹⁹ ЕРА-ни кансуру какусю сисан.

в региональных интеграционных процессах. Так, унификация стандартов медицинского обслуживания позволила бы Японии с большей эффективностью выходить на рынки стран-партнеров с передовыми технологическими разработками и различными видами продукции, например в области медицинского обслуживания и сестринского ухода за пожилыми людьми.

Предполагалось, что участие в ТТП станет дополнительным импульсом для развития, основанного на углублении интеграции с партнерами по соглашению, расположенными по обе стороны океана. В оборот вошло понятие «третье открытие страны»²⁰, под которым подразумевается устранение всех тех атрибутов закрытого японского рынка, которые на протяжении нескольких десятилетий дают повод для критики Токио со стороны его внешнеторговых партнеров.

Между тем не менее убедительными выглядели и соображения, высказывавшиеся скептиками. Можно выделить целый ряд достаточно рациональных и аргументированных доводов, которые в совокупности заставляли задуматься о целесообразности для Японии присоединения к ТТП.

Во-первых, это партнерство, судя по составу его участников, не может претендовать на статус всеобъемлющей ЗСТ АТР. Действительно, многие ключевые акторы азиатско-тихоокеанского экономического пространства либо заявили об отказе присоединиться к переговорам, как это сделали Китай и Южная Корея, либо не продемонстрировали признаков заинтересованности (Индонезия и Таиланд). Повод для сомнений давала и неравноценность экономических потенциалов стран-участниц, среди которых и США, и такие относительно малозначимые в экономическом отношении страны, как Бруней и Чили. Многие эксперты указывали на то обстоятельство, что если Япония присоединится к ТТП в его нынешнем составе, то в совокупном объеме ВВП блока более 90% будет приходиться на две страны — Японию и США, а это превратит ТТП, по сути, в одно из воплощений японо-американского договора о ЗСТ.

Во-вторых, отмечали скептики, трудно ожидать, что благодаря либерализации участие в ТТП даст какой-то особенный импульс японской экономике. Скажем, импортные тарифы в США — основном потенциальном партнере Японии по блоку — и так находятся на достаточно низком уровне. Например, таможенный тариф в США на легковые автомобили составляет всего 2,5%, на подшипники — 9%. Погоды не делает даже тот факт, что в США достаточно высока ввозная

---

²⁰ Первым «открытием» считается Реставрация Мэйдзи, вторым — послевоенные демократические реформы.

пошлина на грузовики, составляющая в среднем 25%²¹. В этих условиях трудно было бы ожидать существенного роста японского промышленного экспорта в Соединенные Штаты даже после полной отмены тарифов.

В-третьих, подчеркивалось, что участие в ТТП может нанести сильный удар по аграрному сектору японской экономики. При этом, в отличие от соглашений о свободной торговле, в которых предусматривались существенные изъятия в отношении «чувствительных товаров», ТТП мыслилось как всеобъемлющий торговый пакт, не терпящий никаких исключений. Предполагалось, что подавляющее большинство импортных тарифов должны быть устранены немедленно, а исключения в отношении «чувствительных товаров» будут действовать в течение семи лет с момента вступления в партнерство.

Как известно, для Японии подобными «чувствительными товарами» является значительная часть производимой в стране сельскохозяйственной продукции. Япония традиционно стремится вывести из-под сферы действия соглашений национальный аграрный рынок, руководствуясь соображениями продовольственной безопасности и защиты традиционных промыслов. Особенно болезненной представляется отмена тарифов на импорт риса — основного продукта питания японцев. Страна на протяжении многих лет проводит политику полной самообеспеченности рисом, в соответствии с которой государство поддерживает крайне высокие, фактически запретительные импортные пошлины на рис. Полная отмена пошлин наряду с прекращением государственного субсидирования закупочных цен на рис, которые Япония будет вынуждена реализовать под давлением действующих в рамках ТТП правил, неизбежно приведет к разорению значительной части фермеров и сделает страну уязвимой в случае чрезвычайных обстоятельств. По подсчетам Министерства сельского хозяйства, в случае присоединения к ТТП уровень самообеспеченности Японии продуктами питания (в калориях) сократится с 39 до 13%²². В представленном министерством в октябре 2011 г. кабинету министров докладе рисовалась апокалиптическая картина развала сельского хозяйства и других негативных последствий для всей национальной экономики, включая падение ВВП на 7,9 трлн иен и снижение общей численности занятого населения на 3,4 млн человек²³.

Особенно серьезный удар по национальному сельхозпроизводству прогнозировался в свете того, что США являются одним из ведущих

---

²¹ The Japan Times. 21.10.2011.

²² The Japan Times. 21.10.2011.

²³ <http://www.npu.go.jp/policy/policy08/pdf/20101027/siryou2.pdf>. С. 6.

мировых экспортеров аграрной продукции. Критики указывали не только на прямые потери для национальных сельхозпроизводителей от наращивания американцами продовольственного экспорта в Японию, но и на опасность, связанную с возможностью ослабления фитосанитарного и иных видов таможенного контроля качества сельхозпродукции. Поскольку соглашение предполагает гораздо больший уровень участия страны-экспортера в регулировании этих вопросов, многие в Японии опасались, что США воспользуются дополнительными правами, например для продавливания решения о полной отмене действующих ныне ограничений на импорт американской говядины, введенных ранее японским правительством из-за обнаруженных в США случаев коровьего бешенства. Высказывалось также опасение, что американцы будут добиваться полного запрета на экспорт Японией китового мяса — традиционного продукта морского промысла в ряде регионов страны, включая пострадавшие от землетрясения префектуры.

В-четвертых, никакого специфического мобилизационного эффекта от «открытия рынков», по мнению критиков, ожидать Японии не приходится. Как отмечает доцент Киотского университета Такэси Накано, Япония к 2014 г. уже заключила преференциальные соглашения с большинством стран, участвующих в переговорах по ТТП, на двусторонней основе. Остаются лишь Соединенные Штаты, импортный тариф в которых на японские товары составляет в среднем 2,5%. Доля же американской продукции в товарообороте Японии составляет лишь около 14%, что не позволяет рассчитывать на особенно сильный эффект от участия в ТТП²⁴. В этой связи главный аргумент, на который напирали сторонники присоединения к ТТП (что либерализация подстегнет национального производителя), оказывается лишенным практического смысла. Как отмечала газета “The Japan Times”, тезис о «новом открытии Японии» с помощью ТТП оказывается выгодным только ее конкурентам²⁵.

В-пятых, источниками большого беспокойства в Японии являлись неизбежные для страны в условиях членства в ТТП ослабление регулирующей роли государства и усиление присутствия зарубежных поставщиков товаров и услуг в социально значимых отраслях экономики, что влечет за собой существенное снижение требований к стандартам безопасности в социальной сфере и другие негативные последствия для широких слоев населения. Многие полагали, что США немедленно воспользуются возможностями партнерства для активизи-

---

²⁴ Накано Такэси. ТТП бококурон (Теория гибели страны от ТТП). С. 91–96.

²⁵ The Japan Times. 21.10.2011.

зации своего доступа на фармацевтический рынок, а также рынки страховых, медицинских, транспортных и почтовых услуг, что в конечном счете может привести к банкротству национальных компаний.

Особую тревогу вызывали при этом негативные последствия для национальной почтовой корпорации, в которой работают сотни тысяч сотрудников, а также для тысяч государственных больниц, которых придется переводить на акционерную форму собственности. Японцам под давлением американских стандартов придется постепенно отказываться от государственного и корпоративного медицинского страхования в пользу индивидуального, что приведет к радикальной коммерциализации сферы здравоохранения, снизит национальные стандарты в сфере здравоохранения и повысит уровень социального неравенства. Перед угрозой разорения окажутся многие компании медицинского и пенсионного страхования (например, «общества взаимопомощи»), клиентами которых являются миллионы японцев. Опасения, кроме того, были связаны еще и с перспективой того, что иностранные компании станут активно развивать в Японии международные сетевые клиники, практикующие более низкие, чем сложились здесь, стандарты качества медицинских услуг.

В-шестых, отрицательный эффект прогнозировался и для национального рынка труда. Один из наиболее критикуемых моментов, связанных с участием в ТТП, — взаимное признание странами-участницами различных видов прав, лицензий и иных видов квалификационных документов на ведение профессиональной деятельности. Многие опасались, что в страну, пользуясь этим, могут хлынуть толпы иммигрантов, в результате чего обрушится рынок рабочей силы и обострится проблема безработицы. Кроме того, дерегулирование рынка труда неизбежно приведет к снижению требований в отношении соблюдения норм трудового законодательства и безопасности на производстве.

В-седьмых, оптимизм по поводу положительного для экономики страны эффекта либерализации торговли сдерживался также трезвой оценкой макроэкономических последствий от удорожания иены. Эксперты указывали на то, что дорогая иена не позволит Японии в полной мере воспользоваться снижением тарифов, но сделает экспортную продукцию неконкурентоспособной.

Указывая на необходимость проведения восстановительных работ после «тройного бедствия» 11 марта 2011 г., противники вступления Японии в ТТП подчеркивали, что либерализация внешнеэкономических связей, чреватая «шоковым эффектом» для экономики страны, в нынешних условиях не вполне отвечает требованиям момента. Этот

тезис получал подтверждение и в официальных документах правительства.

Например, в правительственном докладе от 22 марта 2012 г., подготовленном для специальной проектной группы ДПЯ по вопросам экономической интеграции после консультаций со странами-партнерами по ТТП, признавалась возможность «негативных последствий» для таких значимых сфер, как занятость населения, рыболовство и морской промысел, а также восстановительные работы²⁶. К тому же большинство экспертов, в том числе и представители лагеря сторонников вхождения в ТТП, в достаточной степени понимали, что само по себе участие в партнерстве не может стать панацеей для японской экономики. В любом случае роль внутреннего спроса как источника экономического роста вряд ли повысится, поскольку увеличение экспорта вследствие подключения Японии к партнерству совершенно необязательно приведет к повышению доходов граждан страны, являющемуся главным условием расширения потребительского спроса.

Борьба вокруг вопроса об участии Японии в Транстихоокеанском партнерстве не только проявилась в форме академической дискуссии, но и нашла свое отражение во внутривластной плоскости. На протяжении всего 2011 г., в преддверии саммита АТЭС в Гонолулу, вопрос этот стал одним из основных в политической повестке дня.

Члены кабинета министров и руководство правящей Демократической партии выступали за подключение Японии к переговорам. Однако кабинет Нода был вынужден считаться с тем, что единой позиции по данному вопросу еще не сформировалось даже внутри самой ДПЯ, в которой наряду со сторонниками вхождения Японии в ТТП из числа высших партийных руководителей имелась влиятельная группировка противников этого шага. О силе оппонентов присоединения к блоку свидетельствует тот факт, что соответствующую петицию в правительство, подготовленную Центральным советом Всеяпонской ассоциации сельхозкооперативов, подписали в октябре 2011 г. 120 депутатов правящей партии — почти треть депутатского корпуса ДПЯ в парламенте²⁷.

«Разброд и шатание» по данному вопросу наблюдались не только в ДПЯ, но и в рядах ее основного соперника — Либерально-демократической партии. Как и в ДПЯ, в ЛДП имелись как влиятельные политики, выступавшие за участие в ТТП (Н. Накагава, Д. Кавагути, С. Исиба), так и противники участия, представленные партийными «тяжеловесами» в лице Ё. Мори, Т. Осима, Н. Матимура и др. В от-

---

²⁶ Акахата. 23.03.2012.

²⁷ <http://www.zenchu-ja.or.jp/release/pdf/1319543828.pdf>

сутствие консолидированной позиции, оформленной в виде партийных решений, руководство ЛДП старалось использовать вопрос о членстве в ТТП в основном для решения тактических задач — в качестве «разменной монеты» в политическом торге с правящей партией с целью добиться проведения досрочных парламентских выборов.

Правительство было вынуждено учитывать и то обстоятельство, что против вхождения Японии в ТТП выступало подавляющее большинство представленных в парламенте «малых» и «средних» партий, в том числе Комэйто, КПЯ и Социал-демократическая партия, а также тогдашний партнер ДПЯ по правящей коалиции — Новая народная партия. Достаточно осторожную позицию занимали и органы местного самоуправления. Например, подавляющее большинство префектуральных собраний (42 из 48) в течение года, предшествовавшего саммиту в Гонолулу, приняли резолюции, в которых либо отрицалась необходимость присоединения к ТТП, либо говорилось о необходимости «осторожного подхода» к данному шагу, проведения правительством «политики защиты интересов национального сельского хозяйства» и т.д.²⁸

Противоречия наблюдались и в среде бизнес-сообщества. Большинство корпоративного сектора, связанного с экспортно ориентированными отраслями, относилось к участию в ТТП в целом положительно. О поддержке вступления Японии в ТТП заявил в ноябре 2011 г. председатель Федерации экономических организаций Японии Х. Ёнэкура, особо отметивший, что, если Япония не сделает это, она «единственная среди всех» рискует остаться позади. «Мы потеряем доверие со стороны международного сообщества»²⁹, — подчеркнул Х. Ёнэкура. Однако против выступали организации, связанные с фермерами, врачами, страховщиками и иными профессиональными группами, интересы которых непосредственным образом могли быть ущемлены. Наиболее мощное противодействие оказывали лоббистские бизнес-структуры, традиционно имеющие большое влияние на политические процессы в стране — Центральный совет Всеяпонской ассоциации сельхозкооперативов и Японская медицинская ассоциация. Так, в октябре 2011 г. правительству были представлено 11 млн подписей граждан Японии против ее присоединения к ТТП, собранных Центральным советом³⁰.

В преддверии внеочередных парламентских выборов кабинет министров вынужден был считаться и с настроениями избирателей, ко-

---

²⁸ Акахата. 18.10.2011.

²⁹ Йомиури симбун. 17.11.2011.

³⁰ http://news.tbs.co.jp/newseye/tbs_newseye4859793.html

торые придерживались консервативных взглядов и поддерживали традиционно протекционистскую политику правительства. Общественное мнение страны оказалось фактически расколотым. Например, в ходе опроса, проведенного в ноябре 2011 г. газетой «Иомиури», 51% респондентов одобрили заявление премьер-министра Ё. Нода, сделанное им на саммите АТЭС 11 ноября, о намерении Японии присоединиться к переговорам об участии в ТТП, а 35% его не одобрили³¹. Достаточно большой разброс мнений был зафиксирован и по вопросу о самом вступлении в ТТП. По данным опроса телеграфного агентства «Киодо цусин», за присоединение к Транстихоокеанскому партнерству высказались 38,7% респондентов, а против — 36,1%³², а по данным опроса газеты «Асахи» доля сторонников участия в ТТП составила 46%, тогда как противников — 28%³³.

Объявив, несмотря на отсутствие единства мнений, о намерении Японии присоединиться к переговорному процессу по вступлению в Транстихоокеанское партнерство, премьер-министр утверждал, что участие в этом процессе будет способствовать экономическому подъему Японии и в конечном счете благотворно скажется на положении дел в пострадавших от стихийного бедствия регионов. Нода подчеркнул: «Будучи страной, выживание которой зависит от внешней торговли, Япония должна поставить себе на пользу потенциал экономического роста, имеющийся в АТР»³⁴.

На решение Японии повлияло также то, что на данном этапе речь пока не шла о полном и безоговорочном охвате всех видов «чувствительных товаров» в рамках ТТП. Это давало Токио определенное пространство для маневра, позволяя учесть интересы фермеров при определении тарифных ставок. Однако не меньшее, а возможно, и большее значение имели для Японии геополитические соображения, в частности обретение с помощью ТТП дополнительных рычагов дипломатического давления на Пекин, который пока рассматривает партнерство в качестве неприемлемой для себя формы интеграции. Кроме того, членство в ТТП, как многие надеялись, даст мощный импульс для разрешения сложных ситуаций там, где двусторонние форматы оказываются в тупике, как, например, в случае переговоров с Южной Кореей.

15 марта 2013 г. Синдзо Абэ, глава кабинета министров, сформированного теперь уже ЛДП, официально заявил о решении правитель-

---

³¹ Иомиури симбун. 15.11.2011.

³² http://www.47news.jp/news/2011/11/post_20111106155901.html

³³ Асахи симбун. 13.11.2011.

³⁴ Иомиури симбун. 12.11.2011.

ства о присоединении к переговорам о заключении партнерства, в которых на тот момент участвовало уже 11 государств³⁵. Реализовала это решение Япония в июле 2013 г. Токио занял на переговорах амбивалентную позицию, в которой проявлялось его стремление, в целом поддерживая курс на либерализацию, исключить из нее ряд важных для своего внутреннего рынка видов сельхозпродукции, включая рис, пшеницу, говядину, свинину, сахар и молочные продукты. Было подсчитано, однако, что, если Япония не пойдет на радикальное снижение тарифов по перечисленным группам товаров, уровень либерализации составит лишь 90%, а это будет означать неудачу в достижении поставленной в рамках ТТП цели — обеспечить полную ликвидацию таможенных тарифов³⁶.

На прошедших в Токио в апреле 2014 г. японо-американских переговорах на высшем уровне сторонам не удалось достичь соглашения в области тарифного регулирования — наибольшие противоречия касались импортных пошлин на американскую говядину и свинину, а также экологических нормативов и стандартов безопасности на ввозимые в Японию американские автомобили³⁷. Тем не менее кабинет Абэ продолжил курс на успешное завершение переговоров по заключению партнерства, рассматривая ТТП в качестве важного инструмента для проведения структурных реформ в экономике.

В октябре 2015 г. процесс переговоров о заключении партнерства был успешно завершён. Япония в числе прочих стран стала членом этого крупнейшего в мире преференциального торгового соглашения, на долю стран-участниц которого приходится почти 40% мирового ВВП и 30% мировой торговли.

После присоединения к партнерству Японии, являющейся третьей после США и Китая экономикой Азиатско-Тихоокеанского региона, ТТП, как ожидается, приобретет качественно иную характеристику, став в полной мере прообразом зоны свободной торговли всего Азиатско-Тихоокеанского региона. С этой точки зрения подключение Японии к ТТП, несомненно, знаменует собой качественный скачок в направлении превращения ТТП из периферийного экономического блока в структуру экономической интеграции глобального значения.

Расширение числа участников формата за счет «экономического тяжеловеса» в лице Японии позволит дать новый импульс развития всей мировой экономике и станет важным шагом в борьбе с последствиями глобального финансово-экономического кризиса. Особенно важ-

---

³⁵ Асахи симбун. 15.03.2013.

³⁶ <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2013/japan-agriculture-and-tp>

³⁷ Майнити симбун. 25.04.2014.

но, что создание эффективно действующей структуры экономической интеграции в АТР имело бы большое психологическое значение как фактор в пользу интеграционного развития на фоне проблем в европейской экономике, поставивших под сомнение эффективность европейской модели развития.

Со второй половины первого десятилетия 2000-х годов на повестку дня вышла тема создания зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии с участием «Большой тройки» — крупнейших экономик региона в лице Китая, Японии и Южной Кореи.

Следует отметить, что на двустороннем уровне процесс либерализации торгово-экономических связей с партнерами по «тройке» у Японии был нелегким. С Южной Кореей переговоры о ЗСТ начались еще в 1998 г., проходили несколько лет без видимого результата. Проблема для Японии заключалась в том, что открытие рынка море- и рыбопродуктов для дешевой корейской продукции нанесло бы сильный удар по интересам японских рыбопромышленников. В свою очередь, для Сеула ЗСТ с Японией таила в себе большие экономические риски, связанные с хроническим дефицитом баланса двусторонней торговли, поскольку основу японского экспорта в РК составляют товары с высокой добавленной стоимостью и машинотехническая продукция. Южная Корея была также недовольна многослойной дистрибутивной системой на внутреннем рынке Японии. От своего партнера по переговорам она требовала реформировать систему государственных закупок, устранить нетарифные барьеры в торговле, сделать более прозрачным процесс принятия административных решений. Кроме того, Южная Корея выступала за отмену визовой системы в отношении южнокорейцев, приезжающих в Японию на короткие сроки, т.е. приравнивание их по статусу к гражданам США и ЕС.

В ноябре 2004 г. переговорный процесс окончательно зашел в тупик. Лишь в августе 2010 г. стороны пришли к выводу о необходимости возобновить рабочие контакты по данному вопросу³⁸. Но реального сдвига так и не произошло, во многом из-за охлаждения политических отношений между Токио и Сеулом, связанного с нерешенностью ряда болезненных проблем исторического прошлого.

Что касается Китая, Япония относится к возможности соглашения о свободной торговле на двусторонней основе с большой осторожностью. В пользу соглашения выступает значительная часть японских деловых кругов, имеющих интересы в КНР, являющейся крупнейшим объектом приложения японских инвестиций. Такое соглашение, по их мнению, позволило бы решить болезненные для Японии вопросы ин-

---

³⁸ Асахи симбун. 20.08.2010.

теллектуальной собственности, зафиксировать условия гарантий для инвесторов, обеспечить необходимую транспарентность и предсказуемость административных решений. Однако до середины 2010-х годов Токио воздерживался от конкретных шагов в этом направлении. Его позиция заключалась в том, что Китай должен сперва в полной мере продемонстрировать свою способность соблюдать обязанности как члена ВТО. На эту позицию оказывают существенное влияние политические и военные соображения, среди которых особое место занимают вопросы, связанные с военным подъемом Китая и создаваемой им угрозы для безопасности Японии.

Можно констатировать, что в отношениях Японии с КНР и Южной Кореей рациональная логика экономической целесообразности, предполагающая, что устранение административных барьеров в торговле должно касаться в первую очередь ключевых торговых партнеров, не работала. Особенно наглядно это проявлялось в отношении Китая, ставшего для Японии самым крупным партнером по объему товарооборота (во внешнеторговых связях КНР Япония занимает четвертое место). Свою роль здесь играло сохранение серьезных политических проблем в двусторонних взаимоотношениях, среди которых особенно выделяются проблемы исторического прошлого, нерешенные территориальные проблемы, а также неблагоприятная для инвестиционного сотрудничества внутриполитическая обстановка, связанная, в частности, с ростом в обеих странах националистических настроений.

Вместе с тем на фоне застоя в японо-южнокорейских отношениях в конце первого десятилетия 2000-х годов парадоксальным образом реальные очертания стал приобретать трехсторонний формат (Япония–КНР–РК). Именно в таком формате, по мнению многих экспертов, Япония сможет решить многие деликатные экономические вопросы, которые с трудом поддаются решению на двустороннем уровне.

Сближению подходов трех стран к созданию совместной ЗСТ в немалой степени способствует и достигнутый уровень институализации контактов в рамках «Большой тройки». Уже с 2008 г. проводятся ежегодные саммиты, на которых были приняты важные программные документы, включая программу развития экономических связей между Японией, КНР и Южной Кореей на 10 лет. Решено открыть в Сеуле Секретариат по трехстороннему сотрудничеству. При этом многое было сделано на уровне деловых кругов, контакты между которыми предваряли межправительственные связи. Например, в июне 2011 г. в Сеуле прошел трехсторонний форум по содействию региональной интеграции, участники которого пришли к важному выводу о том, что зона свободной торговли между ними является экономиче-

ски более эффективной и выгодной всем трем странам, чем двусторонние форматы.

В рамках подготовки к переговорному процессу состоялось около двадцати рабочих встреч на уровне министров, несколько межправительственных совещаний. Первоначально в качестве пилотных были отобраны такие отрасли, не требующие большой работы по согласованию тарифов и стандартов, как туризм, культура и образование³⁹.

На саммите «Большой тройки», который состоялся в мае 2012 г. в Пекине, лидеры Японии, Китая и Южной Кореи подписали соглашение о трехстороннем регулировании инвестиций. В ходе обсуждения были одобрены механизмы конвертируемости национальных валют и подтверждена готовность сторон содействовать взаимному обмену инвестициями. Российский эксперт С. Суслина полагает, что Япония желала бы сразу начать с региональной валютной интеграции, поскольку это послужило бы импульсом для оживления роста японской экономики⁴⁰.

То, что объектом соглашения стали именно инвестиции, а не тарифы, явилось в какой-то степени дипломатической победой Японии, заинтересованной в первую очередь в юридических гарантиях прав национальных компаний, действующих на китайском рынке. КНР длительное время выступала против стандартного для таких соглашений положения о юридическом равноправии национальных и зарубежных инвесторов. Уступки, на который пошел Китай, многие связывают с тем, что позицию Японии поддержала Южная Корея — основной зарубежный инвестор в КНР.

Одновременно на саммите было решено начать переговоры о создании ЗСТ Северо-Восточной Азии (ЗСТ СВА). Если такое соглашение будет подписано, оно станет крупнейшим в мире, охватывая страны с общей численностью населения 1,5 млрд человек и совокупным ВВП 15 трлн долл. (или около 20% мирового ВВП). По оценкам Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, трехсторонняя зона свободной торговли позволит ее участникам — Японии, Китаю и Южной Корее — увеличить свой ВВП соответственно на 0,3%, 0,4 и 2,8%⁴¹. Подписание трехстороннего ССТ не только поможет заложить фундамент экономической интеграции в Восточной Азии, но и будет способствовать установлению мира и отношений доверия в регионе.

---

³⁹ *Terada Takashi*. Northeast Asia's Eternal Triangle is Really an American Affair of Sorts.

⁴⁰ *Суслина С.* Новое интеграционное трио в мировой экономике.

⁴¹ Майнити симбун. 12.05.2012.

Между тем с ноября 2012 г. лидеры КНР и РК воздерживались от встреч на высшем уровне с главой кабинета министров Японии С. Абэ, что было связано с обострением проблем исторического прошлого в повестке дня двусторонних отношений, и особенно визитом С. Абэ в храм Ясукуни, а также территориальных споров (подробнее см. главу 2). Возобновились трехсторонние переговоры о заключении ЗСТ лишь в марте 2014 г., когда в Сеуле состоялся очередной, четвертый раунд⁴².

Представление о дальнейших путях участия Японии в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции в виде некой «развилки», когда имеется выбор между преимущественно «восточноазиатским» и «транстихоокеанским» направлениями, очевидно, является умозрительным. Ясно, что интеграционные процессы идут по различным направлениям и носят комплексный характер, а потому совершенно необязательно какой-то путь станет доминирующим. Для страны важны как транстихоокеанские связи, в основе которых лежат торгово-экономические отношения с США, так и восточноазиатские, где преобладающее значение имеют отношения с КНР, а также с государствами ЮВА, Австралией, Новой Зеландией и Индией, которые активно участвуют в экономической жизни региона и стали частью «Большой Восточной Азии».

Многие в Токио осознают, что односторонняя ориентация на ТТП приведет к чрезмерной зависимости Японии от США и существенно ограничит ей свободу рук на международной арене. Существуют также опасения, что ставка на союз с Америкой при сохранении пассивности на других участках азиатской экономической интеграции может нанести ущерб отношениям с Китаем, который превратился в ключевого внешнеторгового партнера Японии.

В Токио отдают отчет, что США продвигают формат ТТП, в немалой степени исходя из желания укрепить свои позиции на внутреннем рынке Японии. Профессор Токийского городского университета Т. Омори отмечал: «Участие Японии (в ТТП. — Д.С.) будет рассматриваться Вашингтоном в первую очередь через призму собственных интересов. Чтобы Япония имела достаточно рычагов влияния на предстоящих переговорах, ей следует продумать различные сценарии создания ЗСТ АТР, включая „АСЕАН плюс шесть“, трехстороннее сотрудничество с Китаем и Южной Кореей, а также партнерство с Австралией»⁴³. Особое значение в этом ряду придается «Большой тройке», на которую в Японии возлагают большие надежды с учетом вы-

---

⁴² The New York Times. 06.03.2014.

⁴³ Omori Takashi. A New Era for APEC and TPP.

сокого удельного веса Японии, Китая и Южной Кореи в азиатской экономике.

Выражая точку зрения той части истеблишмента, которая придерживается указанной позиции, газета «Йомиури» отмечала: «Встраивание Японии в многосторонние форматы экономической интеграции может удержать США от агрессивного поведения на переговорах по ТТП»⁴⁴. По мнению газеты «Асахи», прогресс в продвижении внешнеторговых соглашений с азиатскими странами «дает Японии достаточно действенный козырь на ее переговорах с Соединенными Штатами о ТТП»⁴⁵.

Желание сыграть на противоречиях между США и Китаем, используя вопрос о членстве в ТТП и «Большой тройке» в качестве средства дипломатического давления на партнеров, уже прослеживается в практической политике Японии по отношению к интеграционным структурам. Токио активно эксплуатирует заинтересованность Пекина в сдерживании развития ТТП, поскольку тот считает партнерство геополитическим проектом США. Такая тактика, по мнению многих, уже дала реальные плоды, при этом указывают на тот факт, что Китай пошел в 2012 г. на трехстороннее инвестиционное соглашение, в котором он был изначально не заинтересован, во многом под давлением информации о скором подключении Японии к ТТП. В качестве средства «умиротворения» Токио со стороны Пекина можно расценить и фактический отказ последнего от поддержки проекта «АСЕАН плюс три» в пользу формата «АСЕАН плюс шесть», являющегося, скорее, японским детищем. На этом фоне в Японии рассчитывают, что ее подключение к ТТП станет своего рода катализатором для активизации процесса присоединения Пекина к зоне свободной торговли в формате «Большой тройки», которую он рассматривает как противовес Тихоокеанскому партнерству.

Между тем и сам Китай не гнушается подобной же тактики игры на противоречиях. Так, в начале мая 2012 г. Сеул и Пекин объявили о начале переговоров по подготовке двустороннего соглашения о свободной торговле, что многие расценили как сигнал в отношении Токио (в Японии многие опасаются, что в случае подписания ЗСТ между Китаем и Южной Кореей японские автомобили и иные высокотехнологичные товары окажутся в невыигрышном положении по сравнению с корейскими).

В Токио понимают, что ТТП совершенно необязательно станет единственным маршрутом на пути продвижения к ЗСТ АТР и что

---

⁴⁴ Йомиури симбун. 20.11.2011.

⁴⁵ Асахи симбун. 15.11.2011.

в обозримом будущем ни одна из созданных в АТР многосторонних группировок экономической интеграции не будет преобладающей. Таким образом, вопрос о том, по какому пути пойдет в дальнейшем экономическая интеграция в АТР, какие ее форматы и с каким составом участников станут ключевыми и к каким результатам она приведет, остается пока открытым.

На этом фоне сильные позиции получила точка зрения, согласно которой значимого для страны результата можно достичь лишь в том случае, если она станет проводить политику параллельного развития всех преференциальных торговых соглашений, не отдавая безусловного приоритета ни одному из них. Отражая это мнение, газета «Йомиури» писала, что хотя ТТП является единственной «сущностной» инициативой продвижения к ЗСТ АТР, «прочие форматы, в частности „АСЕАН плюс три“ и „АСЕАН плюс шесть“, также могут стать важными шагами в направлении ЗСТ АТР»⁴⁶. Поэтому на повестку дня выходит вопрос об участии Японии в различных форматах региональной экономической интеграции, включая ТТП, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и «Большую тройку».

Таким образом, в выборе дальнейшей стратегии актуальным для Японии становится поиск некоего компромиссного варианта, предполагающего одновременное подключение к нескольким форматам и параллельное развитие отношений с максимальным числом партнеров (стратегия и/и вместо стратегии или/или). Для Токио такая инклюзивная стратегия вполне укладывается в традиционную логику политики «открытого регионализма», которой он придерживается на протяжении последних двух десятков лет. Иными словами, перед японской дипломатией стоит двуединая задача — попытаться дать с помощью ТТП новый импульс отношениям с США и одновременно продолжать политику укрепления связей с азиатскими странами в рамках многосторонних форматов экономической интеграции.

Политика Японии в международных экономических организациях (на примере ВТО и АТЭС)

Япония входит во все основные международные экономические организации как глобального, так и регионального характера, в том числе в Организацию экономического сотрудничества и развития

---

⁴⁶ Йомиури симбун. 20.11.2011.

(ОЭСР), Всемирную торговую организацию (ВТО), Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ), Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и многие другие.

В послевоенный период Япония достигла больших экономических успехов именно потому, что превратилась в крупнейшую внешнеторговую империю. При этом важнейшим залогом ее успеха явилась активно пробивающая себе дорогу глобальная тенденция к либерализации международной торговли, проводником которой выступает ВТО. Свобода международной торговли представляется японскому руководству важнейшим условием развития национальной экономики, во многом завязанной на экспорт.

Позиция Токио в ВТО носила отчетливо выраженный противоречивый характер. С одной стороны, Япония стремилась к минимизации таможенных тарифов в отношении промышленных товаров, составляющих основную часть ее экспортной номенклатуры. С другой стороны, Токио беспокоила уязвимость собственного сельского хозяйства, продукция которого оказывалась неконкурентоспособной с точки зрения мировых цен, и Япония была заинтересована в том, чтобы вынести аграрную продукцию за скобки проводимой в рамках ВТО торговой либерализации.

По вопросу о либерализации сельхозпродукции Япония выступала против стран-экспортеров, к числу которых относятся США, Австралия, Канада, некоторые страны ЕС (например, Франция), а также «Группа двадцати», состоящая из развивающихся стран (Бразилия, Индия и др.). Блокируясь в этом направлении с «Группой десяти» (Швейцария, Южная Корея и ряд других стран-импортеров сельхозпродукции), Япония отстаивала умеренное сокращение импортных пошлин на сельхозпродукцию. Она опасалась, что снижение импортных тарифов может усилить зависимость ее продовольственного рынка от внешних поставок (ныне они занимают 60% рынка), а в результате упадет уровень продовольственной безопасности страны. Кроме того, принималось в расчет и то обстоятельство, что дальнейшая либерализация может больно сказаться на интересах фермеров, составляющих важную часть электората правящей Либерально-демократической партии.

Япония настаивала на необходимости учитывать положение в странах-импортерах сельскохозяйственной продукции. Так, в рамках Дохийского раунда переговорного процесса ВТО Япония в 2004–2006 гг. (вплоть до принятия в июле 2006 г. решения о замораживании на неопределенный срок многосторонних переговоров) выступала против предложений стран-экспортеров установить «потолки» для импортных тарифов на сельхозпродукцию, а в отношении «важных товаров»,

по которым страна-импортер отказывается ввести предельную тарифную ставку, расширить количественные квоты на импорт.

Можно выделить два основных пункта противоречий с позицией стран-экспортеров агропродукции.

Во-первых, это вопрос о «потолках» для импортных тарифов. Япония в составе «Группы десяти» на протяжении ряда лет резко выступала против предложений стран-экспортеров ввести какие-либо ограничители тарифов. В частности, речь шла о предложениях США и стран «Группы двадцати» установить «потолок» тарифа в 75% на всю сельскохозяйственную продукцию.

Во-вторых, это вопрос о «важных товарах», т.е. тех, которые в рамках ВТО признавались исключениями из общего правила. На «важные товары» не распространялось требование снижения или отмены импортных тарифов. Иными словами, это товары, в отношении которых страна-импортер резервировала за собой право не устанавливать предельную тарифную ставку.

Япония стремилась максимально расширить категорию «важных товаров». Для нее к числу «важных товаров» относятся прежде всего рис, молочные продукты, клубни коньяку и некоторые другие товары с высокими таможенными пошлинами. Следует отметить, что по итогам Уругвайского раунда (1986–1994) Япония взяла на себя обязательство обеспечить «минимальный доступ» импортного риса на японский рынок⁴⁷.

В целом тарифная система Японии отличается непоследовательностью и противоречивостью. Одним из показателей этого является отсутствие единых критериев в подходе к формированию тарифной политики. Отсюда разноразличия в ставках импортных пошлин на различные виды сельхозпродукции, что наглядно демонстрируют приводимые ниже данные (2006 г.)⁴⁸:

Сельхозпродукция	Ставка, %
Рис	778
Пшеница	252
Обезжиренное порошковое молоко	218
Сливочное масло	482
Сахар	325
Крахмал	234
Соя	318
Ячмень	256
Коньяку	1705

⁴⁷ Асахи симбун. 23.02.2006.

⁴⁸ Асахи симбун. 18.04.2006.

Подсчитано, что беспошлинно могут ввозиться в Японию 24% аграрных товаров, а пошлинами в размере до 20% облагаются 48% видов товаров. Лишь 8% видов сельхозпродукции являются объектом импортных пошлин в размере более 200%⁴⁹, т.е. основная часть сельскохозяйственного рынка достаточно либерализована. Тем не менее средние цены на аграрную продукцию в Японию выше среднемировых в 1,516 раза⁵⁰, во многом благодаря системе государственного дотирования фермерских хозяйств. Если США готовы признать «важными» не более 1% от общей номенклатуры сельскохозяйственного импорта, то Япония — 10–15%.

В 2006 г. Япония стала одним из инициаторов проекта «Группы десяти», по которому «важными» признавались от 133 до 199 видов продукции, в том числе для Японии — 127 видов, включая рис, молочные продукты, крахмал, сахар, ячмень и т.д. При этом «важные товары» были разделены на четыре категории, для каждой из которых оговаривались особые условия тарифного регулирования — либо по фиксированной ставке 45%, либо по плавающей ставке от 40 до 60%⁵¹. Всего по проекту «Группы десяти» доля «важных товаров» должна была составить от 10 до 15%. Следует отметить, что данный проект, предусматривавший большое разнообразие исключений, оказался еще более протекционистским, нежели даже инициатива ЕС, согласно которой доля «важных товаров» не должна была превышать 8%⁵². Примечательно, что генеральный секретарь ВТО П. Лами, посетивший Токио в июле 2006 г., выделил Японию как одного из виновников срыва Дохийского раунда переговорного процесса ВТО, отметив, что позиция Токио предусматривала «слишком много исключений» из общего правила⁵³.

В июне 2006 г. по итогам министерских встреч ВТО было принято паллиативное решение. Все импортные товары было предложено разбить на четыре группы, в зависимости от уровня тарифной защиты. При этом сокращение тарифов предполагалось проводить дифференцированно для каждой группы — по принципу «чем выше тариф, тем больше масштаб его снижения» («швейцарский метод подсчета»). Например, по группе товаров, облагаемых самыми высокими импортными пошлинами, последние должны быть снижены на 42–90%. Данная формула оценивалась как выгодная для Японии, поскольку она

---

⁴⁹ http://www.canon-igs.org/en/column/macroeconomics/20130314_1779.html

⁵⁰ <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2013/japan-agriculture-and-tp>

⁵¹ The Daily Yomiuri. 18.10.2005.

⁵² Асахи симбун. 18.04.2006.

⁵³ Асахи симбун. 06.07.2006.

вела к уменьшению тарифных барьеров на продукцию, составляющую основу японского экспорта. Кроме того, интересам Японии отвечало и принятое ВТО летом 2006 г. решение о том, что доля «важных товаров» в общем объеме номенклатуры импорта может составлять от 1 до 15%⁵⁴.

Важным элементом японской позиции по вопросам тарифной политики является активное противодействие практике субсидирования производителей сельхозпродукции, применяемой правительствами США, Канады и ряда других стран, поскольку тем самым косвенно дотируются экспортеры этой продукции. Но требование отмены субсидий аграрному сектору рикошетом бьет по самой Японии, поскольку на внутреннем рынке в результате протекционистской политики правительства и субсидирования твердых закупочных цен сложились ненормально высокие оптовые цены на сельхозпродукцию. Такое субсидирование подвергается в рамках ВТО жесткой критике, ибо оно носит обезличенный характер и не способствует повышению производительности труда, покрывая высокие издержки производства.

В 2005 г. на заседании АТЭС в Пусане было принято решение полностью устранить в течение пяти лет все виды дотаций национальным производителям аграрной продукции, идущей на экспорт⁵⁵. Единственное исключение, признаваемое ВТО, — практика «прямых выплат» сельхозпроизводителям, при которой размер субсидий прямо пропорционален площади используемых угодий.

Решение о прекращении безадресного дотирования аграрного сектора и внедрении системы «прямых выплат», призванной поощрять только крупные и экономически наиболее эффективные фермерские хозяйства, вступило в Японии в фазу практической реализации в середине первого десятилетия 2000-х годов. Достижению цели укрупнения размера фермерских хозяйств и повышению их эффективности были посвящены и принятые кабинетом министров в октябре 2005 г. «Основные направления политики обеспечения стабильных доходов в сельскохозяйственном производстве». Согласно этому документу, устанавливался минимальный размер фермерских хозяйств в 4 га (на Хоккайдо — 10 га) в качестве условия для получения правительственных дотаций, в то время как для сельских производственных кооперативов и «сельскохозяйственных юридических лиц» данный показатель составлял 20 га. Кроме того, были определены конкретные культуры (в первую очередь те, внутриапонские цены на которые имеют наибольший разрыв с мировыми, например зерновые, соя,

---

⁵⁴ Асахи симбун. 23.06.2006.

⁵⁵ Асахи симбун. 18.11.2005.

свекловичные), являющиеся объектом целевого субсидирования фермерских хозяйств.

Хотя в японском руководстве по-прежнему сильны позиции сторонников протекционистского подхода, в целом понемногу побеждает точка зрения прагматиков, осознающих, что в современном глобализирующемся мире Япония больше выгадывает, чем теряет от либерализации рынков, особенно финансовых и рынков услуг. Прагматики понимают, что интернационализация диктует принципиально новые подходы к политике защиты национальных производителей.

Вопрос о выгодах, получаемых Японией от членства в ВТО, стал особенно актуальным после природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г. Так, ряд стран начали высказывать опасения по поводу радиационной безопасности японской сельхозпродукции, поставляемой на внешние рынки, и вводить ограничения на ее ввоз. В этой связи японское правительство стало использовать механизмы ВТО для отмены несправедливых, по его мнению, ограничений, выступая с разъяснениями в соответствующих комиссиях ВТО в Женеве. В июле 2014 г. Токио подал жалобу в комиссию по фитосанитарному контролю ВТО на действия правительства Южной Кореи, которое в сентябре 2013 г. запретило ввоз морепродуктов, произведенных в восьми префектурах Японии⁵⁶.

Особое внимание среди прочих международных организаций в АТР привлекает АТЭС. С момента его образования в 1989 г. Япония стремилась играть ведущую роль в этой структуре. На глобальном уровне Токио рассматривает АТЭС как важный инструмент содействия развитию многосторонней торговли в рамках ВТО, с одной стороны, и как эффективный проводник в АТР соглашений о многосторонней торговле, принятых в ВТО, — с другой.

Экономические связи со странами-членами АТЭС имеют для Японии исключительное значение. На эти страны приходится до трех четвертей всего ее внешнеторгового оборота (75% экспорта и 66% импорта в 2009 г.)⁵⁷ и около 48,3% всех прямых зарубежных инвестиций (2011 г.). В государствах-членах АТЭС находится примерно 73,2% общего числа японцев, проживающих за границей⁵⁸.

Токио рассматривает взаимодействие с АТЭС как «наиболее эффективный» способ развития взаимного сотрудничества со странами, входящими в эту структуру. Во-первых, данный формат обеспечивает Японии возможность диалога с ее основными экономическими парт-

---

⁵⁶ Санкэй симбун. 10.07.2014.

⁵⁷ www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/apec/qa_2.html

⁵⁸ Ibid.

нерами, которые участвуют в различных мероприятиях АТЭС. Особенно важно то, что в рамках АТЭС проходят регулярные встречи на различных уровнях, в том числе и на высшем, что дает странам-участницам хорошую возможность для обсуждения и решения не только экономических, но и политических проблем. Например, на саммите АТЭС в Ханое (ноябрь 2006 г.) японский премьер-министр С. Абэ в максимальной степени использовал предоставленную форумом площадку для налаживания диалога с руководством Китая и Южной Кореи, политические отношения с которыми ухудшились после визитов Д. Коидзуми в храм Ясукуни.

Во-вторых, Токио пытается с максимальной эффективностью использовать возможности самого форума АТЭС для развития регионального сотрудничества. Особенность позиции Японии заключается в том, что сотрудничество в рамках АТЭС должно, по ее мнению, осуществляться в интересах предотвращения регионального сепаратизма, т.е. с упором на интересы глобального мирового сотрудничества. Данный подход предполагает, что все региональные организации экономической интеграции должны иметь прагматическую направленность в таких областях международного сотрудничества, как зоны свободной торговли, финансово-кредитная сфера, защита окружающей среды, борьба с преступностью и т.д. С этой точки зрения приоритетным для Токио оказывается достижение странами-участницами конкретных договоренностей в отдельных сферах экономического сотрудничества, позволяющее заложить основы для встраивания национальных экономик во всеобъемлющий механизм региональной кооперации.

Япония принимает деятельное участие во всех саммитах АТЭС (Японию представляет премьер-министр), министерских встречах (министр иностранных дел и министр экономики, торговли и промышленности), совещаниях старших должностных лиц (советник Экономического департамента МИДа и советник Департамента торговой политики МЭТП). Большая активность Японии проявляется и в работе рабочих групп, комиссий, советов и иных многосторонних механизмов АТЭС, например Консультативного делового совета АТЭС (АРАС), Группы по доступу к рынкам (МАГ), Группы по либерализации услуг (GOS).

Япония финансирует значительную часть бюджета АТЭС (901 тыс. долл. в 2010 фин. г., или 18% общей суммы бюджета)⁵⁹, являясь вторым после США донором этой организации. Помимо обязательных платежей, определяемых весом экономики того или иного государст-

---

⁵⁹ www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/apec/qa_6.html

ва, Япония вносит добровольные дотации, направленные, в частности, на реализацию проектов либерализации и развития торговли и инвестиций в странах АТЭС. В 2011 фин. г. сумма добровольных взносов Японии составила 325 млн иен (около 1,11 млн долл.)⁶⁰.

Позиция Токио по вопросу либерализации торговли в АТЭС определяется общим характером его политики, основанной на последовательном соблюдении правил ВТО в целях поддержания и укрепления многосторонней торговой системы. Токио полагает, что важнейшими «движущими силами» в работе АТЭС по достижению целей, поставленных Богорской декларацией (1994 г.), являются создание зон свободной торговли (через достижение соглашений о свободной торговле и об экономическом партнерстве), проведение структурных реформ, а также выдвижение и реализация инициатив АТЭС.

По вопросам инвестиций, занимающим важное место в повестке дня работы АТЭС, Япония последовательно проводит политику привлечения в страну иностранных капиталовложений, по уровню которых на душу населения она заметно отстает от основных западных стран. Активно претворяются в жизнь меры по совершенствованию механизмов доведения информации до зарубежных инвесторов путем публикации периодических информационных бюллетеней, а также ежегодных обзоров японского Совета по инвестициям, предпринимаются шаги по приведению японских стандартов в соответствие с международными. В секторах, где в наибольшей степени развиты меры регулирования, Япония добивается взаимного признания как двусторонних, так и многосторонних соглашений и договоренностей в области стандартов и сертификации. В этой связи Токио намерен содействовать развитию соответствующей инфраструктуры в АТЭС.

По вопросу тарифных ограничений японская сторона стремится к тому, чтобы обеспечить процесс постепенного сокращения тарифов в рамках АТЭС, принимая в расчет общие тенденции торговли между странами сообщества и свои экономические интересы. Кроме того, Токио исходит из того, что снижение тарифов по определенным группам товаров может оказать позитивное воздействие на торговлю и экономический рост в АТР в целом.

Особое внимание при этом уделяется тому, чтобы процесс постепенного уменьшения тарифов в АТЭС не был прерван в результате применения кем-либо из его участников неоправданных тарифных ограничений. В этой связи Токио придает важное значение обеспечению прозрачности тарифных режимов экономик всех стран АТЭС. Одновременно, стремясь избежать упреков с их стороны в свой адрес

---

⁶⁰ www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/apec/qa_6.html

относительно низкого уровня транспарентности японской экономики, Токио реализовал систему уведомления заинтересованных сторон обо всех изменениях своих тарифных ставок и ввел режим ежегодных публикаций перечня таможенных тарифов в Японии, а также периодических изменений и дополнений к нему.

Японская сторона выступает против любых мер нетарифного регулирования, если они противоречат соглашениям ВТО, положениям Конвенции по международной торговле редкими видами флоры и фауны, другим международным правовым актам. В отношении мер нетарифного регулирования Япония также придерживается политики обеспечения максимальной транспарентности, аналогичной той, что осуществляется в сфере тарифного регулирования.

В области услуг Япония добивается, чтобы в рамках АТЭС принимались меры, которые бы реально содействовали либерализации и облегчению торговли в данной области, а в итоге привели к созданию рынка услуг стран-членов Форума. Так, она участвует в работе по улучшению условий выдачи и действия виз для туристических групп всех государств, входящих в АТЭС. Кроме того, на базе одной из инициатив Форума Япония в одностороннем порядке увеличила до пяти лет период действия многократных виз для бизнесменов, въезжающих в Японию на срок до 90 дней. С 2001 г. Япония принимает участие в программе АВТС (APEC Business Travel Card), которая предоставляет возможность бизнесменам стран АТЭС посещать их в безвизовом режиме.

Среди участников Форума Япония занимает наиболее активную позицию по вопросам структурных реформ. В ноябре 2003 г. на саммите АТЭС в Бангкоке в соответствии с предложениями Японии, озвученными премьер-министром Д. Коидзуми, лидеры стран АТЭС подписали политическое заявление об ускорении структурных реформ в каждой из экономик в отдельности, равно как и в АТЭС в целом. Япония выступила в качестве страны-организатора конференции Форума по структурным реформам, проведенной в Токио в сентябре 2004 г. На открытии конференции министр иностранных дел Ё. Кавагути подчеркнула, что структурные реформы позволят Японии добиться оживления внутренней экономики, равно как и получить реальные выгоды от участия в глобальных экономических процессах. В итоговых документах конференции получил отражение тезис о взаимосвязи проводимых реформ и процесса активизации торговли и инвестиционной политики. В 2010 г. на заседании АТЭС в Иокогаме была принята «Новая стратегия структурных реформ АТЭС», охватывающая период до 2015 г.

Основной приоритет при формировании позиции Токио в АТЭС в последние годы отдается следующим направлениям. Во-первых, это система обязательств по безопасности (security commitment), призванная обеспечить пресечение финансовой поддержки терроризма, безопасность морских и воздушных торговых перевозок, компьютерную безопасность. В июле 2004 г. Япония в качестве «инициативы по наращиванию антитеррористического потенциала АТЭС» (APEC counterterrorism capacity building initiative) выступила с программой помощи странам Юго-Восточной Азии (выделение Индонезии 6,8 млн долл. на переоборудование семи аэропортов в соответствии с требованиями авиационной безопасности и трех морских портов в соответствии с кодом ISPS, проведение ряда семинаров по вопросам безопасности, предоставление 1 млн долл. Азиатскому банку развития для продвижения проектов по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, а также по повышению безопасности в портах)⁶¹.

Во-вторых, Япония добивается, чтобы в АТЭС был принят и реализован согласованный странами-участницами комплекс мер по защите прав на интеллектуальную собственность. Это объясняется тем, что азиатские рынки наводнены товарами, по различным критериям подражающими продукции японских производителей, а это наносит последним немалый ущерб (доля таких товаров в мировой торговле, по оценке бывшего министра промышленности и торговли Японии Т. Никай, достигает 7%⁶², составляя в стоимостном выражении около 637 млрд долл.). В связи с этим Токио, в частности, в 2003 г. выдвинул проекты «Сетевой сервисный центр АТЭС по правам интеллектуальной собственности» и «Защита интеллектуальной собственности в АТЭС». В 2005 г. Япония, США и Южная Корея разработали «Основные направления мер по борьбе с подражательной и пиратской продукцией», предусматривающие усиление государственного мониторинга производства и импорта, ужесточение санкций в отношении нарушителей авторских прав и т.д. Подробно регламентированы меры по предотвращению нелегального копирования, а также продажи через Интернет пиратских и подражательных товаров.

В-третьих, важное значение Япония придает программе помощи АТЭС мелкому и среднему бизнесу. Токио предполагает оказать всестороннюю поддержку инициативе Чили о принятии такой программы, считая, что решение проблем малого и среднего бизнеса является существенным фактором преодоления последствий кризиса и достижения долгосрочного экономического роста.

---

⁶¹ См. <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/apec/ct/ind>

⁶² Асахи симбун. 18.11.2005.

В-четвертых, Япония считает необходимым последовательно проводить в жизнь основные положения программы реформирования АТЭС, принятой на министерской встрече АТЭС в октябре 2003 г. в Бангкоке. Свои соображения на этот счет Япония высказала в ходе неформальной первой встрече старших должностных лиц («ритрита»), состоявшейся в начале 2004 г. Предложения, которые перекликаются с инициативами Австралии и Китая, предполагают упрощение структуры АТЭС (ликвидация многих рабочих групп, разделение встреч министров иностранных дел и торговли), отказ от прохождения предложений «снизу-вверх» при придании определяющего значения политическим решениям, усиление внимания к тематике безопасности и политическим вопросам. В отличие от Австралии, Япония выступает за сохранение принципа добровольности при реализации намеченных мер и подчеркивает необходимость поэтапных «эволюционных» шагов с тщательной выверкой их соответствия национальным интересам членов АТЭС. Вместе с тем Япония ратует за повышение дисциплины в осуществлении решений, принятых на уровне руководителей стран АТЭС.

В последние годы Япония, кроме того, уделяет большое внимание в АТЭС проблематике «зеленого развития» и экологической безопасности, безопасности человека, вопросам борьбы со стихийными бедствиями, безопасности городской среды и климатических рисков. В частности, в 2010 г. Япония воспользовалась правом председателя АТЭС для выдвижения ряда инициатив в указанных областях, которые были озвучены на заседании АТЭС в Иокогаме.

Официальная помощь развитию — важный ресурс политики Японии в АТР

Первый опыт участия Японии в международных программах помощи развитию восходит к самому началу послевоенного периода. После поражения во Второй мировой войне Япония стала страной-реципиентом международных, в основном американских, программ помощи, получив с 1946 по 1951 г. около 5 млрд долл. от Правительственного фонда помощи оккупированным территориям (GARIOA) и Фонда экономического содействия оккупированным территориям (EROA). Кроме того, в Японию на безвозмездной основе поставлялись многие товары первой необходимости и продовольствие из Канады, Мексики, Чили, Бразилии, Аргентины, Перу и ряда других

стран. С 1953 г. Япония стала получать низкопроцентные кредиты Мирового банка, которые были использованы для реализации ряда инфраструктурных проектов — строительства скоростной железнодорожной магистрали Токайдо, скоростной автодороги Томэй, гидроэлектростанции на р. Куробэгава и т.д. Фактически в 1940–1950-х годах, когда Япония испытала на себе преимущества страны-получателя международной финансовой помощи, были заложены основы японского подхода к Официальной помощи развитию (ОПР) как к деятельности, направленной в первую очередь на инфраструктурные проекты.

Между тем довольно скоро в Японии поняли, что для повышения международного престижа страны ей необходимо самой включиться в программы международной экономической помощи в качестве донора. Уже 6 октября 1950 г. Токио выразил готовность принять участие в «Плане Колombo» — соглашении о международном техническом сотрудничестве по оказанию помощи социально-экономическому развитию стран Азиатско-Тихоокеанского региона (в этой связи 6 октября в Японии стало отмечаться как День международного сотрудничества). Первая программа помощи была реализована японским правительством в рамках заключенного в 1954 г. японо-бирманского соглашения о мирном договоре, возмещении ущерба и экономическом сотрудничестве.

Во второй половине 1950-х годов Япония одновременно являлась и донором и реципиентом международных программ помощи развитию, продолжая активно пользоваться иностранной финансовой помощью, в частности со стороны Мирового банка, для восстановления своей экономики. Поскольку основными получателями японской помощи в тот период были государства, пострадавшие от японской агрессии в ходе Второй мировой войны (Бирма, Филиппины, Индонезия и др.), эта помощь, скорее, носила характер репараций, хотя формально и не являлась таковой.

Положение изменилось с начала 1960-х годов, когда Япония вступила в период высоких темпов экономического роста, что позволило ей существенно увеличить свой финансовый вклад в программы экономической помощи. В 1963 г. Япония стала членом международного Комитета помощи развитию, в 1964 г. — Организации экономического содействия развитию (ОЭСР). С этого времени Япония ежегодно наращивала ОПР, в плане как увеличения масштабов финансирования, так и расширения географии. С 1969 г. уверенные финансово-экономические позиции позволили ей приступить к оказанию финансовой помощи развивающимся странам на двусторонней основе в виде

грантов (безвозмездных субсидий). В связи с диверсификацией ОПР, в частности путем активизации технического содействия как одного из приоритетных направлений помощи, возникла необходимость в специальном органе для координации и реализации проектов международного сотрудничества. В 1974 г. в рамках МИДа было основано Японское агентство международного сотрудничества.

С начала 1980-х годов Япония стабильно занимала первое место среди членов Комитета помощи развитию ОЭСР по абсолютному размеру экономической помощи развивающимся странам Азии и Тихого океана, а с 1989 г. — и всего «третьего мира». В первом десятилетии 2000-х годов вследствие реструктуризации государственных финансов объем выделяемых на ОПР бюджетных средств начал снижаться, в результате чего в 2001 г. Япония утратила статус главного донора международных программ помощи развитию, переместившись на второе (после США) место.

Однако она по-прежнему сохраняет ведущие позиции в общем потоке ОПР. В 2012 фин. г. из средств государственного бюджета на ОПР было направлено около 10,6 млрд долл. (пятое место в мире по объему чистых ассигнований после США, Великобритании, Германии и Франции). Общий же объем ассигнований, включая средства, возвращенные от низкопроцентных займов прошлых лет, составил 18,6 млрд долл. (второе место в мире после США)⁶³.

В послевоенный период ОПР стала важнейшим внешнеполитическим инструментом Японии, что потребовало соответствующего закрепления организационной, философской и нормативно-правовой основ участия страны в международной помощи развитию.

В Японии отсутствует специализированная правовая база, регулирующая деятельность правительства в области ОПР. Государственная политика в этой сфере является прерогативой кабинета министров, решения которого не требуют одобрения со стороны парламента. Отсутствие отдельного закона об ОПР многие объясняют опасением правительства, что такой закон позволит оппозиции установить жесткий контроль над расходованием средств и ограничит кабинету свободу при принятии решений. Основным нормативным документом, регулирующим деятельность японского правительства по линии ОПР, является не закон, а Национальная хартия Официальной помощи развитию, принятая 30 июня 1992 г. кабинетом министров.

Согласно положениям Национальной хартии, правительство должно опираться в своем подходе к ОПР на положения Устава ООН

---

⁶³ Сэйфу кайхацу эндзё хакусё. С. 30.

(о национальном суверенитете, равенстве и невмешательстве во внутренние дела) и следующие базовые принципы:

1) Защита окружающей среды и экономическое развитие должны реализовываться во взаимосвязи друг с другом.

2) Необходимо избегать ситуации, когда ОПП может быть использована в военных целях или для обострения международных конфликтов.

3) Следует учитывать положение дел в стране-реципиенте с военными расходами, производством оружия, экспортом и импортом вооружений и т.д. При этом нужно исходить из необходимости борьбы с терроризмом и распространением оружия массового поражения, предпринимать иные шаги для поддержания и укрепления мира и стабильности во всем мире, добиваться, чтобы страны-реципиенты в первоочередном порядке направляли полученные ресурсы на собственное экономическое развитие.

4) Необходимо обращать внимание на усилия стран-реципиентов по развитию демократических процессов, введению рыночно ориентированной экономики, гарантированию основных гражданских прав и свобод.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о выделении ОПП конкретной стране японское правительство в соответствии с духом Национальной хартии должно учитывать как негативные (военные расходы, производство и распространение оружия, ущемление прав человека), так и положительные (развитие демократии и рыночных реформ, гарантии политических прав) моменты.

В августе 2003 г. кабинетом министров была принята новая редакция Национальной хартии Официальной помощи развитию. В ней главная цель ОПП сформулирована следующим образом: «Способствовать поддержанию мира и развитию международного сообщества и тем самым обеспечению безопасности и процветания Японии»⁶⁴. Иными словами, Токио стал рассматривать ОПП как инструмент внешнеполитической стратегии прежде всего с точки зрения интересов самой Японии.

Большое значение в новой редакции Национальной хартии придается гуманитарным проблемам (борьба с бедностью, голодом, последствиями стихийных бедствий, помощь беженцам), глобальным проблемам защиты окружающей среды и обеспечения чистой водой, проблемам терроризма, а также международным конфликтам. Как отмечается в «Голубой книге по дипломатии», использование японской ОПП для решения указанных проблем выгодно Японии не только потому,

---

⁶⁴ Гайко сэйсё. С. 204.

что это приведет к укреплению двусторонних связей с государствами-реципиентами, развитию контактов между людьми, укреплению ее позиций на мировой арене и т.д. Для Японии, имеющей высокую зависимость от внешних поставок сырья и материалов, оказываются все более жизненно важными обеспечение общей стабильности международного климата и развитие стран «третьего мира»⁶⁵.

Положения Национальной хартии позволяют выделить два основных момента, характеризующие мотивацию участия Японии в международных программах помощи развитию. Во-первых, ОПР призвана способствовать расширению экономической экспансии японских предприятий за рубежом, и прежде всего в Восточной Азии, являющейся одним из главных объектов их инвестиций. За счет программ ОПР Япония создает в государствах-реципиентах условия, важнейшим из которых является наличие зрелой инфраструктуры, для формирования рыночной экономики, способной интегрироваться в глобальную экономическую систему.

С помощью ОПР Япония как бы «подтягивает» страны региона до уровня, на котором они смогут принять у себя японские инвестиции и стать ее эффективным внешнеэкономическим партнером. Такая политика отвечает и интересам японского бизнеса, заинтересованного в создании в Восточной Азии оптимальной среды для внешнеэкономической экспансии. Именно поэтому японские деловые круги поддерживают выделение на ОПР достаточно крупных сумм из бюджета, хотя в условиях тяжелого положения в области государственных финансов это чревато увеличением налоговой нагрузки на корпоративный сектор.

Во-вторых, активное участие Японии в ОПР восполняет относительно низкий уровень ее собственных военных расходов и малую степень вовлеченности в любые виды военных операций за рубежом, в том числе и предпринимаемых в рамках международных миротворческих операций. Способствуя с помощью ОПР повышению экономического потенциала государств-реципиентов и их инвестиционной привлекательности, Япония создает условия для более эффективного вовлечения этих стран в систему международного разделения труда. Это, в свою очередь, является важным условием обеспечения международной безопасности, так как государства с высоким уровнем интеграции в мировые экономические процессы объективно оказываются заинтересованными в сохранении долгосрочного и стабильного мира.

Основываясь на Национальной хартии, японское правительство каждые три-пять лет принимает «Среднесрочный курс в области ОПР», который определяет базовый подход Японии к ОПР на пред-

---

⁶⁵ Там же.

стоящую перспективу, приоритеты государственной политики в области ОПР, а также конкретные направления этой политики. В развитие «Среднесрочного курса» вырабатываются планы помощи отдельным странам-реципиентам. Кроме того, правительство принимает профильные «инициативы» в отдельных областях, намечающие планы действий в конкретных направлениях ОПР (вне зависимости от ситуации в отдельных странах). «Инициативы» включают такие сферы, как «здравоохранение», «образование», «окружающая среда», «водоснабжение», «гендерная политика» и «борьба со стихийными бедствиями». С 2010 г. в отношении отдельных стран-реципиентов стали разрабатываться базовые концепции помощи, которые предусматривают сокращение непроизводительных расходов, более эффективное использование местных кадров и иные меры рационализации программ ОПР⁶⁶.

Выделяются следующие виды японской ОПР: финансовые гранты; техническая помощь; низкопроцентные иенные кредиты; взносы в бюджет и участие в работе международных организаций, занимающихся помощью развитию. Указанные виды помощи различаются по нескольким критериям. Так, по признаку возвратности средств ОПР делится на иенные кредиты, предоставляемые на возмездной основе, и прочие виды помощи — «дары» японского правительства. По критерию состава реципиентов различаются многосторонняя помощь, оказываемая Японией через каналы международных организаций, и двусторонняя.

В 2012 фин. г. из примерно 10,6 млрд долл., выделенных на нужды ОПР из государственного бюджета, на двустороннюю помощь было ассигновано около 3,1 млрд долл. (29,4% общего объема ОПР), на взносы в международные организации — 1,3 млрд долл. (13,2%), на техническую помощь — около 3,6 млрд долл. (34,3%)⁶⁷. Таким образом, центральное место в общем объеме ОПР занимают программы технического содействия и двусторонней помощи.

Финансовые гранты, представляющие собой безвозмездную денежную помощь, предоставляются наиболее отсталым и бедным развивающимся государствам, а также странам, пострадавшим от конфликтов и стихийных бедствий. Традиционно большое место (40–50%) в общем объеме японских финансовых грантов занимали страны Южной и Юго-Восточной Азии. Однако в связи с улучшением экономического положения в азиатских странах и в ответ на критику за несправедливое географическое распределение помощи акцент в последнее время был смещен в сторону стран Ближнего и Среднего Востока, а также беднейших государств Африки.

---

⁶⁶ Сэйфу кайхацу эндзэ хакусё. С. 37–38.

⁶⁷ Там же. С. 31.

Географическое (региональное) распределение стоимостного объема двусторонней помощи в 2012 фин. г. было следующим: 56,2% приходилось на Восточную и Центральную Азию, 15,4% — на Ближний и Средний Восток и Северную Африку, 12,7% — на Африку, 3,3% — на Южную и Центральную Америку, 1,1% — на Океанию, 0,6% — на Европу. Кроме того, 10,7% помощи выделялось на мультирегиональные проекты, т.е. без привязки к отдельному региону⁶⁸. Таким образом, приоритетным направлением японской ОПР являются страны Восточной Азии. Это мотивируется тем, что Япония тесно привязана к данному региону в политическом и экономическом смысле, а ее безопасность и процветание напрямую зависят от восточно-азиатских стран. В ходе саммита Япония — АСЕАН в декабре 2003 г. Япония выделила приоритетные направления экономического сотрудничества с этой ассоциацией (развитие конкурентоспособности, борьба с терроризмом и пиратством и т.д.) и сделала особый акцент на задачу выравнивания уровней экономического развития ее отдельных членов. На саммите Токио выразил готовность выделить на инфраструктурное развитие бассейна реки Меконг около 1,5 млрд долл. в течение трех лет. Другое приоритетное направление усилий Японии — помощь в реализации проекта «зоны роста восточной АСЕАН» (Бруней–Индонезия–Малайзия–Филиппины).

Особую роль в программах помощи азиатским странам традиционно играют иеновые кредиты, которые являются одним из основных видов помощи по линии ОПР. Иеновые кредиты выделяются на возмездных условиях, что способствует развитию у реципиентов «чувства собственности» по отношению к результатам финансируемых проектов. Субъектом кредитования выступает Японский банк международного сотрудничества, имеющий статус «особого юридического лица».

Иеновые кредиты предоставляются на льготных условиях, т.е. по низкой процентной ставке и на длительный срок. Они предназначены для создания экономической и социальной инфраструктуры, имеющей первостепенное значение для успешного экономического развития реципиентов, для экономической стабилизации и осуществления структурных изменений в экономике стран, испытывающих острые экономические трудности (например, к таковым относились государства, пострадавшие от азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.). Существенная часть кредитов направляется также на защиту окружающей среды, социальное развитие и развитие трудовых ресурсов.

Различаются «связанные» и «несвязанные» кредиты. «Связанные кредиты» подразумевают, что страна-реципиент при реализации про-

---

⁶⁸ Там же. С. 109.

ектов развития (как правило, строительстве объектов инфраструктуры) может использовать выделенные японским правительством по линии ОПР средства только при условии закупок японских материалов и привлечения к работам японских фирм-подрядчиков. «Связанные кредиты» активно использовались в 1970-е годы, однако с 1980-х от них стали отказываться, так как они снижали эффективность расходования средств, делали невозможным удешевление стоимости проектов и вели к коррупционной смычке между высшими эшелонами политической элиты Японии и японским бизнес-сообществом. В настоящее время подавляющая часть кредитов (около 90%) является «несвязанными», что позволяет реципиентам проводить международные тендеры и находить наиболее экономически эффективные решения для реализации проектов.

Источниками иеновых кредитов являются ассигнования государственного бюджета, средства, поступившие в результате погашения странами-должниками выданных ранее кредитов, и заемные средства, полученные через Программу займов и инвестиций. В 2004 г. общий объем таких кредитов составил 798,6 млрд иен. С этого же года наметилась тенденция к их увеличению⁶⁹. Например, в 2012 фин. г. объем выданных иеновых кредитов достиг 891,6 млрд иен, а в 2013 г. — 923,6 млрд⁷⁰, что было связано с ростом объема поступлений за счет погашения старых кредитов. Основная часть иеновых кредитов была предназначена для объектов следующих отраслей: транспортной и социальной инфраструктуры, электро- и газоснабжения, ирригационных сооружений, агротехнического производства, промышленности, связи и т.д. В последнее время особое значение приобретают кредиты на общественные нужды, такие как водоснабжение и канализация, здравоохранение, образование и социальное обеспечение, развитие деревни, защита окружающей среды и др.

Ежегодно утверждаемая ставка по иеновым кредитам составляет в среднем менее 1% годовых. Кредиты имеют чрезвычайно длительный срок погашения (более 30 лет) и предоставляются с отсрочкой выплат на семь-десять лет⁷¹. Особенностью кредитов по линии ОПР является также их дифференцированный характер. Например, для беднейших государств годовая кредитная ставка составляла в 2006 г. 0,01% годовых, а в ближайшем будущем может быть отменена совсем. Получателями иеновых кредитов по минимальным ставкам смогут стать страны с доходом на душу населения менее 750 долл. в год (Камбоджа,

---

⁶⁹ ODA Loan Report 2005. P. 10.

⁷⁰ Сэйфу кайхацу эндзё хакусё. P. 165.

⁷¹ ODA Loan Report 2005. P. 52.

Мьянма, Бангладеш, Танзания, Сенегал). В то же время ставка для развивающихся стран с относительно стабильным финансовым положением, среди которых можно назвать Чили, Уругвай и другие страны Латинской Америки, а также ЮАР, является более высокой (до 2,7%)⁷².

Банк принимает решения о выделении кредитной линии на основании экспертизы, в ходе которой определяются наиболее значимые для данного реципиента регионы и отрасли экономики, учитывается политическая и социально-экономическая ситуация в стране и ее соответствие заявленным в Национальной хартии принципам ОПР и т.д. Решение проходит предварительное согласование с правительством.

Проекты, реализуемые с помощью иенowych кредитов и программ технического содействия в странах Восточной Азии, осуществляются в рамках общей концепции комплексного инфраструктурного развития⁷³. Так, в Камбодже основу ОПР составляет проект «зоны роста» между Пномпенем и портом Сиануквилль, предполагающий, в частности, строительство кабеля оптической связи, соединяющего столицу с «зоной роста», а также приоритетное развитие портовой зоны. В Таиланде иенowe кредиты используются для строительства нового аэропорта в Бангкоке, во Вьетнаме — для строительства сети национальных автодорог и порта в районе «зоны роста» на юге страны. В Индонезии выделяется проект строительства геотермальной электростанции Улубелу, связанный с задачами Киотского протокола по уменьшению объема выбросов парниковых газов. В Малайзии в свете роста населения и обострения проблемы нехватки чистой воды приоритет отдается проектам водоснабжения.

Помощь развитию КНР осуществляется на основе Программы экономического сотрудничества, одобренной японским правительством в октябре 2001 г. Основу японской ОПР составляют проекты в области защиты окружающей среды. В 2004 г. в Китае осуществлялись семь таких проектов, типичными примерами которых является проект по переводу энергоснабжения с угля на природный газ, а также проект озеленения бассейна реки Янцзы, нацеленный на восстановление лесных экосистем и уменьшение риска природных катастроф⁷⁴. Япония также кредитует в КНР проект по улучшению качества и расширению масштабов высшего образования во Внутренней Монголии, направленный на устранение региональных диспропорций развития.

В 2008 г. в связи с экономическими успехами Китая было принято решение о прекращении программ помощи развитию. Точкой водораздела была признана пекинская Олимпиада, состоявшаяся в августе

---

⁷² Нихон кэйдзай симбун. 03.05.2006.

⁷³ ODA Loan Report 2005. P. 11–13.

⁷⁴ Ibid. P. 11.

2008 г. И все же часть проектов по линии ОПР, касающихся непосредственных интересов самой Японии, было решено оставить — это безопасность продуктов питания (продовольствие экспортируется из КНР в Японию), а также охрана окружающей среды (в связи с опасностью для Японии инцидентов в Китае, которые приводят к загрязнению атмосферы, воды и т.д.)⁷⁵.

Несмотря на немалые средства, выделяемые Японией на Официальную помощь развитию, Токио критикуют за сравнительно небольшой объем бюджета ОПР (0,17% национального дохода). В 2012 г. Япония занимала по данному показателю 20-е место среди 27 стран-членов Комитета помощи развитию⁷⁶. Другими поводами для обвинений служат относительно низкая доля безвозмездной помощи, более жесткие по сравнению с международными стандартами условия низкопроцентного кредитования, а также бóльшая, чем у других членов ОЭСР, доля «связанных кредитов» в общем кредитном портфеле. Обращают также внимание на то, что Япония в своей политике в области ОПР чрезмерно ориентирована на собственные экономические интересы. В частности, критики указывают, что подавляющая часть иенных кредитов (около 80%) предназначена странам Восточной Азии, на долю которых приходится подавляющая доля инвестиционной активности японских компаний, в то время как странам Африки в программах ОПР уделяется слишком мало внимания. Это дает основания обвинять Японию в эгоизме и недостаточности усилий по отношению к главной цели ОПР — искоренению бедности.

Серьезное недовольство вызывает также практика использования ОПР в качестве инструмента политического давления. Действительно, Токио неоднократно применял его на различных этапах послевоенной истории, особенно в период холодной войны, когда ОПР служила в качестве «пряника», создающего стране-реципиенту дополнительный стимул для «правильной», т.е. проамериканской или хотя бы «некоммунистической», внешнеполитической ориентации. Именно при опоре на ОПР, позволяющей мирными средствами достичь тех целей, достижение которых было бы затруднительно обеспечить военными средствами, во многом осуществлялась доктрина «разделения обязанностей» в стратегическом взаимодействии Японии и США на мировой арене. Примерами практического применения этой доктрины, в частности, были предоставление Японией дополнительной финансовой помощи Тайваню в 1965 г., Южной Корее в 1967 г., Таиланду после вьетнамской оккупации соседней Камбоджи в 1978 г., дружест-

---

⁷⁵ Сэйфу кайхацу эндзё хакусё. С. 113.

⁷⁶ Там же. С. 34.

венным США государствам Персидского залива в 1970–1980-х годах, Турции после исламской революции в Иране 1979 г., Пакистану после советского вторжения в Афганистан в 1980 г., Филиппинам после революции 1986 г., когда требовалось убедить администрацию К. Акино сохранить американские базы на архипелаге.

Однако в настоящее время тезис об использовании ОПР как средства прямого политического шантажа во многом утратил свою актуальность. Модель помощи развитию как инструмента дополнения военно-политической стратегии США в контексте глобального противостояния двух систем уступила место модели ОПР как метода «вовлечения» (engagement) развивающихся стран, преимущественно азиатских, в орбиту мировой экономики. По этой причине непропорционально большое место в японской ОПР занимали «коммунистические» страны — КНР и Вьетнам, помощь которым формально противоречила принципам Национальной хартии не оказывать помощь странам, осуществляющим обширные военные программы и не уделяющим должного внимания демократическим ценностям. Особенно это было справедливо в отношении Китая, который активно модернизирует свою армию, продолжает испытания ядерного оружия и признается официальной военной доктриной потенциальным военным противником Японии. Токио не прекращал многомиллиардные трансферты Пекину, хотя уровень политических отношений между двумя странами достиг нижней точки в свете «проблемы Ясукуни» и широких антияпонских настроений среди китайской общественности.

В целом можно заключить, что на протяжении всего послевоенного периода ОПР являлась одним из ключевых компонентов внешнеполитической стратегии Японии, и прежде всего в Восточной Азии, обеспечивая защиту ее экономических и политических интересов. Наряду с американским военным присутствием она служила важным фактором международной безопасности, способствуя развитию демократических ценностей в большинстве стран-реципиентов и их успешному интегрированию в систему международной кооперации. Например, в странах Восточной Азии японская ОПР способствовала формированию такой модели экономического развития, которая превратилась в существенный фактор политической и социальной стабильности в регионе.

ОПР в немалой степени укрепила авторитет Токио в странах АСЕАН. Для них Япония на протяжении послевоенного периода была не только основным донором помощи и крупнейшим внешнеэкономическим партнером, но и привлекательной моделью политического развития. Кроме того, с помощью ОПР Японии удалось в значительной степени ослабить в большинстве государств Восточной Азии не-

приятную для себя историческую память о событиях Второй мировой войны и сдержать антияпонские настроения в массах, что, в свою очередь, стало важным условием успешной инвестиционной деятельности японского бизнеса. ОПР дает Токио дополнительные козыри и в соперничестве с Китаем (который сам пока еще не «вырос» из статуса страны–реципиента ОПР) в борьбе за лидерство в активно формирующихся с начала 2000-х годов структурах восточноазиатской экономической интеграции.

Вопросы финансовой и технической помощи в той или иной степени обязательно присутствуют в повестке дня практически всех официальных контактов Японии со странами АСЕАН, Китаем, Монголией и другими азиатскими государствами. Для многих из них иенные кредиты превратились в важнейший, а часто и незаменимый финансовый источник инфраструктурного развития, результаты которого позволяют японскому бизнесу оптимизировать модель своего экономического присутствия в этих странах и максимизировать получаемую прибыль. Примечательно, что в 2005 г. впервые в послевоенной истории Японии доходы от японских зарубежных активов превысили доходы от внешней торговли, притом что в географическом распределении японских зарубежных инвестиций наблюдается существенное увеличение доли азиатских стран, и прежде всего стран АСЕАН и Китая, при снижении доли США и Западной Европы.

ОПР приобрела особое значение для Токио и в свете новых задач по усилению «сырьевого направления» японской дипломатии, которое особенно актуализировалось на фоне роста мировых цен на энергоресурсы. Принятая японским правительством долгосрочная стратегия энергетической политики предполагает, в частности, значительное повышение доли собственных разработок японскими компаниями энергетических месторождений в странах, многие из которых являются реципиентами программ ОПР. Кроме того, ставится задача развития технического сотрудничества с государствами Восточной Азии в области энергосбережения с целью снизить их потребности в энергоресурсах, являющиеся одной из главных причин повышения мировых цен.

Наконец, ОПР позволяет Токио с большим основанием претендовать на особую роль в международных организациях. Япония традиционно вносит крупнейший финансовый вклад во многие структуры ООН, занимающиеся программами развития. Это обстоятельство служит важным аргументом в претензиях Японии на место постоянного члена в Совете Безопасности ООН, которого японская дипломатия настойчиво добивается в течение нескольких десятилетий, а также на ключевые посты во многих структурах ООН.

Глава 4

ОТНОШЕНИЯ ЯПОНИИ С СССР/РОССИЕЙ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

После восстановления дипломатических отношений в 1956 г. российско-японские связи в основном развивались в соответствии с логикой холодной войны, когда две страны оказались по разные стороны баррикад. Политический диалог был фактически заморожен вследствие конфронтации двух противостоящих блоков, а также из-за нерешенности территориальной проблемы. За весь послевоенный период, вплоть до окончания биполярной эпохи, состоялось всего две встречи на высшем уровне (в 1956 и 1973 гг.).

Япония в своих отношениях с Советским Союзом взяла на вооружение принцип «неразрывности политики и экономики», согласно которому торгово-экономические связи должны быть обусловлены прогрессом в политической сфере, и прежде всего в решении пресловутого вопроса о «северных территориях». Тем не менее в результате достигнутых в 1973 г. договоренностей началась реализация ряда проектов по освоению нефтегазовых месторождений на Сахалине, угольных месторождений в Якутии, лесных ресурсов Дальнего Востока. Начиная с 1970-х годов стабильно развивались культурные и научные контакты, было установлено прямое воздушное сообщение между Токио и Москвой.

В постбиполярный период двусторонние связи активизируются. Японское руководство пришло к выводу о необратимости демократических преобразований в России, которая, как было признано, разделяет общие с Японией и другими западными демократиями ценности. Стало очевидным также, что в отличие от эпохи холодной войны, когда Япония воспринимала Советский Союз как угрозу, в том числе

и военную, теперь оснований для подобных опасений не существует. Наконец, в японских деловых кругах по мере осуществления в России экономических реформ и становления рыночной экономики усиливалось внимание к новым перспективам японо-российского сотрудничества в экономической сфере.

Для России Япония сохраняла свое значение не просто как крупное в экономическом отношении государство, географически соседствующее с нашей страной, но и как важный источник технологий и инвестиций, которых особенно не хватало в условиях серьезных экономических трудностей, с которыми столкнулась Россия после распада СССР в 1991 г.

Политическая сфера

После 27 декабря 1991 г., когда Япония признала Россию как правопреемницу СССР, важно было наладить политический диалог между странами. Первая российско-японская встреча на высшем уровне состоялась 11–13 ноября 1993 г. в Токио. В результате проведенных президентом России Б. Ельциным и премьер-министром Японии М. Хосокава переговоров была подписана Токийская декларация, в которой была подведена черта под периодом холодной войны и определены основные сферы и направления российско-японских отношений на будущее. В декларации подтверждалась поддержка Японией курса демократических и экономических реформ в России. Наряду с Токийской декларацией в ходе визита были подписаны 18 документов, регулирующих различные аспекты двусторонних связей, в том числе Декларация о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений между Российской Федерацией и Японией. Президент России извинился за «антигуманные действия» в отношении японских военнопленных, находившихся в СССР после окончания Второй мировой войны.

В 1990-е годы японская сторона стала придерживаться позиции отделения территориального вопроса от иных аспектов отношений с Россией. Большую роль в развитии последних сыграл глава кабинета министров Японии в 1996–1998 гг. Р. Хасимото, который провозгласил доктрину «евразийской дипломатии», акцентировавшую внимание на России и центральноазиатских республиках. Р. Хасимото выступил за «новое сотрудничество между двумя странами». У лидеров Японии и России установились личные доверительные отношения, прошла серия встреч, в том числе и в неформальной обстановке

(«встречи без галстуков») в России под Красноярском в 1997 г. и в Японии в курортном местечке Кавана в 1998 г. В ходе встречи под Красноярском была принята программа сотрудничества до 2000 г., получившая название «План Ельцина–Хасимото». План намечал сотрудничество в области инвестиций, реализацию программы по подготовке российских управленческих кадров, углубление диалога по вопросам энергетики, сотрудничество в использовании атомной энергии в мирных целях.

Во время визита японского премьер-министра К. Обути в Россию 13 ноября 1998 г. была подписана Московская декларация, которая поставила в качестве важнейшей задачи установление между двумя странами «долгосрочного созидательного партнерства» на базе принципов доверия, взаимной выгоды, долгосрочной перспективы и тесного экономического сотрудничества.

Накопленный в первое десятилетие постбиполярной эпохи позитивный багаж политического взаимодействия получил дальнейшее развитие в 2000-х годах. Политические контакты на самом высоком уровне проводились регулярно и отличались насыщенностью повестки дня. Высшие должностные лица России и Японии встречались как на двусторонней основе, так и в рамках международных форматов. Регулярно различные вопросы обсуждали министры и заместители министров иностранных дел. Высокопоставленные чиновники России и Японии участвовали в заседаниях Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Были налажены диалог и взаимодействие между отдельными министерствами и ведомствами.

9–12 января 2003 г. состоялся официальный визит в Россию премьер-министра Японии Д. Коидзуми. По итогам переговоров В.В. Путин и Д. Коидзуми подписали совместное заявление о принятии «Плана действий» — обширного политического документа, отражающего достигнутые результаты работы по выполнению поставленной в 1998 г. задачи строительства отношений созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией. В этом документе были намечены углубление политического диалога, продолжение переговоров по мирному договору, сотрудничество на международной арене, торгово-экономическое взаимодействие, развитие связей в правоохранительной и оборонной областях, расширение культурных и гуманитарных обменов.

Отражением нового курса Токио стал отказ от принципа, в соответствии с которым развитие отношений с Россией, и прежде всего в экономической области, ставилось в жесткую зависимость от решения территориальной проблемы на японских условиях (принцип «не-

разрывности политики и экономики)). В «Плане действий» подчеркивалось намерение двух стран искать взаимоприемлемое решение проблемы заключения мирного договора, поддерживая в двусторонних отношениях атмосферу взаимопонимания и доверия, развивая широкое взаимовыгодное сотрудничество.

В ноябре 2005 г. состоялся официальный визит в Японию президента РФ В.В. Путина, в ходе которого был подписан солидный пакет документов, направленных на укрепление отношений в различных областях. Лидеры двух стран утвердили программу взаимодействия в борьбе с терроризмом, были заключены соглашения об упрощении визового режима, окончании переговоров о присоединении РФ к ВТО и расширении сотрудничества в области энергетики. В.В. Путин принял участие в работе российско-японского бизнес-форума, собравшего около 400 представителей деловых кругов обеих стран и ставшего беспрецедентным по масштабам в истории двусторонних отношений. На высшем уровне были согласованы базовые принципы российско-японских связей (взаимное доверие, взаимная выгода, долгосрочность), утверждена триединая формула их развития: взаимодействие на международной арене, торгово-экономическое сотрудничество, продолжение переговоров по мирному договору.

Однако с 2009 г. в отношениях двух стран в политической области обозначилось похолодание. 11 июня 2009 г. нижняя палата японского парламента единогласно приняла поправки к закону 1982 г. «О специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий», в которых последние были названы «исконно японскими землями». В августе 2010 г. правительство в ответ на депутатский запрос применило в отношении статуса островов формулировку «незаконно оккупированные». Очередной эмоциональный всплеск наблюдался в связи с состоявшейся 1 ноября 2010 г. поездкой президента России Д.А. Медведева на остров Кунашир, которая была охарактеризована в Японии как шаг, «осложнивший» двусторонние отношения. Эту поездку премьер-министр Японии Н. Кан назвал в феврале 2011 г. «непростительной грубостью»¹.

29–30 апреля 2013 г. Москву посетил глава японского правительства Синдзо Абэ. Официальная встреча лидеров России и Японии проходила впервые с 2005 г. По многим параметрам ее можно охарактеризовать не просто как значимое, но даже эпохальное для российско-японских отношений событие. Визит имел большое значение и для укрепления личных отношений между лидерами двух стран. Исторический опыт показывает, что личностная дипломатия первых лиц го-

---

¹ Medvedev to Pay Another Visit to Kuril Islands (2012).

сударства имеет огромное значение как для России, так и для Японии. Существенно и то, что общение лидеров позволяет улучшить в глазах общественного мнения образ страны-партнера.

У каждой из сторон имелись и специфические цели. Для России таковой было налаживание сотрудничества с Японией в газовом секторе. Весьма остро стоял вопрос о техническом и финансовом обеспечении ряда инвестиционных проектов в газовой отрасли общей стоимостью почти в 40 млрд долл. Речь шла об освоении месторождений в Якутии и под Иркутском, о строительстве газопровода протяженностью 3200 км из Восточной Сибири во Владивосток, а также строительстве крупного завода по сжижению природного газа под Владивостоком общей мощностью 15 млн т СПГ в год. Помимо энергетики, подписанные сторонами меморандумы касались таких сфер, как транспорт, здравоохранение, обмен информацией по вопросам отмывания денег и финансирования терроризма². В ходе визита, в частности, была достигнута договоренность о строительстве на базе современных японских технологий онкологического центра.

Значимым результатом визита стало решение об учреждении фонда поощрения прямых частных японских капиталовложений в российскую экономику. Соучредителями фонда стали Японский банк международного сотрудничества и Российский фонд прямых инвестиций, которые инвестировали в новую структуру по 500 млн долл. Данный фонд призван привлекать прямые инвестиции в наиболее перспективные сферы российской экономики, включая сельское хозяйство, пищевую промышленность, городскую инфраструктуру, медицину³.

Большое значение японская сторона придавала вопросу о продвижении переговоров о заключении мирного договора. Руководители двух стран согласились, что ситуация, когда спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны между Россией и Японией не заключен мирный договор, является «ненормальной»⁴. Стороны выразили решимость подписать мирный договор, преодолев в рамках переговоров имеющиеся расхождения в своих позициях. Обращал на себя внимание тот факт, что в тексте заявления отсутствовало упоминание о территориальной проблеме как таковой. Японская сторона удовлетворилась тем, что заявление 2013 г. содержит отсылку к заявлению 2003 г., в котором, в свою очередь, содержится упоминание

---

² Российская газета. 30.04.2013.

³ Нихон кэйдай симбун. 30.04.2013.

⁴ http://rus.ruvr.ru/2013_04_29/Vladimir-Putin-provodit-peregovori-s-premerom-JAponii-Sindzo-Abje/

межправительственных документов 1990-х годов, признававших наличие территориального спора.

На пресс-конференции российский президент признал, что «переговоры по мирному договору остановились в последние годы». В.В. Путин отметил, что стороны договорились продолжить работу над этим сложным, но таким важным для обеих стран вопросом. С. Абэ, отвечая на вопрос японского журналиста, как долго будет продвигаться процесс в направлении мирного договора, указав на стоящие на пути решения данного вопроса трудности, сказал, что «волшебной палочки, чтобы одним взмахом все решить, в мире не существует»⁵.

В ходе визита были достигнуты договоренности, нацеленные на активизацию сотрудничества России и Японии в сфере безопасности. Было решено запустить принципиально новый для двусторонних отношений формат диалога «два плюс два» — министров иностранных дел и министров обороны. Примечательно, что Россия стала третьим партнером Японии по диалогу в подобном формате, причем первыми двумя странами являются стратегические союзники Токио — США и Австралия.

Разразившийся украинский кризис серьезно сказался на российско-японских отношениях. Япония с самого начала обострения ситуации на Украине присоединилась к инициированной Западом политике санкций против России. В марте 2014 г. Япония приостановила переговоры с РФ об упрощении визового режима, об инвестиционном сотрудничестве, о сотрудничестве в освоении космоса и о предотвращении опасной военной деятельности. В конце апреля правительство объявило о запрете на выдачу виз 23 российским чиновникам, причем список их имен так и не был обнародован. Наконец, в связи с новым обострением ситуации на Украине 5 августа было принято решение о введении дополнительных санкций, которые предполагали замораживание активов в Японии лиц и организаций, «непосредственно причастных к присоединению Крыма к России и к дестабилизации ситуации на востоке Украины». Кроме того, вслед за Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) было решено заблокировать финансирование новых проектов в России и ограничить импорт продукции из Крыма.

Первые три пакета санкций, ставившие своей целью, скорее, не наказать Россию, а продемонстрировать солидарность с Западом по украинскому вопросу, оказали тем не менее негативное влияние на экономические отношения двух стран. Так, в августе японские ком-

---

⁵ <http://www.kp.ru/daily/26070.5/2976930/>

пании не смогли принять участие в тендерах «Роснефти» на поставку нефти в Японию, поскольку японские банки, опасаясь санкций, отказали в финансировании сделок. Новое продолжение этот тренд получил с принятием Токио 24 сентября четвертого санкционного пакета, который вводил ограничения на операции с ценными бумагами Сбербанка, ВЭБ, ВТБ, Газпромбанка и Россельхозбанка. Японские санкции теперь перестали быть символическими и получили характер секторальных, затрагивая двустороннее сотрудничество в финансовой сфере.

Сфера международной безопасности

В постбиполярный период в условиях формирования новой конфигурации международных отношений Япония стала рассматривать Россию как важного партнера в мировых делах, в том числе в реализации стратегической цели повышения роли страны на международной арене, а также в интересах обеспечения стабильности и безопасности, прежде всего в наиболее чувствительном для японских интересов регионе Северо-Восточной Азии.

Для Токио при определении места России в шкале его внешнеполитических приоритетов большое значение имеет международно-политический аспект, и в первую очередь оценка ее роли в обеспечении международной безопасности. В Японии убеждены, что РФ способна внести весомый вклад в поддержание мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По мнению заместителя директора Японского института международных проблем Хидэки Асари, у России огромные возможности внести существенный вклад в защиту морских коммуникаций, предотвращение распространения оружия массового поражения (ОМП), борьбу с терроризмом, проведение спасательных операций. Большую надежду японская сторона возлагает и на потенциал России в решении северокорейской проблемы⁶.

Сотрудничеству с Россией в сфере безопасности способствовала в постбиполярный период переоценка Москвой значения японо-американского Договора безопасности. В отличие от Японии, делающей в своей политике в сфере национальной безопасности ставку на развитие военно-политического союза с США, Россия в своем подходе к региональной безопасности отдает приоритет использованию по-

---

⁶ http://www2.jiia.or.jp/en_commentary/201209/05-1.html

тенциала имеющихся в Восточной Азии многосторонних диалоговых форматов и на создание системы перекрестных гарантий безопасности, основанной на внеблоковом принципе. РФ опирается на принцип «неделимой безопасности», предполагающий обеспечение гарантий безопасности всем странам региона, а не только тем, что входят в военные альянсы. Тем не менее Россия считает, что Договор безопасности играет роль фактора, стабилизирующего международно-политическую ситуацию в Восточной Азии, способствует поддержанию регионального баланса сил и недопущению выхода новых угроз из-под контроля.

К активизации сотрудничества с Россией в сфере международной безопасности Японию подталкивает изменение ситуации в Восточной Азии. С середины 1990-х годов Токио особенно беспокоят развитие ракетно-ядерной программы КНДР, военный подъем Китая и усиление военного присутствия КНР в акваториях вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, которые Пекин считает своей территорией.

В связи с обострением ситуации, вызванным проведением Пхеньяном ядерных испытаний, Япония, даже будучи защищенной американским «ядерным зонтиком», почувствовала свою стратегическую уязвимость. Рост угрозы военного конфликта, к тому же сопряженного с риском применения ядерного оружия, вызывает огромную озабоченность не только в Японии, для которой КНДР уже давно стала своего рода «геополитической страшилкой», но и в России, имеющей с Северной Кореей общую сухопутную границу. У Москвы и Токио отсутствуют какие-либо принципиальные расхождения по вопросу урегулирования и денуклеаризации на Корейском полуострове, за исключением того, что Япония придерживается политики жесткой увязки прогресса на переговорах с Пхеньяном на различных международных площадках с проблемой «похищенных». Особую роль в росте напряженности в восточноазиатском регионе играет обострение с начала 2010-х годов японо-китайского конфликта из-за островов Сэнкаку. Хотя территориальный спор между Токио и Пекином напрямую не затрагивает Россию, она заинтересована в том, чтобы он не стал причиной открытого вооруженного столкновения. В свете этого активное развитие отношений с Москвой дает Токио возможность преодолеть психологически легко объяснимый комплекс «окруженной крепости».

Однако важным фактором является то, что Япония продолжает активно участвовать в реализации доктрины «сдерживания» Китая, военное возвышение которого рассматривается в Токио, как и в Вашингтоне, в качестве «вызова». В этой связи в Японии крайне настороженно относятся к военно-техническому сотрудничеству России и КНР,

рассматривая его как одно из средств модернизации китайской армии. Болезненно воспринимается в Токио и любая информация о контактах между оборонными ведомствами двух стран, о регулярных российско-китайских военных учениях, о долгосрочных проектах в сфере безопасности с участием двух стран, реализуемых в рамках ШОС. В докладе «Оборона Японии–2009», например, как источник озабоченности характеризовалось военное сотрудничество России и КНР, и прежде всего импорт Китаем российских истребителей Су-30, переговоры о покупке истребителей Су-33, а также сотрудничество в разработке подводных лодок класса Kilo⁷. С особой тревогой восприняли в Токио усиление российско-китайского партнерства в международных делах после начала в 2014 г. украинского кризиса. Так, солидарность, проявленную лидерами двух стран в ходе визита российского президента В.В. Путина в Китай 20–21 мая 2014 г., японская газета «Иомиури» оценила как «открытое противопоставление японо-американскому военно-политическому союзу»⁸.

Хороший уровень взаимодействия на высшем уровне позволил России и Японии наладить сотрудничество практически во всех областях, представляющих взаимный интерес. В постбиполярный период позиции Москвы и Токио по всем основным проблемам международной политики и международной безопасности близки либо полностью совпадают. Это касается ближневосточного урегулирования, иранской ядерной проблемы, ядерной проблемы на Корейском полуострове, глобальных экономических проблем, разоруженческой тематики, центральной роли ООН в решении глобальных и региональных проблем современности, вопросов безопасности морских коммуникаций, мер доверия в Восточной Азии, борьбы с терроризмом и киберпреступностью и т.д. Между двумя странами налажена тесная координация в ООН, а также на таких «площадках», как Региональный форум АСЕАН и шестисторонние переговоры.

Россия и Япония регулярно обмениваются мнениями и согласовывают свои позиции о ходе урегулирования на Корейском полуострове, участниками которого они являются. На стабильные рельсы поставлен диалог по Афганистану, поддерживаются контакты по проблематике ближневосточного урегулирования. Стороны активно сотрудничают в решении проблемы ликвидации оружия массового поражения и т.д.

Много внимания партнеры уделяют вопросам взаимодействия в международных организациях, как региональных, так и глобальных. Японии поддержала вступление России в АТЭС на саммите этой ор-

---

⁷ http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2009/Part1-chap2.pdf

⁸ Иомиури симбун. 23.08.2014.

ганизации в Ванкувере в 1997 г., а в 2010 г. — в Восточноазиатский саммит. В свою очередь, Россия с пониманием относится к поставленной Японией стратегической цели повысить свой статус в ООН до уровня постоянного члена Совета Безопасности.

Значимым явлением в двусторонних отношениях стало налаживание контактов между оборонными и правоохранительными органами двух стран, что было немыслимо в эпоху холодной войны. С 1997 г. из аналитических прогнозов Управления национальной обороны (УНО) Японии снят тезис о «потенциальной угрозе со стороны России». За короткий срок российско-японские связи по военной линии, начавшись фактически с «нуля», достигли уровня, при котором стало возможным участие кораблей военно-морских Сил самообороны Японии в учениях Тихоокеанского флота России. Регулярно стали проводиться совместные учения по поиску и спасению на море с участием кораблей и авиации двух стран. В 1999 г. между Министерством обороны России и УНО был подписан Меморандум о развитии диалога и контактов, в котором закрепляется договоренность осуществлять интенсивные регулярные контакты на всех уровнях и в самых разных формах. Ранее японская сторона подписывала документы такого рода только с США — своим стратегическим военным союзником.

Поддерживаются устойчивые связи между погранслужбой России и японским Управлением безопасности на море, включая взаимодействие в преследовании браконьерских судов и судов-нарушителей, а также совместные учения по спасению на море. Налажены обмены между правоохранительными и таможенными службами.

В 2000-е годы Россия и Япония стали союзниками-партнерами по антитеррористической коалиции. Проводятся соответствующие двусторонние консультации, осуществляется совместное противодействие наркоугрозе, исходящей из Афганистана. На базе центра МВД России в Домодедове стороны организовали подготовку местных кадров для правоохранительных органов Афганистана, ведущих борьбу с наркоугрозой.

1 ноября 2013 г. в Токио состоялась российско-японская встреча министров иностранных дел и обороны в формате «два плюс два». Важной целью сторон стало налаживание каналов связи, а в перспективе — и стратегического диалога по вопросам военной безопасности. На встрече обсуждался вопрос о сотрудничестве в деле противостояния «новым угрозам» — международному терроризму, пиратству, незаконной торговле оружием. Была достигнута конкретная договоренность о проведении совместных учений по противодействию терроризму и пиратству.

Связи в сфере культуры, науки и образования

Активно развивались в 1990–2010-е годы обмена в области культуры. С первой половины 1990-х годов в России регулярно проводятся фестивали «Японская весна» и «Японская осень», а с 2006 г. в Японии — ежегодный фестиваль российской культуры, призванный знакомить японцев с национальными традициями народов России. Программы последнего включают выступления балетных и цирковых трупп, выставки живописи и детского рисунка, концерты известных хоровых коллективов и ансамблей русской песни, демонстрацию современных и старых фильмов.

Важным направлением японо-российского сотрудничества является сфера науки и образования. Между учреждениями Российской академии наук и научными и научно-образовательными центрами Японии продолжают существовать научные связи, многие из которых были установлены еще в советское время. Заметно активизировались и контакты между вузами двух стран.

История межвузовских контактов насчитывает уже почти 40 лет: в начале 1970-х годов был подписан первый протокол о сотрудничестве между МГУ им. М.В. Ломоносова и университетом Токай. В постбиполярный период связи с японскими вузами установили не только центральные, но и региональные университеты России. Так, например, Томский и Оренбургский университеты подписали протоколы о сотрудничестве с Хиросимским университетом, Рязанский университет наладил партнерские отношения с университетами Нагоя и Тояма. Крепкие связи с Японией имеют дальневосточные вузы России, и в первую очередь Дальневосточный и Камчатский государственные университеты. ДВГУ не только установил побратимские отношения с рядом японских вузов, но и открыл свое отделение в г. Хакодате. Межвузовские контакты предусматривают проведение совместных научных исследований, международных конференций и семинаров, обмен преподавателями и научными сотрудниками, взаимные стажировки студентов и аспирантов, иные формы студенческого обмена, примером которого является, в частности, российско-японский студенческий форум.

В апреле 2009 г. встречей ректоров ведущих университетов России и Японии в рамках официального визита главы правительства Российской Федерации В.В. Путина в Токио начался диалог в области высшего образования, научных исследований и культуры. За пять лет состоялись четыре форума ректоров России и Японии, в ходе которых

представители российских и японских университетов выступали с презентациями своих учебных заведений и обсуждали вопросы укрепления и развития сотрудничества. В мероприятиях принимали участие представители министерств образования и науки, а также знаковые общественно-политические деятели двух стран.

Межуниверситетский обмен, равно как и контакты между молодежью в целом, опирается на прочную нормативно-правовую базу, заложенную на межправительственном уровне. Так, в июле 2002 г. вступило в силу Соглашение о культурных связях между Россией и Японией, в котором сфера образования является одной из приоритетных. В марте 1999 г. правительства двух стран подписали рамочное Соглашение о создании российско-японской комиссии по молодежным обменам, ставящее своей целью организацию ознакомительных поездок молодежи и проведение молодежных форумов. Хорошим опытом обмена в образовательной сфере стали также стажировки управленческих кадров предприятий и государственных служащих Российской Федерации в японском центре технического содействия и в его филиалах, проводимые в рамках утвержденной в 1997 г. Программы подготовки управленческих кадров («План Ельцина–Хасимото»).

Десятки российских студентов получили стипендии Министерства образования и науки Японии и прошли благодаря этой программе обучение в японских вузах. Многие делается в этом направлении и Японским фондом (правительственным агентством на правах «особого юридического лица»), который предоставляет возможности аспирантам и молодым научным работникам из России проходить стажировки в японских университетах с целью обучения и сбора материала для научной работы.

Торгово-экономические отношения

Правовой базой торгово-экономических отношений России и Японии является советско-японский Торговый договор от 6 декабря 1957 г., согласно которому стороны предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования. Срок его действия продлевается автоматически.

После распада СССР в двусторонних торгово-экономических отношениях наблюдался кризис, вызванный экономическими трудностями в России, а также тем обстоятельством, что после отмены монополии внешней торговли основными субъектами внешнеэкономи-

ческой деятельности с российской стороны стали частные компании, не имевшие опыта заключения торговых сделок и нередко нарушавшие финансовые и иные условия контрактов. Ситуация осложнялась отсутствием в России надежных правовых гарантий для иностранных инвесторов, а также негативными прецедентами (несколько японских компаний пострадали от пристрастных, по их мнению, решений российских судов). Резко сократились двусторонний товарооборот (по данным японской таможенной статистики, в 1992 г. на 36% по сравнению с 1991 г.⁹) и приток японских инвестиций.

В ходе визита Б. Ельцина в Японию в октябре 1993 г. был подписан ряд основополагающих документов в сфере торгово-экономических отношений, в частности Декларация о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений, Меморандум об оказании Японией содействия ускорению реформ в РФ, Меморандум об оказании экстренной гуманитарной помощи и др. В ноябре 1994 г. Россия и Япония подписали Меморандум об учреждении российско-японской Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам (МПК), в июле 1995 г. — Меморандум о деятельности МПК.

В ноябре 1997 г. во время российско-японской встречи на высшем уровне в Красноярске сторонами был одобрен «План Ельцина–Хасимото», которым предусматривалось расширение инвестиционного сотрудничества, меры по содействию реформам в Российской Федерации и интеграции российской экономики в международную экономическую систему, укрепление сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях, сотрудничество в освоении космического пространства.

В сентябре 2000 г. президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе своего официального визита в Японию подписал с премьер-министром Японии Ё. Мори Программу углубления сотрудничества в торгово-экономической области между Российской Федерацией и Японией, содержащую конкретные меры по углублению и расширению «Плана Ельцина–Хасимото». Одновременно был подписан меморандум о создании на территории России японских центров по техническому содействию проводимым в Российской Федерации реформам.

Товарооборот между двумя странами стал особенно активно расти с начала 2000-х годов, когда на фоне увеличения мировых цен на энергоресурсы в России наблюдался экономический бум. С 2003 по 2007 г. экспорт из России в Японию вырос в 3 раза, импорт из Японии — почти в 7 раз. В 2012 г. торговый оборот достиг рекордной

---

⁹ Коммерсант. 05.06.1993.

отметки в 31,2 млрд долл.: экспорт из России в Японию составил 15,5 млрд долл., импорт — 15,7 млрд долл.¹⁰.

Тем не менее значение как России для Японии, так и Японии для России в их торговых связях, остается стабильно низким. Например, доля Японии в российском экспорте составляла в 2000-е годы не более 1,5–2%, в импорте — не более 6%. Что касается удельного веса России в японском торговом балансе, он никогда не превышал 1–2%. В 2012 г. среди торговых партнеров Японии Россия занимала 15-е место, в то время как Япония для России была 8-й¹¹.

Структура торговли не претерпевает существенных изменений на протяжении многих лет. Россия выступает преимущественно как поставщик сырья, а Япония закупает у нее главным образом энергоресурсы, цветные металлы, морепродукты и древесину. Согласно японской таможенной статистике, в 2012 г. в российском экспорте в Японию первое место занимала нефть (35,1% стоимости), далее следовали СПГ (29,8%), цветные металлы (9,1%), уголь (8,6%) и морепродукты (7,3%)¹². Таким образом, доля указанных товаров превышала 90% всего российского экспорта в Японию.

После аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. доминирующей тенденцией в торговых отношениях стал ускоренный рост вывоза из РФ нефти и газа, стоимость которых составила половину экспорта. В 2012 г. Россия заняла 6-е место среди стран-поставщиков нефти в Японию (4,8% в общем объеме ее импорта нефти) и 4-е — среди поставщиков СПГ (8,2%)¹³. Последнее особенно примечательно, если учесть, что до 2009 г. Россия вообще не поставляла в Японию СПГ.

Что касается российского импорта из Японии, следует отметить низкую долю современного промышленного оборудования и другой техники, необходимой для модернизации промышленности России. В основном импортируются потребительские товары, в первую очередь легковые автомобили. Следует учесть, что значительная часть товаров под брендами японских торговых марок, особенно производителей бытовой техники и автомобилей, поставляется в европейскую часть России не из Японии, а из филиалов японских компаний в третьих странах и потому не учитывается таможенной статистикой в качестве двусторонней торговли.

Российские поставки нефти и газа позволяют Токио диверсифицировать географию поставщиков и тем самым повысить уровень на-

---

¹⁰ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Японией.

¹¹ Там же.

¹² Тай Росиа сюё юнохин-но суйи.

¹³ Нихон-но экитай тэннэн гасу юно аэтэоку дзёи дзюккаоку-но суйи.

циональной энергетической безопасности. В начале 2010-х годов доля российских энергоносителей на японском рынке составляла около 10% и, бесспорно, будет расти. В то же время Токио рассматривает Россию как важного, но не единственного партнера. Российские энергетические и иные ресурсы продаются по мировым ценам в рамках глобальных рынков и не имеют какой-либо специфической «японской ориентации», при их прекращении Япония легко может заменить их поставками из других стран. Например, при необходимости может быть увеличен импорт энергоносителей с Ближнего и Среднего Востока либо Юго-Восточной Азии.

Не играет Россия, в отличие от Китая, и роли «локомотива» экономического роста Японии: российский потребительский бум, приведший к массовому импорту из Японии, носил отчетливо выраженный конъюнктурный характер. После начала в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса японские поставки в Россию потребительских товаров, и прежде всего автомобилей, существенно сократились. В результате структура двусторонней торговли приобрела еще большую несбалансированность. Основная проблема российско-японских торговых отношений заключается в том, между Россией и Японией отсутствует достаточный уровень взаимозависимости, который бы позволил говорить о взаимной дополняемости экономик двух стран и привязке партнеров друг к другу.

Активно развивалось в 1990-е — первой половине 2010-х годов японо-российское инвестиционное сотрудничество. Важнейшей частью организационно-правовой базы инвестиционного взаимодействия между двумя странами является Соглашение о поощрении и защите инвестиций, которое было подписано в ноябре 1998 г. во время официального визита в Россию премьер-министра Японии К. Обути.

После аварии на АЭС «Фукусима-1» Япония стала придавать особое значение России как перспективному инвестиционному партнеру в свете переориентации энергетических потребностей страны в сторону углеводородного топлива. Кроме того, в Японии хорошо представляют себе негативные последствия от неминуемого ужесточения конкуренции в Восточной Азии за энергетические источники, связанного с долгосрочным ростом энергетических потребностей Индии и Китая. Волнует Японию и уязвимость транспортно-коммуникационных артерий, по которым осуществляются эти поставки в Японию: подавляющая их часть проходит через районы с высоким уровнем военно-политической напряженности.

На этом фоне преобладающее значение в отраслевой структуре японских инвестиций в России имеет сфера энергетики. Наибольшую

известность получили проекты разработки шельфовых месторождений нефти и газа на Сахалине («Сахалинские проекты»), начало которым было положено еще в 1970-е годы. С 2006 г. Россия поставляет в Японию сахалинскую нефть, а с конца 2012 г., когда было завершено строительство второй очереди нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), в Японию стала экспортироваться нефть из наиболее перспективных месторождений Восточной Сибири.

В Токио крайне нервно воспринимают шаги Москвы, открывающие доступ Китаю к российским месторождениям нефти и газа в Сибири и на Дальнем Востоке. Япония «не в восторге» от строительства дацинской ветки строящегося нефтепровода ВСТО, с настороженностью восприняла заключение в феврале 2009 г. российско-китайского контракта на поставку в КНР 300 млн т нефти в течение 20 лет, а также подписание в мае 2014 г. 30-летнего контракта на поставки российского газа в объеме 38 млрд куб. м в год.

В феврале 2009 г. на юге Сахалина заработал завод по сжижению газа, построенный при инвестиционной и технологической помощи Японии, производительностью 10 млн т СПГ в год. До 60% производимого им газа поставляется в Японию. В 2013 г. было достигнуто соглашение о строительстве нового завода по производству СПГ под Владивостоком, которое намечается завершить к 2018 г.

Инвестиционное сотрудничество не ограничивается сырьевыми ресурсами. Японские компании стали проявлять интерес к таким областям, как оптово-розничная торговля, лесная и деревообрабатывающая промышленность, автомобилестроение и производство автокомпонентов. В конце 2007 г. японская компания «Тойота» построила под Санкт-Петербургом первый в России автосборочный завод, после чего к строительству собственных сборочных мощностей в России приступили все основные автопроизводители Японии. Как ожидается, продукция этих предприятий найдет спрос не только в России, но и на глобальных рынках в целом. В связи с приходом в Россию крупнейших японских производителей на российские рынки выдвинулись и ведущие кредитно-финансовые учреждения Японии, включая банки «Токио-Мицубиси-UFJ», «Мидзухо», инвестиционные компании «Номурасёкэн», «Дайва сёкэн» и др.

Успешным был целый ряд взаимовыгодных проектов экономического сотрудничества и в иных высокотехнологичных областях. Таковым можно назвать, в частности, проект прокладки оптоволоконного кабеля по морскому дну между Россией и Японией, реализованный в 2008 г. российской и японской телекоммуникационными компаниями «Транстелеком» и NEC. Россия получила ощутимые преимущест-

ва от данного проекта за счет доступа к японским информационным и телекоммуникационным технологиям, Япония — за счет обеспечения более дешевого, качественного и надежного информационного трафика в Европу.

Усилению инвестиционной активности японского бизнеса в России немало способствует активная позиция японского правительства. В 2007 г. во время встречи «Большой восьмерки» в Хайлигендамме оно выступило с инициативой о налаживании японо-российского взаимодействия в регионах российского Дальнего Востока и Восточной Сибири по восьми направлениям: энергетика, транспорт, связь, охрана окружающей среды, здравоохранение и медицина, совершенствование торгово-инвестиционного климата, развитие межрегиональных обменов.

Однако в целом капиталовложения из Японии остаются на низком уровне в общем объеме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в России. В июне 2013 г. объем японских накопленных инвестиций в России составил 10,5 млрд долл., или 2,8% от общего объема ПИИ (10-е место в списке зарубежных стран-инвесторов)¹⁴. Подавляющая часть капиталовложений аккумулирована в области добычи нефти и нефтепереработки. Россия по-прежнему занимает весьма скромное место в японских ПИИ. Например, в 2012 г. Япония инвестировала в Россию лишь 0,76 млрд долл., тогда как в США — 31,78 млрд долл., в Китай — 13,48 млрд, в Южную Корею — 4 млрд, в Индию — 2,8 млрд долл.¹⁵. Между тем ПИИ являются наиболее эффективной формой инвестиций, поскольку они приносят с собой новые технологии и передовые методы управления.

Россия постепенно стала важным элементом логистических схем японских компаний. Япония с большой готовностью идет на капиталовложения в модернизацию инфраструктуры на российском Дальнем Востоке, поскольку прямым или косвенным образом они стимулируют ее собственную экономику. Что касается России, то она заинтересована главным образом не в капиталовложениях как таковых, а в получении передовых японских технологий (в таких областях, как транспортировка нефти и газа, высокоскоростные железные дороги, энергосбережение, экология, медицина, атомная энергетика и пр.).

В целом структура экономических связей с Японией не вполне отвечает потребностям инновационного развития России. Токио по-прежнему рассматривает Россию в основном как сырьевой придаток

---

¹⁴ Объем накопленных иностранных инвестиций в экономике России по основным странам-инвесторам.

¹⁵ Тёкусэцу тоси токэй.

региональной экономики. Между нашими странами не формируются логистические цепочки, которые бы создавали отношения взаимозависимости в экономической области, подобные тем, что возникают у Японии, например, с КНР и странами АСЕАН, позволяя образовать единый экономический механизм. Участие Японии в интеграционных процессах в Восточной Азии проходит преимущественно в рамках внутрисекторальной интеграции: низкотехнологичные и трудозатратные производственные процессы выносятся за пределы Японии в те страны, где существуют наиболее адекватные условия для их размещения. Россия же (и прежде всего ее восточные регионы), не обладая необходимой инфраструктурой и иными логистическими возможностями, а также дешевой рабочей силой, не имеет в этом отношении каких-либо конкурентных преимуществ¹⁶.

В глазах Токио большое значение имеет также тот факт, что участие России в экономической жизни Восточной Азии носит откровенно пассивный характер. В частности, РФ не заключает с зарубежными партнерами соглашения о свободной торговле и об экономическом партнерстве, представляющие собой «столбовую дорожку» восточно-азиатской экономической интеграции. Слабая роль России во внутрирегиональных контактах, ее неготовность полностью открывать свои рынки и идти на ССТ и СЭП подрывают потенциальные возможности и для развития двусторонних связей с Японией. В последние годы Токио отдает приоритет в экономическом сотрудничестве тем государствам, которые имеют хороший багаж соглашений о свободной торговле и экономическом партнерстве с максимально дифференцированным составом участников, поскольку активно использует эти соглашения для выхода на рынки третьих стран. На государства, с которыми Японией уже подписаны или вступили в силу соглашения об экономическом партнерстве, приходится около трети всего объема ее внешней торговли.

Проблема территориального размежевания

Территориальная проблема в отношениях между Россией и Японией связана с тем, что две страны так и не подписали по итогам Второй мировой войны договор или иной юридический документ, который бы зафиксировал взаимно согласованную линию территориаль-

---

¹⁶ Подробнее см.: *Караиванов А.А.* Проблемы и перспективы торговых отношений между Россией и Японией в начале XXI в. С. 84–85.

ного размежевания. В позициях Японии и России по данной проблеме имеются принципиальные различия, касающиеся сути территориального спора, его объекта, а также методов и перспектив его решения.

Япония считает, что территориальная проблема возникла вследствие действий Советского Союза в период Второй мировой войны. Как полагает японская сторона, в период с 28 августа по 5 сентября 1945 г., т.е. уже после принятия Японией Потсдамской декларации, советские войска захватили острова Южно-Курильской гряды — Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хабомаи, которые впоследствии были без законных на то оснований включены в состав СССР. Их общая площадь равна 3,036 кв. км, население на тот момент составляло 17 291 человек¹⁷. Все жители островов были репатрированы в Японию в 1945–1947 гг. В Японии эти острова, ставшие объектом ее территориальных претензий, были объединены в послевоенный период в понятие «северные территории», которое продолжает активно использоваться в официальных документах японского правительства.

В свою очередь, Россия признает, что между двумя странами по итогам Второй мировой войны сохраняется нерешенная проблема территориального размежевания. Поскольку Советский Союз в 1951 г. не подписал Сан-Францисский мирный договор, данную проблему в понимании России следует решать путем заключения двустороннего мирного договора, призванного урегулировать отношения двух стран.

Особый смысл приобрела территориальная проблема после 1977 г., когда в мире были введены 200-мильные особые экономические зоны. В такую зону вокруг островов попала акватория площадью примерно в 200 тыс. кв. км, богатая рыбными и иными морскими ресурсами. Одна из причин такого богатства — апвеллинг (место повышенной турбуленции воды, где теплое морское течение встречается с холодным).

Позиции сторон принципиальным образом расходятся в отношении как исторических, так и юридических аспектов территориального спора.

Предыстория (до Второй мировой войны)

Каждая из сторон настаивает на своем приоритете в открытии и освоении островов. Не вызывает сомнения, что Южные Курилы были впервые открыты и нанесены на карту экспедицией голландского мореплавателя де Фриза в 1643 г. Впрочем, Голландия своих претензий на эти территории никогда не предъявляла.

---

¹⁷ <http://www.asahi.com/international/history/chapter09/memory/01.html>

Япония полагает, что она начала проникновение на север раньше России, установив торговые отношения с проживавшими на Курилах айну еще в первой половине XVII в. Согласно историческим хроникам княжества Мацумаэ «Синра-но кироку», в 1615 г. князь Мацумаэ преподнес сёгуну Токугава шкуру морской выдры, полученную от айну, проживавших в районе Мэнаси (к востоку от Японии)¹⁸. Впервые в Японии острова Курильской гряды (38 островов к северо-востоку от полуострова Сирэтоко и мыса Носаппу) с айнскими названиями (Эторофу, Кунасири, Уруфу и т.д.) были обозначены в 1644 г. на «карте эпохи Сёхо». Однако многие эксперты указывают, что речь идет об установлении первых торговых контактов с айну, которые проживали на Курилах, самих же японцев на этих территориях тогда еще не было. На «карте эпохи Сёхо» эти острова были обозначены крайне схематично и без каких-либо деталей. Особенности изображения островов на карте свидетельствуют о том, что нанесены они были на карту лишь по описанию айну и что обозначены они как территории «за пределами Японии» (*гайми*).

Что касается России, то первое научное описание островов Южно-Курильской гряды и их картографическое отображение были сделаны в ходе экспедиций российского мореплавателя Мартина Шпанберга в 1737, 1739 и 1742 гг., хотя русские казаки, купцы и православные миссионеры навещали эти острова в более ранний период. В середине XVIII в. Россия неоднократно направляла на острова различные экспедиции и предпринимала шаги, чтобы обложить проживавших на островах айну ясаком и обратить их в православие. Подписанным Екатериной II в 1779 г. указом айну, которых императрица считала российскими подданными, освобождались от налогов и податей. В декабре 1786 г. она издала указ, предписывавший принять меры для сохранения российских прав на Курильские острова, в том числе дальние (т.е. Южные), а в случае обнаружения на них иностранцев — выдворить их, при необходимости применяя силу¹⁹. На карте Иркутского наместничества, напечатанной в Санкт-Петербурге в 1796 г., острова Итуруп, Кунашир и Шикотан закрашены в цвет российской территории²⁰.

В середине XVIII в. торговую деятельность развивали на Курилах и японцы, которые основали ряд факторий для торговли с курильскими айну, например на Кунашире и в Аккэси (Хоккайдо). В 1786 г. была предпринята крупная военная экспедиция на Южные Курилы во

¹⁸ <http://www.pref.hokkaido.lg.jp/sm/hrt/hp-en/hist-en.htm>

¹⁹ Лужков Ю.М., Титов И.Б. Курильский синдром. С. 41.

²⁰ Время новостей. 04.02.2010.

главе с картографом Могами Токунаи, которая высадилась на Итуруп. По признанию японского историка С. Накамура, к моменту ее прибытия многие айну, которые к этому времени уже познакомились с русскими, «свободно владели русским языком и могли даже быть переводчиками»²¹. Тогда же было взято в плен несколько проживавших на острове русских поселенцев, включая Семена Тимофеевича Извозова. Последнего отправили на о-в Уруп, чтобы он доставил письменное извещение о том, что Итуруп является японской территорией и русским запрещается появляться на нем²².

В 1798 г. на Итуруп прибыла миссия во главе с чиновником из Эдо Морисигэ Кондо, которая срыла там русские пограничные знаки. Тогда же сёгунское правительство направило на Кунашир и Итуруп военную экспедицию, укомплектованную самураями княжеств Намбу и Цугару, которая поставила на островах военные заставы и японские пограничные столбы²³.

В 1806–1807 гг. российские офицеры Г.И. Давыдов и Н.А. Хвостов в отместку за отказ японского правительства заключить с Россией договор об установлении торговых отношений совершили набег и разграбили японские фактории на островах Итуруп и Сахалин. Следует отметить, что действия офицеров не были санкционированы Санкт-Петербургом, а сами они были наказаны за самоуправство — Александр I лично отказал им в наградах за героизм, проявленный в ходе русско-шведской войны 1808–1809 гг. Между тем японцы, продолжая пребывать в уверенности, что набег на Кунашир был одобрен российскими властями, захватили в 1811 г. на Кунашире капитана Василия Головнина, возглавлявшего исследовательскую экспедицию, и в течение двух лет держали его в плену.

Обеими сторонами не подвергается сомнению тот факт, что автохтонным населением Кунашира и Итурупа является народность айну. Вплоть до начала XVIII в. здесь на постоянной основе не проживали ни русские, ни японцы, а систематическое освоение этих территорий ни одна из двух стран не производила. В этой связи некорректно говорить о том, что данные территории являются «исконными» как для России, так и для Японии.

Никакие договоры и иные юридические документы с участием Японии, России и других государств, касающиеся принадлежности Курильских островов, до середины XIX в. не заключались и не подписывались. И Россия и Япония выдвигают исторические аргу-

---

²¹ Накамура Синтаро. С. 76.

²² Курилы — острова в океане проблем. С. 19.

²³ Там же.

менты, доказывающие приоритет той или иной стороны в открытии и освоении островов. Однако для решения проблемы территориального размежевания эти аргументы, по всей видимости, не могут служить прочной основой. Они имеют главным образом пропагандистский эффект, оказывая моральное воздействие на общественное мнение.

По первому договору о границе, заключенному между Россией и Японией 7 февраля 1855 г. вице-адмиралом Евфимием Путягиным и Тосиакира Кавадзи (Симодский трактат), граница проходила между островами Итуруп и Уруп. Иными словами, четыре острова, ставшие в послевоенный период объектом территориального спора, признавались японской территорией. Трактатом определялось также, что остров Сахалин остается неразделенным, т.е. является совместным владением двух стран.

В дальнейшем граница между двумя странами неоднократно изменялась. Так, согласно Санкт-Петербургскому договору 1875 г., Япония отказалась от прав на Сахалин, получив взамен всю гряду из 18 Курильских островов, тянущуюся вплоть до Камчатки.

Санкт-Петербургский договор в японской историографии известен как «договор об обмене». В России данный термин не используется по той причине, что в реальности Сахалин на тот момент и так фактически полностью находился под российским административным контролем. Политика Японии по колонизации острова была неуспешной: немногочисленные японские поселения находились лишь на юге острова, и Япония не имела на тот момент серьезных планов наращивания своего присутствия на Сахалине. Поэтому фактически речь шла о передаче Россией Японии Курильских островов, и официальное признание российских прав на Сахалин интересов японской стороны ни в чем не ущемляло. Данный договор был заключен полностью на добровольной основе и является примером решения вопроса в духе добрососедства и взаимоуважения сторон.

Положения договора 1875 г. о границе были подтверждены Трактатом о торговле и мореплавании 1895 г. Этим же трактатом договор 1855 г. признавался утратившим силу.

После Второй мировой войны Япония обосновывала свою позицию по территориальной проблеме ссылками на Симодский трактат, указывая на то обстоятельство, что он является первым в истории договором пограничного размежевания с Россией, а потому его положения имеют приоритетное значение по отношению ко всем последующим соглашениям. В опровержение этого довода российская сторона приводит исторические факты, связанные с заключением Портсмут-

ского мира по итогам Русско-японской войны. Согласно подписанному 5 сентября 1905 г. договору, Россия уступила Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель. В ходе переговоров российские представители обратили внимание японской стороны, что такая уступка нарушает ранее заключенные договоры. В ответ на эти возражения японский представитель Дзютаро Комура заявил: «Война перечеркивает все договоры». По инициативе японской стороны в приложения к протоколам Портсмутского мирного договора было включено положение о том, что прежние договоры Японии с Россией аннулируются. Указав на то, что границы должны отражать сложившийся по итогам войны статус-кво, Япония тем самым сама же отвергла возможность ссылаться на дальнейших переговорах о пограничном размежевании на первый договор о границах.

Заключенной 20 января 1925 г. в Пекине Советско-японской конвенцией об основных принципах взаимоотношений (Пекинская конвенция) подтверждалась действительность положений Портсмутского договора 1905 г. Вместе с тем в специальной декларации, которую Советское правительство огласило при подписании договора, говорилось о том, что «признание... действительности Портсмутского договора... никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора»²⁴.

Ялтинско-потсдамская система международных отношений

В своем нынешнем виде проблема территориального размежевания возникла вследствие Второй мировой войны и является одним из неурегулированных вопросов, касающихся ее итогов. В этой связи имеет смысл подробнее остановиться на исторических и юридических обстоятельствах появления данной проблемы, а именно — обстоятельствах вступления СССР в войну с Японией.

13 апреля 1941 г. СССР подписал с Японией Пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Согласно ст. 2, стороны брали на себя обязанность соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта, «в случае если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав». Пактом устанавливалось, что при намерении выйти из пакта каждая из сторон обязана информировать партнера минимум за год до окончания его действия.

---

²⁴ Цит. по: История внешней политики СССР.

7 декабря 1941 г. японская эскадра, вышедшая с острова Итуруп Южно-Курильской гряды, совершила нападение на Пёрл-Харбор — военную базу США, которые являлись на тот момент союзником СССР по антигитлеровской коалиции. Будучи союзником нацистской Германии, милитаристская Япония в период Второй мировой войны вынашивала планы нападения на Советский Союз. Например, 19 января 1942 г. Япония достигла с Германией и Италией соглашения, согласно которому граница между сферами ответственности Японии и Германии в случае советско-японской войны должна была проходить по 70-му градусу восточной долготы (меридиан г. Омска)²⁵.

В апреле 1945 г., т.е. за год до окончания действия пакта, Советский Союз уведомил Японию о своем намерении не продлевать срок его действия. 9 августа того же года, т.е. в период, когда договор еще сохранял свою силу, СССР объявил войну Японии. В связи с тем, что пакт на тот момент продолжал действовать, японская сторона считает действия СССР неправомерными, а последовавшую за этим оккупацию Курильских островов, принадлежавших тогда Японии на основании международных договоров, — актом агрессии.

По вопросу о нарушении Пакта о нейтралитете российская позиция заключается в том, что СССР объявил войну Японии на основании своих союзнических обязательств, вытекающих из договоренностей между СССР, США и Великобританией, заключенных в Ялте в феврале 1945 г. Юридической базой для вступления СССР в войну являются положения Устава ООН, который был подписан 26 июня 1945 г. пятьюдесятью двумя странами и ратифицирован СССР в июле 1945 г. Позднее сама Япония одобрила Устав ООН при вступлении в эту организацию.

В частности, в ст. 107 Устава ООН говорится: «Настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям»²⁶. Иными словами, СССР получил в соответствии с Уставом ООН право на любые, в том числе военные, действия в отношении Японии, которая относилась к категории «вражеских государств».

Кроме того, СССР действовал на основании статьи 103 Устава ООН, гласившей: «В том случае, когда обязательства членов Органи-

---

²⁵ Кошкин А.А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски.

²⁶ <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter17.shtml>

зации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по данному Уставу»²⁷. Таким образом, в соответствии с Уставом ООН обязательства СССР по отношению к союзникам приобрели приоритет перед его обязательствами и по Пакту о нейтралитете. Хотя Устав ООН вступил в силу только 24 октября 1945 г., его положения, касающиеся обязательств стран-подписантов в отношении их совместных действий против «вражеских государств» (т.е. Японии), начинали действовать немедленно после подписания Устава.

Япония в обоснование своей позиции ссылается также на два документа: Атлантическую хартию и Каирскую декларацию. Англо-американская Атлантическая хартия, подписанная 14 августа 1941 г., содержит положение о том, что «США и Великобритания не стремятся к территориальным и иным приобретениям» и «не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»²⁸. 24 сентября 1941 г. к хартии присоединился Советский Союз. Каирская декларация была принята 27 ноября 1943 г. на конференции с участием США, Великобритании и Китая. В ней утверждается, что союзники «не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии», а их цель — изгнать Японию с территорий, «которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»²⁹. СССР присоединился к Каирской декларации 8 августа 1945 г. Позиция Японии заключается в том, что, присоединив Южно-Курильские острова, СССР дезавуировал принцип нерасширения территории и нарушил тем самым указанные обязательства. Японская сторона утверждает, что, поскольку в Потсдамской декларации (часть первая п. 8) говорится о необходимости соблюдения условий Каирской декларации, провозглашенный в последней принцип отказа от территориальной экспансии должен был служить основой и при заключении мирного договора³⁰. Однако, как указывал проф. Х. Вада, при подготовке Сан-Францисского мирного договора авторы проекта, говоря о его исходных положениях, всегда ссылались только на вторую часть п. 8 Потсдамской декларации и о Каирской декларации не упоминали³¹.

²⁷ <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter16.shtml>

²⁸ <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/atlanticheskaya-hartiya.php>

²⁹ http://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryu/01/002_46/002_46tx.html

³⁰ Хоппо рёдо кэйи. Дайёэнхан.

³¹ См.: Курилы — острова в океане проблем. С. 280.

Крупным международным событием периода Второй мировой войны, имеющим непосредственное отношение к проблеме Южных Курил, является Ялтинская конференция, прошедшая в феврале 1945 г. Согласно подписанному 11 февраля 1945 г. соглашению между СССР, США и Великобританией, Советский Союз брал на себя обязательство вступить в войну против милитаристской Японии «через два-три месяца после окончания войны в Европе при условии сохранения существующего статус-кво Монгольской Народной Республики, восстановления принадлежавших России прав, нарушенных в результате русско-японской войны 1904–1905 гг., а также передачи Советскому Союзу Курильских островов»³². Переход указанных территорий под юрисдикцию Советского Союза должен был «безусловно» состояться «после победы над Японией».

Японская сторона, в дальнейшем оспаривая достигнутые в Ялте договоренности, утверждала, что не считает их обязательными для себя, поскольку не являлась их участницей и не была о них информирована. Позиция России состоит в том, что Япония как страна-агрессор, против которой собственно и заключались ялтинские соглашения, никоим образом не могла участвовать в совещании союзников, цель которого заключалась в скорейшем завершении Второй мировой войны, а передача Советскому Союзу Курил является актом возмездия за проводившуюся Японией в годы Второй мировой войны агрессивную политику.

Следует учитывать, что США и Великобритания в своей интерпретации ялтинских договоренностей, касающихся передачи СССР Курильских островов, в дальнейшем заявили, что эти договоренности не являются юридическим актом прямого действия и должны быть реализованы в ходе мирного урегулирования, которое бы позволило обеспечить международно-правовое оформление новых границ. В 1956 г. эта позиция была отражена в памятной записке Государственного департамента Министерства иностранных дел Японии.

26 июля 1945 г. страны-союзницы приняли Потсдамскую декларацию, в п. 8 которой было указано, что при капитуляции милитаристской Японии «условия Каирской декларации будут выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, которые мы укажем»³³. Япония 15 августа 1945 г. приняла условия Потсдамской декларации и таким образом согласилась с тем, что ее границы будут установлены державами-победительницами. Вместе с тем в Потсдамской дек-

---

³² http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim19.htm

³³ Курилы — острова в океане проблем. С. 143.

ларации отсутствовали какие-либо упоминания о положениях ялтинских соглашений, касающихся Японии.

14 августа 1945 г. президент США Г. Трумэн утвердил «Общий приказ № 1», касающийся линии разграничения между советскими и американскими войсками зон капитуляции японских вооруженных сил. Однако вопрос о Курилах в нем оставался открытым. В ответ на письмо И.В. Сталина с предложением включить в советскую зону все Курильские острова, которые по решению ялтинской конференции передаются во владение СССР, Г. Трумэн 18 августа подтвердил согласие на это американской стороны³⁴. «Отвечая на Ваше послание от 18 августа, я выражаю согласие с Вашей просьбой изменить „Общий приказ № 1“ с тем, чтобы включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке»³⁵, — отметил Г. Трумэн.

18 августа советские войска приступили к десантной операции против японского гарнизона на острове Шумшу. Японская сторона в дальнейшем высказывала претензии, что в противоположность Соединенным Штатам, которые отдали приказ о прекращении военных действий одновременно с оглашением рескрипта императора об окончании войны 15 августа 1945 г., Советский Союз начал боевую операцию уже после опубликования по радио указанного рескрипта³⁶. В ходе операции советские войска потеряли 416 убитыми, 123 пропавшими без вести (в основном утонули при высадке), 1028 ранеными³⁷. После подписания 23 августа командующим Курильской десантной операцией контр-адмиралом А.Р. Гнечко и командующим девятой японской дивизией генерал-лейтенантом Фусаки Цуцуми соглашения о прекращении военных действий советские войска заняли все Курильские острова вплоть до Хоккайдо и приняли на них капитуляцию японских войск.

Япония считает, что десантные операции против японского гарнизона на острове Шумшу, проведенные в период с 18 по 23 августа 1945 г., «нельзя не истолковать как намерение сделать свершившимся фактом завоевание Курильских островов как территорий, приобретенных в результате войны»³⁸. Между тем российская сторона полагает, что оккупация Курильских островов, включая операцию по ра-

---

³⁴ Сафонов В.П. Война на Тихом океане. С. 383–384.

³⁵ <http://doc20vek.ru/taxonomy/term/321>

³⁶ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. С. 64.

³⁷ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1384312>

³⁸ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. С. 65.

зоружению японских гарнизонов на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, осуществленную Первой Дальневосточной армией в период с 28 августа по 5 сентября 1945 г., производилась в полном соответствии с «Общим приказом № 1».

В директиве командующего оккупационными войсками США генерала Дугласа Макатура № 677 от 29 января 1946 г. были перечислены острова, которые в соответствии с п. 8 Потсдамской декларации изымались из-под японской юрисдикции. В числе прочих территорий в директиве указывались острова Тисима (Курильские), группа островов Хабомаи (Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу, Тараку) и остров Шикотан³⁹. Японская сторона никаких возражений против данной директивы не выдвигала.

8 сентября 1951 г. сорока девятью странами, в том числе Японией, был подписан Сан-Францисский мирный договор (далее СФМД)⁴⁰, призванный урегулировать отношения Японии со странами-победительницами во Второй мировой войне. Участвовавший в Сан-Францисской мирной конференции Советский Союз не подписал СФМД, во многом из солидарности со своим стратегическим союзником — Китайской Народной Республикой, которая не была приглашена на конференцию.

В ст. 2С договора говорится: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.». Вместе с тем в тексте договора отсутствует указание на то, в пользу какого государства Япония отказывается от Курильских островов и Южного Сахалина. Нет в договоре и конкретного описания того, что входит в понятие «Курильские острова».

Согласно ст. 8 СФМД, Япония признает «полную силу всех договоров, заключенных союзными державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения союзных держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира»⁴¹. Тем самым Япония признала юридическую силу ялтинских договоренностей.

Правда, в том же договоре имеется также статья 25, которая гласит: «Для целей настоящего Договора Союзными Державами являются Государства, находившиеся в войне с Японией... при условии, что

³⁹ Зиланов В.К. и др. Русские Курилы. С. 98.

⁴⁰ Оригинальный текст договора см.: <http://www.taiwandocuments.org/sanfrancisco01.htm>

⁴¹ Ibid.

в каждом случае такое государство подпишет и ратифицирует Договор. Согласно положениям ст. 21, настоящий Договор не будет давать каких-либо прав, правооснований и преимуществ государству, не являющемуся Союзной Державой, как это определено в этом Договоре. Также никакие права, правооснования и интересы Японии не будут считаться уменьшенными или поставленными под сомнение каким-либо положением Договора в пользу государства, которое не является Союзной Державой, как это определено в Договоре». Ссылаясь на то, что СССР не подписал СФМД, японская сторона стала утверждать, что СССР не может являться бенефициаром отказа Японии от Курил и Южного Сахалина. Действительно, если исходить из текста ст. 25, Советский Союз (и Россия как его правопреемница) не является определенной договором «союзной державой» и потому не пользуется безусловным правом ссылаться на ст. 2С. Однако такое право, пусть и в ограниченном виде, у него имеется. Это связано с тем, что отказ Японии от Курильских островов носит абсолютный характер, а его правовые последствия выходят за рамки участников СФМД. В международной практике положения мирных договоров, касающиеся территориальных вопросов, объективно являются нормами международного права, которые регулируют не только отношения между отдельными его субъектами, но и международные отношения в целом.

Тем не менее, поскольку СССР не подписал Сан-Францисский мирный договор, урегулирование с Японией всех нерешенных по итогам войны вопросов, в том числе территориального, предстояло осуществить на двустороннем уровне. Но поскольку СССР не подписал Сан-Францисский договор, возник ряд юридических проблем для успешного решения вопроса о границах. Проблему, в частности, составляла статья 26 СФМД, в соответствии с которой если Япония в дальнейшем заключала с какой-либо страной договор на условиях более выгодных, чем те, что были обозначены в данном договоре, эти условия распространялись на прочих участников СФМД. Иными словами, Япония формально теперь уже не могла «поступиться» Курилами в пользу СССР, так как ее «уступка» должна была бы автоматически распространяться на все остальные 48 государств-участников СФМД⁴².

В то же время, отказавшись от Курил в соответствии со ст. 2С, Япония лишилась возможности высказывать свое мнение по поводу их последующей принадлежности. 26 октября 1951 г. на пленарном заседании нижней палаты парламента председатель Специальной ко-

---

⁴² Подробнее см.: Курилы — острова в океане проблем. С. 202–203.

миссии по японо-американскому Договору безопасности Манъицу Танака заявил, что, поскольку Япония в соответствии со ст. 2 отказывается от суверенитета на Сахалин и Курильские острова, она утрачивает любые права на эти территории⁴³. Подписав СФМД, Япония признала для себя обязательным следование этому договору (безотносительно позиции СССР), в соответствии с которым она отказалась от «прав, правооснований и претензий на Курильские острова».

В этой связи японская сторона, выдвигая свои претензии в отношении островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, стала утверждать, что они не входят в понятие «Курильские острова», от которых она оказалась по Сан-Францисскому мирному договору. На первом этапе послевоенного периода в число этих территорий были включены гряда Хабомаи и остров Шикотан, а с 1955 г. — еще и острова Итуруп и Кунашир.

Следует отметить, что в период с 1945 по начало 1955 г. нигде в официальных документах японского правительства не ставилось под сомнение, что острова Итуруп и Кунашир входят в состав Курил. Когда СФМД проходил процедуру ратификации в парламенте, в пояснениях правительства неоднократно подчеркивалось, что Южные Курилы, хотя и имеют иную историческую подоплеку, чем Северные, тем не менее являются частью Курильских островов. Например, директор Договорного департамента МИД Японии Кумао Нисимура заявил 19 октября в парламенте: «Что касается пределов Курильских островов (Тисима рэтто), я считаю, что они включают в себя как Северные, так и Южные Курилы»⁴⁴. А в резолюции нижней палаты парламента от 31 июля 1952 г., в которой уже были сформулированы требования о «возвращении северных территорий», в качестве таковых были обозначены только гряда Хабомаи и остров Шикотан⁴⁵. Однако с 1955 г. японская сторона изменила свою позицию, заявив о намерении добиваться возвращения также островов Итуруп и Кунашир.

Между тем японская сторона не оспаривает, что с географической точки зрения острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и даже гряда Хабомаи входят в понятие «Курильские острова». Например, согласно довоенному изданию британской энциклопедии «Британика», Курильскими являются «острова от залива Нэмуру до Камчатки», а к числу «основных Курильских островов» энциклопедия относит «Уруп, Иту-

⁴³ <http://www.ne.jp/asahi/cccp/camera/HoppouRyoudo/HoppouShiryou/19511026Shuugiin.htm>

⁴⁴ <http://www.ne.jp/asahi/cccp/camera/HoppouRyoudo/HoppouShiryou/19511019J.htm>

⁴⁵ <http://www.ne.jp/asahi/cccp/camera/HoppouRyoudo/HoppouShiryou/19520731Shuuginnketsugi.htm>

руп, Кунашир, Шикотан»⁴⁶. В состав Курильских островов однозначно включали спорные территории, включая Шикотан и острова Хабомаи, и японские географические издания довоенного времени, в том числе «Большой словарь японских географических названий» 1941 г., Японская географическая энциклопедия 1930 г. и даже «Люция Южного Сахалина и островов Тисима», изданная в 1937 г. Гидрографическим департаментом Министерства военно-морского флота Японии⁴⁷. А в официальном путеводителе по Японии Департамента государственных железных дорог Японии 1941 г. утверждается, что Тисима («Тысяча островов»), или Курильские острова, представляют собой длинную цепь вулканических островов (32 острова), растянувшихся примерно на 710 миль от Нэмуру (о-в Хоккайдо) до пролива Тисима, отделяющего острова от южной оконечности Камчатки⁴⁸.

Следует отметить, что в современный период во многих справочных изданиях Японии часто используется понятие «Южные Курилы» (Минами Тисима). Например, в «Большом энциклопедическом словаре» издательства «Сёгакуэн» утверждается, что под «Южными Курилами» понимается южная часть Курильских островов, которые простираются от южной оконечности Камчатки до восточной оконечности Хоккайдо. В их состав изначально входят острова Кунашир и Итуруп, однако «в настоящее время часто включают гряду Хабомаи и остров Шикотан, и вместе они составляют „четыре северных острова“»⁴⁹. Определенно на этот счет высказывается и поисковая веб-система Kotobank, созданная авторитетными издательствами «Коданся», «Асахи симбун сьоппан» и «Сёгакукан». В ней Южные Курилы определяются как «южная часть Курильских островов, включающая в себя острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»⁵⁰.

В административном отношении с 1869 г., т.е. с момента оформления территориально-административного деления в эпоху Мэйдзи, до 1945 г. Курильские острова составляли обособленную территориально-административную единицу — уезд Тисима. 1 июня 1885 г. в этот уезд был включен и остров Шикотан. Этот факт доказывает, что Шикотан не имел никакого особого статуса по отношению к прочим Курильским островам, а, скорее, воспринимался в связке с ними. Даже штемпель на довоенных марках содержал двойное название

---

⁴⁶ Кожевников В. Территориальные споры в Восточной Азии и пути их решения.

⁴⁷ Там же; Пономарев С. Что такое «северные территории»?

⁴⁸ <http://www.doc20vek.ru/taxonomy/term/306>

⁴⁹ <http://100.yahoo.co.jp/detail/%E5%8D%97%E5%8D%83%E5%B3%B6>

⁵⁰ <http://kotobank.jp/word/%E5%8D%97%E5%8D%83%E5%B3%B6>

«Тисима-Сикотан» (Курильские острова и Шикотан)⁵¹. Административно в состав Хоккайдо входила лишь гряда Хабомаи, подчиняясь администрации расположенной на Хоккайдо деревни с тем же названием, которая до войны входила в уезд с центром в г. Нэмуру.

Япония пыталась обосновать свой тезис о «невхождении» четырех островов в понятие «Курильские острова» ссылками на первые договоры, подписанные с Россией. В частности, делались попытки доказать, что Южные Курилы («северные территории») не входят в состав Курил на том основании, что в тексте договора 1855 г. Курильские острова обозначаются как восемнадцать островов, расположенных к северу от острова Уруп. Однако в дальнейшем японские исследователи Харуки Вада и Ситиро Мураяма доказали, что данная интерпретация является следствием неточного перевода текста договора на японский язык. В оригинальном же тексте договора на голландском языке (ст. 2), имеющем, в отличие от русскоязычного и японоязычного текстов, юридическую силу, говорится следующее: «Весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России». Иными словами, доказать, что под Курильскими островами понимаются **только** Уруп и прочие острова к северу от него, на основании текста договора не представляется возможным. Невозможно обосновать указанный тезис и с помощью текста Санкт-Петербургского договора 1875 г., который был написан на французском языке⁵².

В дальнейшем японская сторона, убедившись, что доказать непринадлежность Итурупа, Кунашира и Шикотана к Курильским островам по географическому и административно-территориальному признакам затруднительно, взяла на вооружение тезис об особом «политическом» статусе «северных территорий», позволяющем выделить их из понятия «Курильские острова». Японская аргументация стала основываться главным образом на том факте, что по первому (Симодскому) договору о границе они, в отличие от прочих Курильских островов, принадлежали Японии, а следовательно, имеют в этом отношении качественно иную историческую подоплеку, отличаясь от прочих островов Курильской гряды. В ответ на это российские юристы обычно ссылаются на принцип международного права, согласно которому если в международном юридическом документе не оговорен «особый смысл» какого-либо понятия, оно трактуется как общеупотребительное. В частности, статья 31 Венской конвенции о международных договорах, обязательная для Японии, гласит: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением. Специ-

---

⁵¹ <http://www.ne.jp/asahi/cccpc/camera/HoppouRyoudo/Other/Topics/ShikotanKitte.htm>

⁵² См.: Курилы — острова в океане проблем. С. 101–104.

альное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение»⁵³. Российский исследователь К. Черевко показал, что в документально зафиксированных выступлениях представителей Госдепартамента США перед подписанием мирного договора с Японией, которые можно использовать для толкования данного термина, прямо говорилось о том, что острова Кунашир и Итуруп в японском и международном управлении называются Курильскими, и доказать обратное будет трудно⁵⁴.

Совместная советско-японская декларация 1956 г.

В 1955 г. СССР начал с Японией переговоры об урегулировании нерешенных вопросов по итогам Второй мировой войны и восстановлении дипломатических отношений. Наиболее сложным моментом, по которому сторонам в ходе длительных и сложных переговоров не удавалось найти компромисса, был вопрос о формуле территориального размежевания. Японская сторона с самого начала выдвинула требование передать ей четыре острова, что было неприемлемо для СССР.

Положение осложнялось тем, что на переговорах незримо присутствовала «третья сторона» — Соединенные Штаты, которые не были заинтересованы в нормализации советско-японских отношений. Вашингтон стремился к тому, чтобы с помощью территориальной проблемы создать постоянный источник напряженности в советско-японских отношениях и таким образом обеспечить высокий уровень зависимости Японии от США. По свидетельству С.Л. Тихвинского, который непосредственно участвовал в переговорах, «США постоянно вмешивались процесс нормализации российско-японских отношений, тормозя развитие добрососедства между Россией и Японией... США активно поддерживали и продолжают поддерживать требование японского правительства о передаче Российской Федерацией Японии островов Южно-Курильской гряды, то есть вместе с японскими реваншистами рассчитывают на пересмотр итогов Второй мировой войны»⁵⁵.

Чтобы добиться прогресса на переговорах и достичь соглашения, Советский Союз еще на предварительной стадии переговоров, проходивших с июня 1955 г. в Лондоне, предложил передать Японии остров Шикотан и гряду Хабомаи. Неожиданная для японской стороны уступка не только не ускорила ход переговоров, а наоборот, затянула

⁵³ Венская конвенция о праве международных договоров.

⁵⁴ Черевко К.Е. О возможности окончательного урегулирования территориального спора между РФ и Японией.

⁵⁵ Международная жизнь. 2011. № 8. С. 88.

их, поскольку Япония, сочтя, что сможет добиться большего, ужесточила свою позицию и потребовала уступить ей еще и Итуруп и Кунашир. Между тем в начале августа 1956 г. госсекретарь США Джон Даллес, встретившись в Лондоне на конференции по Суэцкому каналу с министром иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу, заявил, что, если Япония согласится оставить за СССР Курильские острова, США на основании ст. 26 СФМД должны будут получить от Японии одинаковые с СССР уступки, а потому никогда не передадут ей Окинаву, которая в тот момент была выведена из-под административного контроля Японии⁵⁶.

7 сентября 1956 г. Государственный департамент направил в адрес правительства Японии памятную записку, в которой утверждалось, что США «рассматривают так называемое Ялтинское соглашение просто как изложение общих целей тогдашними главами участвующих держав, а не как окончательное решение этих держав или какой-либо юридический результат в вопросе о передаче территорий». Одновременно в записке утверждалось, что Япония не имеет права передавать кому-либо суверенитет на территории, от которых она отказалась по СФМД, и, по мнению Соединенных Штатов, страны, подписавшие СФМД, не собираются признавать любые действия такого рода⁵⁷. Одновременно в записке говорилось: «После тщательного изучения исторических фактов Соединенные Штаты пришли к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с грядой Хабомаи и островом Шикотан, являющимися частью Хоккайдо) всегда принадлежали Японии и должны по справедливости быть признаны территориями, находящимися под японским суверенитетом»⁵⁸. С юридической точки зрения, по мнению Вашингтона, окончательное оформление границы следовало закрепить на международной конференции.

Тем временем японская сторона, убедившись, что ее претензии — получить все четыре острова — не имеют перспектив удовлетворения, во всяком случае, в ходе текущих переговоров с СССР, предложила вернуться к обсуждению территориальной проблемы уже после восстановления дипломатических отношений, которое в силу внутривнутриполитических причин являло собой более насущную проблему для премьер-министра И. Хатояма. Достигнув на этот счет соответствующей договоренности, японская и советская стороны 29 сентября 1956 г. обменялись официальными письмами («обменные письма» тогдашне-

⁵⁶ The Diplomatic History of Postwar Japan. P. 62.

⁵⁷ <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPRU/19560907.O1E.html>

⁵⁸ Foreign Relations of the United States, 1955–1957.

го заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и японского представителя на переговорах Синъити Мацумото).

В середине октября 1956 г. в Москву прибыла японская делегация. В ходе переговоров с Н.С. Хрущевым 16 октября 1956 г. представивший японскую сторону министр сельского, лесного хозяйства и водного промысла Итиро Коно неожиданно заявил о необходимости включить вопрос о границах в текст совместной декларации. В ответ на это Н.С. Хрущев предложил зафиксировать в тексте декларации обязательство СССР передать Японии острова Шикотан и Хабомаи и считать этот шаг окончательным решением территориального вопроса. Японская сторона после некоторых колебаний согласилась включить этот пункт в декларацию и не добиваться упоминания о дальнейших переговорах по территориальному вопросу, как это предусматривалось «обменными письмами» Громыко–Мацумото.

Согласованная обеими сторонами 9-я статья Совместной декларации, посвященная урегулированию пограничного вопроса, звучит следующим образом:

«СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией»⁵⁹.

19 октября 1956 г. Совместная советско-японская декларация, закрепившая прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией, была подписана первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и премьер-министром Японии И. Хатояма. В соответствии со ст. 10 декларации, она была ратифицирована президиумом Верховного Совета СССР и парламентом Японии. Это произошло в один день — 8 декабря 1956 г. 12 декабря 1956 г. стороны обменялись в Токио ратификационными грамотами, после чего декларация была депонирована в Организации Объединенных Наций. Тот факт, что декларация прошла процедуру ратификации, указывает на ее статус как международно-правового документа, обязательного для исполнения странами, ее подписавшими — СССР (и Россией как его правопреемницей) и Японией.

Российская сторона подчеркивает, что, подписав декларацию 1956 г., Япония тем самым юридически подтвердила существовавший на тот

---

⁵⁹ Цит. по: Курилы — острова в океане проблем. С. 260.

момент статус-кво в территориальной сфере. Многие юристы указывают на то, что **передать** можно лишь то, что имеешь, а поэтому подписание представителем Японии данного документа означало косвенное признание ею того факта, что суверенитет над островами принадлежал СССР. В этом смысл термина «передача» (*хикиватаси*), содержащегося в ст. 9 декларации, принципиальным образом отличается от термина «возвращение» (*хэнкан*), которое в дальнейшем неоднократно использовала, в том числе и в официальных документах, японская сторона, формулируя свои территориальные претензии.

Сразу после подписания Совместной декларации Япония опубликовала «обменные письма» Громыко–Мацумото и стала придерживаться позиции, что декларация 1956 г. представляет собой промежуточный этап на пути к окончательному решению территориальной проблемы. В свою очередь, позиция российской стороны заключается в том, что декларация по своему статусу, безусловно, стоит выше «обменных писем» и потому не может рассматриваться с ними в едином пакете. Кроме того, указанные «обменные письма» относятся не к окончательному тексту декларации, а к промежуточному варианту на пути к согласованию ее окончательного текста. В противном случае необходимость продолжения дальнейших переговоров по территориальному вопросу была бы отражена в тексте декларации, а этого с согласия японской стороны сделано не было.

1960–1990 гг.

19 января 1960 г. Япония подписала с США Договор о сотрудничестве и гарантии безопасности (Договор безопасности). 27 января 1960 г. в Министерство иностранных дел СССР был вызван посол Японии, где ему была вручена памятная записка советского правительства. В ней, в частности, говорилось: «В связи с тем, что этот договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате ее капитуляции, продолжают свое пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан... Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г.»⁶⁰. Иными словами, Советский Союз в качестве дополнитель-

---

⁶⁰ Курилы — острова в океане проблем. С. 262.

ного условия для реализации ст. 9 декларации 1956 г. обозначил вывод с японской территории всех американских военных баз.

В своем ответе от 5 февраля 1960 г. японская сторона заявила, что Совместная декларация «представляет собой международное соглашение, регулирующее основы японо-советских отношений», «она является официальным международным документом, ратифицированным высшими органами обеих стран», а потому «нельзя в одностороннем порядке менять содержание этого торжественного международного обязательства». В конце памятной записки говорилось, что Япония «будет неотступно добиваться возвращения не только островов Хабомаи и Сикотан, но также и других исконных японских территорий»⁶¹.

В свою очередь, советская сторона в памятных записках от 24 февраля 1960 г. и 22 апреля 1960 г. подчеркнула, что территориальный вопрос «решен соответствующими международными соглашениями, которые должны соблюдаться» и что «никакой территориальной проблемы между нашими странами не существует»⁶². Эта позиция не претерпела никаких принципиальных изменений в 1960–1980-х годах.

В октябре 1973 г. в ходе визита в Москву премьер-министра К. Танака было подписано советско-японское заявление, в котором была отмечена важность урегулирования «нерешенных вопросов, оставшихся со времени Второй мировой войны» и «заключения мирного договора между СССР и Японией». Стороны договорились продолжить в будущем переговоры с целью заключения мирного договора. В интерпретации японской стороны к числу таких вопросов относился территориальный вопрос, в интерпретации советской — речь шла об иных, помимо территориального, аспектах проблемы послевоенного урегулирования. Различие в позициях сторон привело к тому, что понятие «нерешенные вопросы» не получило в тексте коммюнике детализации, оставляя простор для различного толкования.

С начала 1980-х годов советско-японские отношения вступили в период сильного охлаждения. В Японии при поддержке властей была начата кампания по сбору подписей в поддержку требования о возвращении «северных территорий», и к началу 1990-х годов было собрано более 50 млн подписей. С 1981 г. 7 февраля (в годовщину подписания Симодского трактата 1855 г.) в Японии стал ежегодно отмечаться «День северных территорий». Проводимая в этот «день» церемония превратилась в шумный пропагандистский спектакль с участи-

---

⁶¹ Там же. С. 265.

⁶² Там же. С. 264.

ем премьер-министра, который нередко осматривал «северные территории» с борта пограничного катера или вертолета.

1990-е годы

В ходе визита в Японию президента СССР М.С. Горбачева в апреле 1991 г. было подписано совместное Советско-японское заявление. В нем, в частности, говорится: «Премьер-министр Японии Тосики Кайфу и Президент СССР М.С. Горбачев провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между Японией и СССР, включая проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп»⁶³. Точка зрения тогдашнего советского руководства заключалась в том, что Совместная декларация 1956 г. себя уже изжила и отвергнута временем, а потому отношения в этой сфере следует строить с чистого листа в духе «нового мышления». Налицо был отход от позиции полного отрицания территориальной проблемы, причем острова, принадлежность которых надлежало установить в ходе дальнейших переговоров, были названы поименно.

Вместе с тем произошло и определенное изменение японской позиции. Во-первых, если ранее Япония требовала немедленного «возврата» всех четырех островов, то теперь она согласилась ограничиться на начальном этапе лишь формальным признанием своего суверенитета над ними. Как отмечается в брошюре, подготовленной японским Министерством иностранных дел, «Япония готова проявить гибкий подход к решению вопросов о сроках и конкретных условиях фактического возвращения четырех островов, если будет признан факт их принадлежности Японии»⁶⁴. Поэтому японская сторона стала воздерживаться от требований немедленного «одновременного возвращения» всех островов. Во-вторых, Япония согласилась, что между двумя странами существует не «территориальная проблема» (*рёдо мондай*), а «проблема территориального размежевания» (*рёдо какутэй мондай*). В этой форме речь шла не о территориальных претензиях, а об уточнении границы, что в значительной мере снижало остроту вопроса в двусторонних отношениях.

Однако конкретных договоренностей на этом направлении достигнуто не было. В октябре 1993 г. территориальный вопрос обсуждался

---

⁶³ Цит. по: Курилы — острова в океане проблем. С. 297

⁶⁴ Территориальная проблема между Японией и Россией.

во время официального визита в Японию президента России Б.Н. Ельцина. 13 октября была подписана Токийская декларация, в которой указывалось на необходимость «преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого» и «скорейшего заключения мирного договора» путем решения проблемы территориального размежевания. В декларации говорилось: «Стороны провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения»⁶⁵.

Наличие территориальной проблемы с поименным указанием четырех островов признавалось и в Московской декларации об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией, которая была принята в Москве 13 ноября 1998 г. в ходе официального визита премьер-министра Японии К. Обути. В декларации предлагалось активизировать переговоры о заключении мирного договора на основе Токийской декларации с целью заключения мирного договора к 2000 г. и создать специальную подкомиссию по пограничному размежеванию в рамках существующей Совместной российско-японской комиссии по вопросам заключения мирного договора.

Следует отметить, что Россия и Япония по-разному оценивали документы 1990-х годов, касающиеся территориального размежевания. Япония полагала, что признание проблемы принадлежности четырех поименно названных островов косвенно означает готовность России передать («возвратить») их в дальнейшем Японии. В свою очередь, Россия считала, что готовность обсуждать вопрос об островах совершенно не означает ее согласия на передачу суверенитета над ними. Главным для Москвы было начать переговоры. Предполагалось, что одновременно стороны будут прилагать усилия для улучшения климата в двусторонних отношениях, развития экономических связей, приграничного сотрудничества и т.д. Неоднократно подчеркивалось, что решить столь деликатную проблему, как вопрос о территориях, можно только при наличии отношений взаимного доверия, для создания которых требуется длительное время. Этот подход, в частности,

---

⁶⁵ <http://www.japantoday.ru/offic/1993.shtml>

нашел отражение в программе Б.Н. Ельцина из пяти пунктов, которую он озвучил в ходе своего визита в Токио в 1990 г., т.е. еще до его избрания президентом РФ⁶⁶.

2000-е годы

Взаимоприемлемого решения вопроса о заключении мирного договора к 2000 г. достичь не удалось. После избрания В.В. Путина президентом РФ российская позиция по территориальному вопросу была скорректирована. Теперь в качестве базовой формулы для его окончательного решения Москва предложила рассматривать положения ст. 9 Совместной декларации 1956 г. В марте 2001 г. в ходе рабочего визита премьер-министра Японии Ё. Мори в Россию стороны подписали Иркутское заявление о дальнейшем продолжении переговоров о заключении мирного договора. В документе впервые отмечалось, что основой для них может служить, наряду с прочими документами, подписанными в 1990-е годы⁶⁷, Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. Российская сторона при этом в соответствии со ст. 15 Конституции РФ исходила из приоритета международно-правовых обязательств по отношению к требованиям внутреннего законодательства.

В заявлении подчеркивалось: «Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. представляет собой базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами»⁶⁸. Вместе с тем в нем указывалось и на значение всех документов по проблеме территориального размежевания, принятых правительствами двух стран в 1990-е годы.

Москва и Токио по-разному интерпретировали Иркутское заявление 2001 г. Россия считала положения ст. 9 Совместной декларации 1956 г. окончательными и достаточными для заключения мирного договора. В противоположность этому японская сторона полагала, что обозначенная в документах 1990-х годов готовность России обсуждать судьбу двух не упомянутых в декларации 1956 г. островов (Кунашира и Итурупа) косвенным образом налагает на нее обязатель-

---

⁶⁶ См.: Курилы — острова в океане проблем. С. 317–320.

⁶⁷ Совместное советско-японское заявление (1991 г.), Токийская декларация о российско-японских отношениях (1993 г.), Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией (1998 г.), Заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора (2000 г.).

⁶⁸ Цит. по: История российско-японских отношений XVIII — начала XX века. С. 332–333.

ства идти в этом вопросе на дальнейшие уступки, а декларация 1956 г. является промежуточным этапом на пути к решению территориального вопроса. Подобная позиция получила отражение в предложенной Ё. Мори формуле «двух треков» — ведении параллельных переговоров: во-первых, о претворении в жизнь Совместной декларации 1956 г. о Хабомаи и Шикотане, во-вторых, о суверенитете над Кунаширом и Итурупом. Эта позиция основывалась на том, что вопрос о передаче Хабомаи и Шикотана уже решен в рамках Совместной декларации 1956 г., а главная задача заключается в том, чтобы уладить дело с двумя другими островами.

Российская сторона решительно отвергла данную интерпретацию. В 2002 г. министр иностранных дел России И. Иванов назвал «домыслами и небылицами» информацию о проведении отдельных переговоров по двум указанным группам островов⁶⁹. В своих выступлениях российские руководители подчеркивали, что декларация 1956 г. является единственным документом, имеющим силу международного договора и могущим служить основой для решения проблемы, а сроки и условия передачи надлежит определить юристам. Было также отмечено, что о форме, условиях и сроках «передачи островов» в декларации ничего не говорится. 14 ноября 2004 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров в интервью телеканалу НТВ заявил: «Мы являемся государством — продолжателем Советского Союза. Среди обязательств Советского Союза есть декларация 1956 года». Он пояснил, что это была «ратифицированная Верховным Советом Советского Союза декларация, в которой предлагалось отдать Японии два южных, так скажем, острова, и на этом поставить точку»⁷⁰. Вместе с тем он пояснил, что реализация декларации 1956 г. «безусловно, требует переговоров»⁷¹. Комментируя в ходе встречи с членами правительства высказывания министра иностранных дел, президент России В.В. Путин отметил, что обязательства по декларации 1956 г. будут выполнены «только в тех объемах, в которых японская сторона готова выполнять те же самые договоренности». По словам российского лидера, «пока нам не удалось выйти на понимание этих объемов так, как мы это видим, и как это видели в 1956 году»⁷².

Однако после прихода к власти в 2001 г. кабинета Д. Коидзуми Токио вернулся к позиции, заключавшейся в ультимативном требовании «немедленного возвращения Японии всех четырех островов»,

---

⁶⁹ <http://www.sakhalin.info/kurilsk/list191/9080/>

⁷⁰ <http://top.rbc.ru/politics/15/11/2004/53050.shtml>

⁷¹ Время новостей. 19.05.2008.

⁷² <http://top.rbc.ru/politics/15/11/2004/53050.shtml>

притом что к вопросу о сроках и условиях их передачи Токио по-прежнему был готов «подходить гибко».

В «Плане действий», подписанном в январе 2003 г. премьер-министром Д. Коидзуми и В.В. Путиным, одним из намеченных направлений работы было обозначено проведение переговоров о подписании мирного договора, в рамках которых предполагалось обсудить территориальный вопрос. В дальнейшем стороны неоднократно соглашались с необходимостью продолжения переговоров по вопросу о реализации данного направления «Плана действий». Например, во время встречи на высшем уровне в июле 2007 г. между президентом Путиным и премьер-министром С.Абэ стороны пришли к выводу о том, что обе страны должны прилагать усилия, чтобы достичь прогресса в переговорах по вопросу о подписании мирного договора с целью решения в будущем территориального вопроса⁷³. Однако никаких конкретных договоренностей между сторонами достигнуто не было.

В настоящее время японское правительство в подходе к проблеме территориального размежевания придерживается следующей позиции: четыре острова — Кунашир, Итуруп, Шикотан и гряда Хабомаи — принадлежат Японии, в то время как прочие Курильские острова, а также южная часть Сахалина, от которых она отказалась по СФМД, являются «неразделенной» территорией с неясным юридическим статусом, подлежащим определению в ходе переговоров. По этой причине четыре указанных острова закрашены на японских картах в цвет японской территории, а Курилы вплоть до острова Итуруп, а также южная часть Сахалина вплоть до 50-й параллели обозначены белым цветом. По японскому законодательству Кунашир, Итуруп, Шикотан и гряда Хабомаи, составляя шесть деревень и пять уездов, входят в супрефектуру Нэмуру (Нэмуру ситёкан)⁷⁴.

27 февраля 2009 г. правительство Японии в ответе на запрос одного из депутатов парламента, не означает ли поездка премьер-министра Т. Асо в г. Южно-Сахалинск признание принадлежности Южного Сахалина России, отметило, что вопрос о принадлежности этой территории «окончательно не определен», а поездка премьер-министра, как и учреждение генконсульства Японии в Южно-Сахалинске, «не оказывают влияния на вопрос о юридическом статусе Южного Сахалина». При этом, правда, были высказана оговорка, что после подписания Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Япония неправомочна давать разъяснения по поводу того, кому принадлежит эта территория⁷⁵.

⁷³ <http://www.pravda.ru/news/world/08-06-2007/227539-japan-0/>

⁷⁴ http://pucchi.net/hokkaido/hoppou/hoppou_vill6.php

⁷⁵ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/627F630DCD123E6DC3257571004D38AD

В то же время многие японские политические деятели, включая лидеров обеих крупнейших партий Японии — Демократической и Либерально-демократической, — в своих публичных заявлениях неоднократно утверждали, что четыре острова Южно-Курильской гряды «незаконно оккупированы» Россией. Например, выступая 20 мая 2009 г. в японском парламенте, премьер-министр Японии Таро Асо заявил, что острова являются «исконно японскими землями», которые «находятся под незаконной оккупацией». Через несколько дней российский президент в телефонном разговоре призвал Асо «воздерживаться от публичных заявлений и риторики по чувствительным проблемам российско-японских отношений»⁷⁶. 11 июня 2009 г. нижняя палата японского парламента единогласно приняла поправки к закону 1982 г. «О специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий», в которых «северные территории» были названы «исконно японскими землями»⁷⁷.

Позиция Токио не претерпела никаких изменений и после прихода в августе 2009 г. к власти ДПЯ. В августе 2010 г. правительство в ответ на депутатский запрос применило в отношении статуса островов формулировку «незаконно оккупированные» (*фухо сэнкё*)⁷⁸. Визит на Кунашир президента РФ Д.А. Медведева 1 ноября 2010 г. премьер-министр Японии Н. Кан назвал в феврале 2011 г. «непростительной грубостью»⁷⁹.

Как в Японии, так и в России существуют разные точки зрения на формулу решения данного вопроса. В Японии на частном уровне неоднократно высказывались идеи раздела спорных территорий по разным формулам и в различных комбинациях. Большую известность, например, получил «план Асо» (по имени тогдашнего министра иностранных дел Японии), выдвинутый в декабре 2006 г., согласно которому следует учитывать площадь спорных островов, что позволит решить проблему: Россия передаст Японии Хобомаи, Шикотан, Кунашир и 25% острова Итуруп⁸⁰. Однако это предложение не получило поддержки на официальном уровне.

В России неоднократно выдвигались предложения на базе спорных территорий создать совместную экономическую зону, в рамках которой обе стороны занимались бы взаимовыгодной хозяйственной деятельностью. Однако Япония всякий раз отвергала подобные пред-

---

⁷⁶ <http://www.vremya.ru/2009/116/5/232429.html>

⁷⁷ Время новостей. 03.07.2009.

⁷⁸ <http://ria.ru/world/20120302/583897200.html>

⁷⁹ <http://www.polit.ru/news/2011/02/07/japan/>

⁸⁰ <http://japandaily.ru/politika/yapontsy-ne-podelili-mezhdu-soboj-kurily>

ложения, поскольку в этом случае сохранялся бы суверенитет России над указанными территориями, а следовательно, на них действовало бы российское законодательство.

В начале марта 2012 г. премьер-министр России В.В. Путин на встрече с представителями зарубежных СМИ высказал идею о том, что территориальный вопрос с Японией может быть решен на основе взаимных уступок и компромиссов. «Мне очень хочется закрыть эту проблему и так, чтобы это было приемлемо для обеих сторон», — заявил Путин. Он использовал взятый из терминологии дзюдо термин «хикиваки» — «ничья»⁸¹.

Однако в реальности «ничейного результата» достичь крайне трудно, во многом по причине того, что японская сторона не готова отойти от жесткой позиции (передача Японии всех четырех островов), а priori считая ее единственно возможным вариантом решения данной проблемы. По сути, еще до начала переговоров Токио ставит Москве ультиматум, что не позволяет надеяться на позитивный результат. Любые попытки проявить гибкость и отойти от бесперспективной прямолинейности в территориальных требованиях к России трактуются как предательство национальных интересов.

Подобный эмоциональный настрой продолжает накладывать отпечаток на все российское направление японской внешней политики. В этих условиях единственный выход — попытаться совместными усилиями перенести данный вопрос с центра повестки дня двусторонних отношений на ее периферию, найти точки соприкосновения взаимных интересов, попытаться развивать связи, понимая, что решить проблему территориального размежевания можно лишь на основе компромисса.

Имиджелогические проблемы

В Японии по-прежнему сохраняется настороженное, а порой и критическое отношение к России, далеко не преодолено ее восприятие на основе стереотипов эпохи холодной войны. По опросам общественного мнения, в постбиполярный период доля тех, кто испытывает симпатию к России, никогда не превышала 20–25%. Например, в октябре 2012 г. «теплые» и «в какой-то степени теплые» чувства к России испытывали 19,6% опрошенных, тогда как «не испытывали» (либо «скорее не испытывали») 76,5%. Аналогичные цифры по отно-

---

⁸¹ <http://news.invest.kz/news/view/id/6822832>

шению к США составляли 84,5 и 13,7%, к Китаю — 18,0 и 80,6%, к Южной Корее — 39,2 и 59%⁸². Обращает на себя внимание тот факт, что эмоциональное восприятие России и КНР было почти одинаковым, хотя именно в 2010–2012 гг. в японском обществе наблюдался резкий всплеск антикитайских настроений, вызванных обострением проблемы островов Сэнкаку. Год спустя ситуация немного улучшилась (22,5 против 74,9%), однако следует учесть, что в 2013 г. отношения между двумя странами в политической сфере переживали «медовый месяц», связанный с эффектом ожиданий после визита в Москву премьер-министра С. Абэ и возобновления переговоров по проблеме мирного договора.

Большинство японцев негативно оценивают нынешнее состояние японо-российских отношений (в октябре 2013 г. — 64,6% против 30,4% тех, кто оценил их в целом позитивно)⁸³. Многие японцы не считают Россию «важной для Японии» страной, отдавая предпочтение другим крупным державам, и прежде всего США и государствам Западной Европы.

Попытаемся в обобщенном виде изложить факторы, которые оказывали и оказывают решающее воздействие на отношение к России в различных слоях японского общества. Без их понимания невозможно адекватно оценить и причины столь низкой популярности России среди японцев.

Стабильность итогов опросов общественного мнения на протяжении длительного отрезка времени позволяет предположить, что это результат действия универсальных факторов, неподвластных политической конъюнктуре и в относительно равной степени влияющих на все слои японского общества. Анализ этих факторов позволяет свести их в единую группу под условным названием «факторы исторической памяти». Речь идет о передаваемом из поколения в поколение подсудном чувстве недоверия, настороженности и страха перед северным соседом, в основе которого лежат события многолетней истории отношений с Россией.

Стоит подчеркнуть, что подобного рода фобический комплекс возникает не на пустом месте, а является результатом длительной и целенаправленной идеологической обработки населения. Укоренению негативных чувств к России способствует школьная система исторического образования, преподносящего многие факты национальной истории, связанные с Россией, в одностороннем ключе. Следует учесть также влияние антироссийски настроенных средств массовой

---

⁸² Нихон то сёгайкоку-то-но канкэй гайко-ни кансуру ёрон тёса.

⁸³ Там же.

информации, которые большинством японцев воспринимаются некритически. Очевидно, что подобного рода идеологическая обработка приносит свои плоды, формируя у японцев соответствующие мировоззренческие ориентиры. В то же время объективности ради нельзя не признать, что в основе страха японцев перед Россией лежат и реальные исторические события, когда, оценивая их с позиций сегодняшнего дня, Россия себя вела по отношению к Японии не слишком корректно.

Угроза с севера стала ощущаться японцами задолго до того, как к берегам Японии подошли «черные корабли» commodора Перри. Еще в конце XVIII в. известный мыслитель и экономист Хаяси Сихэй в своем труде «Беседы о военном деле морского государства» («Кай-коку хэйдан») ставил вопрос об «угрозе военного нападения России» и усиленно ратовал за перевооружение береговой охраны. Многие историки не без основания говорят о том, что княжество Мацумаэ, существовавшее на Хоккайдо вплоть до середины XIX в., было призвано создать дополнительный заслон на пути российского проникновения на юг. В Японии хорошо известны также имена лейтенанта Давыдова и мичмана Хвостова, предпринявших в 1806–1807 гг. грабительские вылазки на японские фактории на Курильских островах и Сахалине в отместку за унижение России, выразившееся в отказе заключить с нею договор. При этом, правда, мало кто знает, что эти действия не были санкционированы российскими властями, а сами их исполнители были наказаны за самоуправство.

Японцы хорошо знают и то, что в период Мэйдзи Россия была в числе стран, навязавших Японии неравноправные договора. Она же вмешалась в итоги японо-китайской войны и заставила Токио отказаться от части «справедливых» завоеваний, полученных по Симоносэцкому миру (в частности, от Ляодунского полуострова). Бесспорно, во взаимных контактах имелись и положительные для Японии моменты — например, японская интеллигенция увлекалась русской культурой и называла Россию своим учителем. Однако заметного впечатления на японских культуру, быте, государственном устройстве и военной политике Россия, в отличие от многих других стран Запада, не оставила. Можно заключить, что отрицательный опыт оказался более эффективным средством воздействия на историческую память современных японцев, нежели положительный.

Двадцатый век продолжил череду столкновения интересов, конфликтов, военной конфронтации между нашими странами. Наверное, нет нужды комментировать хорошо известные события не столь давней истории: Русско-японскую войну и Портсмутский мир, интервен-

цию Японии на советском Дальнем Востоке, военные столкновения на оз. Хасан и р. Халхин-Гол, разгром японских войск в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах и т.д. Как отмечал японский исследователь Х. Кимура, отношения между двумя странами «всегда были настолько плохими, что возникла теория, будто плохое состояние этих отношений является нормальным»⁸⁴. Действительно, если взять всю историю японо-российских/советских отношений, то временных отрезков весьма условного «потепления» окажется всего три: 1909–1916 гг. (период действия трактата «Извольский–Мотоно»), 1941–1945 гг. (период действия Пакта о нейтралитете) и 1956–1960 гг. (период после подписания Совместной декларации вплоть до памятной записки советского правительства от 27 января 1980 г.). Факт остается фактом: подавляющую часть истории взаимных отношений Россия и Япония были врагами, соперниками, конкурентами.

На этом достаточно мрачном фоне три особенно «вопиющих» факта, по мнению большинства японцев (вернее, в соответствии с наиболее широко распространенной в Японии точкой зрения), свидетельствуют об исторической несправедливости СССР по отношению к Японии.

Во-первых, это нарушение Советским Союзом Пакта о нейтралитете от 12 апреля 1941 г. и объявление Японией войны 9 августа 1945 г. Хотя этот шаг был обусловлен логикой военного времени и союзническими обязательствами СССР перед странами антигитлеровской коалиции, для японцев это ничего не меняет — формально Советский Союз нарушил свои международно-правовые обязательства и совершил акт вероломства по отношению к Японии.

Во-вторых, это проблема японских военнопленных, захваченных в ходе боевых действий в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах в августе 1945 г. В глазах многих японцев вопиющей несправедливостью является само по себе удержание в плену в течение ряда лет, несмотря на прекращение боевых действий, около 600 тыс. бывших военнослужащих императорской армии (репатриация продолжалась вплоть до подписания Совместной декларации от 16 октября 1956 г., формально положившей конец состоянию войны). По разным оценкам, от 45 до 60 тыс. японских военнопленных скончались из-за тяжелого труда, суровых климатических и бытовых условий, скудного и непривычного питания и недостаточной медицинской помощи. Осуждение японцев также вызывали такие неправомерные действия советских властей, как отказ сообщить японской стороне точное количество интернированных и представить их поименные списки; на-

---

⁸⁴ *Kimura Hiroshi. Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin. P. 313.*

меренное затягивание процесса репатриации; активное насаждение коммунистической идеологии среди военнопленных с целью создания своего рода «пятой колонны» из числа репатриантов и т.д. Уже после подписания Совместной декларации СССР не давал возможности японцам посещать могилы их родственников, скончавшихся в плену; практически ничего не сделал для сохранения кладбищ, в результате чего многие могилы были безвозвратно утрачены; отказывался официально признать практику привлечения военнопленных к труду и выдать репатриантам соответствующие справки, тогда как военнопленные, прошедшие английские и американские лагеря, имели подобные сертификаты и могли требовать компенсационных выплат за свой труд от японского правительства. И хотя в октябре 1993 г., т.е. уже в постперестроечный период, президент России принес официальные извинения Японии за негуманное отношение к военнопленным, а оставшиеся проблемы были в основном сняты (разрешено посещение уцелевших кладбищ, выданы справки о привлечении к труду и пр.), у многих японцев, особенно старшего поколения, по-прежнему сохраняются чувства горечи и неудовлетворенности. Следует отметить и тот факт, что проблема военнопленных хорошо известна и молодому поколению японцев, получившему представление о ней по школьным учебникам, а также по выходящим в Японии многочисленным художественным произведениям и кинофильмам, широко использующим мотив «жестокого сибирского плена».

В-третьих (по порядку, но не по значению), это территориальная проблема, которая, по мнению японцев, возникла в результате того, что СССР незаконно оккупировал острова Итуруп, Кунашир, Хабомай и Шикотан и насильственно удерживает их на протяжении всего послевоенного периода. Во многом усилиями официального Токио она получила мощное пропагандистское обеспечение и превратилась в вопрос престижа страны. По сути, на протяжении десятков лет Советский Союз воспринимался через призму этой проблемы, что позволило стереотипировать его отрицательный образ как «вора на пожаре», под шумок отхватившего от Японии кусок ее исконной территории. В результате среди японской общественности сформировалось стойкое представление об СССР как о «стране-агрессоре».

Безусловно, политика создания в общественном мнении образа СССР как «враждебного государства» проводилась в соответствии с логикой холодной войны и имела четко выраженную идеологическую подоплеку — неслучайно Советский Союз в официальных документах именовался потенциальным военным противником Японии. По мнению японской исследовательницы К. Хара, территориальная

проблема, возникнув как побочный продукт Второй мировой войны, существовала в качестве органичного элемента «системы 1955 года», отражавшей биполярную модель на внутривнутриполитическом уровне. Ее особенность заключается в том, что «„система 1955 года“ рухнула, а территориальная проблема осталась»⁸⁵.

Однако пропагандистская кампания по популяризации проблемы «северных территорий» имела еще одну важную подоплеку — создание комплекса «пострадавшей нации», который был призван затмить в ней чувство вины, связанное с агрессивной политикой японской военицины в годы Второй мировой войны. По замечанию Ц. Хасэгава, «северные территории» давали японцам возможность «ощущать себя пострадавшей нацией, „нацией-жертвой“, обеспечивая ей чувство психологического комфорта»⁸⁶. Другой американский ученый, Г. Розман, отмечал, что японским консерваторам «удалось гальванизировать японское общественное мнение в отношении несправедливости советского поведения... Синдром „северных территорий“ стал превалять над хиросимским синдромом»⁸⁷. Это в какой-то степени объясняет, почему большинство японцев не имеют к США никаких претензий за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, повлекшие за собой огромные жертвы среди мирного населения, считая их «неизбежным злом» и даже «вынужденной мерой», в то время как утрата страной незначительных территорий воспринимается ими как национальная трагедия.

Преобладание стереотипа «страны-агрессора» в японском общественном сознании подтверждают данные опросов общественного мнения как в советский, так и в постперестроечный период. Например, в 1979 г. в качестве «главной причины отрицательного отношения к СССР» назвали его отказ решать территориальную проблему 68,1% опрошенных, в 1981 г. — 56,2%, в 1985 г. — 52,3%⁸⁸. Хотя указывались и иные причины (несогласие с коммунистической системой; недружелюбное отношение СССР к Японии; внешняя политика СССР, основанная на военной силе; глубокое недоверие к СССР и т.д.), стойкое преобладание фактора «северных территорий» над всеми остальными, включая идеологические мотивы, было весьма показательным. Более непопулярными, чем Советский Союз (как «нелюбимая страна»), были только КНДР, а в период «культурной революции» — и КНР.

---

⁸⁵ Hara Kimie. Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945. P. 215.

⁸⁶ Hasegawa Tsuyoshi. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. P. 545.

⁸⁷ Russia and Japan. P. 103.

⁸⁸ Glaubitz J. Between Tokyo and Moscow. P. 86.

Ситуация в данной области принципиально не изменилась и в пост-биполярный период. В ходе опроса общественного мнения в феврале 2001 г. 45,1% респондентов заявили, что отношения с Россией нужно строить «в зависимости от прогресса в решении территориальной проблемы», еще 22,3% выбрали еще более категоричный вариант ответа — «пока в решении территориальной проблемы отсутствует прогресс, нет никакой необходимости развивать отношения с Россией»⁸⁹.

Мнения, преобладающие в обществе, оказывают немалое воздействие на политику правительства. Известно, что все крупные решения на российском направлении принимаются политическим руководством страны, которое, в свою очередь, находится в зависимости от настроений избирателей. При этом любые попытки дипломатов проявить гибкость и отойти от бесперспективной прямолинейности в территориальных требованиях к России трактуются как предательство национальных интересов. Как отмечал Ц. Хасэгава, «есть большие опасения, что, если в результате дискуссии по территориальному вопросу наметится некий путь к компромиссу, японское общественное мнение будет разочаровано, выступит против и шанс на сближение двух стран будет потерян»⁹⁰. В то же время японцы в течение многих лет могут судить о России только на основании публикаций о ее реакции на требования о «возвращении северных территорий», поскольку никаких других сравнимых по важности событий в японо-российских отношениях не происходит. На этом фоне в политической и общественной жизни страны сформировался своего рода порочный круг, который бесконечно генерирует антисоветский (антироссийский) настрой в обществе и политике, не позволяя взглянуть на Россию более широким, не зашоренным узкими рамками территориальной проблемы взглядом. В результате вся послевоенная политика Токио по отношению к СССР, а позднее — и к России фактически свелась к одному — «политике северных территорий»⁹¹.

Рассмотренный выше комплекс «факторов исторической памяти», как уже отмечалось, не связан с политической конъюнктурой и имеет перманентный характер. И сегодня, и в обозримой перспективе он будет воздействовать на умонастроение японцев, воспроизводя психологическое неприятие России, а чувство оскорбленного национального самолюбия, основанное на исторической подоплеке, не способствует развитию взаимных связей.

---

⁸⁹ <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/chosa01/kekka>

⁹⁰ Hasegawa Tsuyoshi. Op. cit. P. 559.

⁹¹ Ibid. P. 545.

Помимо «факторов исторической памяти» на образ России в Японии оказывает влияние еще целый ряд устойчивых факторов, действующих ограниченно промежуток времени. К таковым относятся «фактор популярности лидера», «фактор одномоментных событий», «фактор эмпирического опыта» и др.

Под «фактором популярности лидера» понимается восприятие страны-партнера через имидж ее лидера. Речь в данном случае идет о воздействии образа российского политического лидера на достаточно широкие слои японской общественности (или об отсутствии такового). Данный фактор имеет ограниченный характер, поскольку сроки пребывания у власти и последствия деятельности той или иной политической фигуры проявляются на узком по историческим меркам временном отрезке, не выходящем за рамки эмпирического опыта одного поколения.

«Фактор популярности лидера» следует оценивать в контексте «персональной» ориентированности японского электората, составляющей одну из особенностей японской политической культуры. Во многом верно и то, что личность лидера зарубежной страны-партнера японцами воспринимается как визитная карточка этой страны и крайне важна для репутации последней, поскольку образ лидера подспудно экстраполируется на все партнерское государство в целом. В отношении России данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку рядовые японцы довольно мало знают о ней. В эпоху «медиа-кратии» появление российских политических лидеров на японском телевидении в ситуациях, позволяющих говорить об уважении ими обычаев и традиций Японии или об их соответствии неким стандартам «правильности», может иногда оказать значительное корректирующее воздействие и на образ России в целом.

Хороший пример здесь — популярность СССР в период нахождения у власти М.С. Горбачева, наиболее «раскрученного» из всех советских лидеров на Западе. В 1990–1991 гг. удельный вес японцев, «питающих теплые чувства» к Советскому Союзу, впервые достиг отметки в 23–25%, в несколько раз превысив доперестроечный уровень. Одновременно улучшилась и оценка состояния отношений с СССР: доля считающих их хорошими возросла с 7,8% в 1984 г. до 38,7% в 1990 г.⁹²

Такие изменения общественного мнения невозможно объяснить только «перестроечным бумом». Можно предположить, конечно, что сказалась определенного рода надежда на уступки по территориальному вопросу, на которые, как ожидалось, М.С. Горбачев пойдет на

---

⁹² *Glaubitz J.* Op. cit. P. 85.

«перестроечной волне». Однако вряд ли всему виной были чисто меркантильные соображения. Скорее всего, японцев просто очаровал открытый, улыбчивый, харизматический лидер СССР, совершенно непохожий на угрюмых партийных бонз брежневской эпохи.

Такое предположение подтверждается и примером Б.Н. Ельцина, представлявшего полную противоположность полюбившемуся японцам «Горби». Хотя Ельцин продолжил линию своего предшественника на признание территориальной проблемы и публично пообещал подписать с Японией в ограниченные сроки мирный договор, принес официальные извинения за негуманное отношение к военнопленным в период тоталитаризма, подписал ряд важных документов и сделал еще много доброго для отношений с Японией, он так и не стал «любимцем» японской публики. Его малоулыбчивость, прямолинейность, нелюбовь к политесам, зачастую и неумение понять партнера, сразу отвратили от новой России многих, кто в целом относился к ней если не благожелательно, то хотя бы нейтрально. Особенно сильно покорила грубая, нетактичная манера российской стороны, не потрудившейся дать удовлетворительные объяснения двукратным отменам визита Б.Н. Ельцина в Японию (в сентябре 1992 и мае 1993 г.). В ходе одного из проводившихся тогда опросов выяснилось, что японцы страшно негодовали по поводу того, что Ельцин «не извинился» перед Миядзава из-за отказа приехать в Токио⁹³.

Все это немедленно отразилось на рейтингах России, упавших до уровня доперестроечных времен. Даже в 1997–1998 гг., т.е. в «лучшие времена» дипломатии «встреч без галстуков» и большой дружбы «Бориса и Рю», подавляющая часть японцев не испытывали интереса к России, а к перспективам отношений с ней относились скептически. Как отмечал британский исследователь Уильям Ниммо, нельзя не учитывать, что японцы «в большей степени, чем любой народ мира» склонны впадать в праведный гнев в тех случаях, когда какое-либо событие разворачивается вопреки их ожиданиям, особенно если оно вступает в конфликт со специфическим «японским путем»⁹⁴.

С избранием В.В. Путина на должность президента РФ наступает период некоторого оживления интереса к России и возрождения надежд на развитие отношений с ней. С одной стороны, перелома в общественном мнении после ухода в отставку непопулярного Б.Н. Ельцина не произошло: в феврале 2001 г., большинство опрошенных (66,1%), заявили, что «не питают особых надежд» на улучшение отношений с Россией в связи с приходом в ней к власти новой админи-

---

⁹³ *Nimmo W.F.* Japan and Russia. P. 157.

⁹⁴ *Ibid.* P. 157.

страции, и лишь 14% — выразили такую надежду⁹⁵. С другой стороны, опросы показали существенное уменьшение доли японцев, однозначно считающих Россию «нелюбимой страной», а также некоторое увеличение доброжелательно настроенных к ней. Как представляется, на итоги опросов оказали воздействие и надежды на общие позитивные перемены в межгосударственных отношениях, и более благоприятный образ (с точки зрения эмоционально-психологического восприятия японцев) нового российского лидера: его манеры выражаться и одеваться, привычки, проявление им понимания и интереса к Японии (например, увлечение дзюдо и т.д.). Для многих японцев личное впечатление от тиражируемого СМИ образа В.В. Путина оказывается важнее, нежели содержание очередного «плана совместных действий» и иных дипломатических документов.

На восприятие России в Японии оказывает воздействие и «фактор одномоментных событий», который вызывает кратковременное изменение общественного мнения в ту или иную сторону. Так, выступления театральных, цирковых, музыкальных коллективов из России, собирая полные залы поклонников, обеспечивают хорошую рекламу и направившей их в Японию страны. Способствуя становлению позитивного образа России, эти контакты, к сожалению, не делают погоды и не способны переломить общую негативную тенденцию в японском общественном мнении.

В то же время информация о различного рода неприятных инцидентах в сфере двусторонних отношений, соответствующим образом преподнесенная японскими СМИ, хорошо укладывается в уже сложившийся стереотип и с готовностью воспринимается широкими массами, рассуждающими: «А что еще можно ожидать от этих русских?»

Такие инциденты происходят в различных областях. Если взять сферу экологии, можно вспомнить, например, случившуюся в январе 1987 г. катастрофу танкера «Находка» с грузом нефти из Китая, в результате которой в японские территориальные воды вылилось несколько тысяч тонн нефти⁹⁶. Бурю возмущения вызвал факт сброса 16 октября 1993 г. танкером российских военно-морских сил около 900 т радиоактивных отходов в Японское море без каких-либо извещений или согласований с японской стороной. Тем более что это произошло сразу после официального визита Б.Н. Ельцина, в ходе которого была высказана взаимная озабоченность в связи с влиянием

---

⁹⁵ <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/chosa01/kekka>

⁹⁶ *Hasegawa Tsuyoshi*. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. P. 504.

сброса радиоактивных отходов на состояние окружающей среды⁹⁷. Японцами такая информация воспринимается особенно болезненно, поскольку значительная часть морепродуктов на их стол поступает из прибрежных вод.

Образу «мрачной страны» соответствуют в глазах японцев также закономерные действия российской пограничной службы, в массовом порядке задерживающей десятки и сотни японских рыболовецких судов, ведущих браконьерский промысел морепродуктов в российских территориальных водах. Введение 200-мильной экономической зоны привело к тому, что огромные акватории Тихого океана, в которых шел промысел наиболее ценных видов морепродуктов (крабов, лососевых, терпуга, морского ежа, минтая и пр.), оказались в советской зоне. За послевоенный период было задержано около 10 тыс. японских рыбаков, многие из которых подверглись судебным преследованиям⁹⁸. Каждый случай поимки браконьеров российскими пограничниками воспринимается с изрядной долей негативных эмоций.

Сильную аллергию вызывает у японцев любая активность российской военной группировки на Дальнем Востоке, включая маневры, передислокацию сил в районы, примыкающие к японским территориям (включая острова Южно-Курильской гряды), не говоря о неоднократных нарушениях воздушного пространства Японии российскими боевыми самолетами. Несмотря на то что с 1991 г. Россия в официальных документах не фигурирует в качестве потенциального военного противника Японии, она остается таковым в глазах многих японцев, выросших во времена конфронтации и хорошо помнящих громкие инциденты не столь далекого прошлого (угон истребителя МиГ-25 в 1976 г., уничтожение в 1983 г. южнокорейского авиалайнера авиакомпании KAL, высылка из Японии советских граждан, уличенных в шпионаже, и т.д.).

Для немалой части японцев Россия по-прежнему «враждебная» страна, имеющая агрессивные намерения в отношении Японии. Это, кстати, подтверждают и итоги опросов общественного мнения. Например, в феврале 2001 г. 30,1% респондентов заявили, что военная угроза со стороны России существует, а еще 31,3% — что в настоящий момент ее нет, но в будущем может появиться⁹⁹.

Настороженность у японцев вызывает и усиление националистических настроений в отдельных слоях российского общества, факты насилия против иностранцев, деятельность «скинхедов» и пр. В япон-

---

⁹⁷ Знакомьтесь — Япония. 1995. № 7. С. 69.

⁹⁸ *Nimmo William F.* Op. cit. P.130.

⁹⁹ <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/chosa01/kekka>

ских СМИ, в частности, широко освещались инциденты, связанные с погромами и избиением японских граждан в Москве во время чемпионата мира по футболу 2002 г., когда российская национальная сборная проиграла японской.

Особо стоит сказать о роли отчужденности, вызванной различиями в культуре и национальной психологии («фактор эмпирического опыта»). На самом деле, по выражению преподавателя университета Яманаси гакуин Минору Такахаси, «редко можно встретить соседние народы, столь сильно различающиеся по условиям проживания, процессам национального государственного строительства, истории, общественным традициям, методам обращения с внешними субъектами и т.д.»¹⁰⁰. Безусловно, можно возразить: американская культура, построенная на культе индивидуализма и рационального коммерциализма, по сути, находится дальше от культуры японцев, нежели российская с ее общинным духом коллективизма. Однако в реальности послевоенное поколение японцев выросло в искренней убежденности, что именно США принесли им свободу и спасли от коммунистического порабощения (практически всем с малых лет известно не только об оккупации «северных территорий», но и о сталинском плане оккупации Хоккайдо), в то время как само это порабощение прочно ассоциируется с образом «злых и коварных русских».

Между тем даже в постперестроечный период, не говоря уж о советском, в японо-российских отношениях никогда «не работала» «народная дипломатия», как в отношениях между Японией и большинством стран Запада. Взаимный людской обмен имел весьма ограниченный характер, а деятельность некоторых категорий российских граждан, волею судеб занесенных в Японию, не способствовала укоренению в Японии позитивного имиджа России.

Одним из примеров может послужить массовое открытие «русских баров», в которых в качестве «хостесс» служат представительницы прекрасного пола из стран СНГ и Восточной Европы. Хотя работа большинства девушек не имеет ничего общего с проституцией, в целом многие японцы не вполне доброжелательно относятся к подобным заведениям и подспудно экстраполируют это отношение на страну, поставляющую для них специфическую рабочую силу. Данный фактор работает тем сильнее, что у россиян в Японии нет иной, более интеллектуальной ниши на рынке труда, какой обладают, например, американцы и англичане, которым легче устроиться на работу в качестве преподавателей английского языка, или китайцев, все активнее завоевывающих область информационных технологий.

---

¹⁰⁰ Гэндай Росиа-о сиру тамэ-но 55 сё. С. 236.

На все это накладывается усиление ксенофобских, националистических настроений в массах, которое происходит под влиянием общего роста преступности в среде иностранцев. Японские СМИ с удовольствием смакуют подробности преступлений российских криминальных структур, которые уже давно распространили свою «деятельность» на Японию, поставляя сюда оружие в обмен на подержанные автомобили либо занимаясь контрабандой морепродуктов (справедливости ради стоит отметить, что такая контрабанда была в значительной степени ограничена после соответствующих решений на межправительственном уровне).

Стоит затронуть также вопрос об имидже России, сложившемся среди японской интеллектуальной элиты. Исследования СССР и России имеют в японской академической среде достаточно глубокие корни. Среди тех, кто активно выступает с комментариями по «российскому вопросу», можно назвать такие имена, как Х. Кимура, С. Хакамада, Х. Вада, Н. Симотомай, С. Ёкотэ, М. Накадзима, Ц. Хасэгава и др. Нет нужды подробно останавливаться на различиях к подходам каждого из них к путям строительства японо-российских отношений, решению территориальной проблемы и пр. Однако понимание общей направленности взглядов японских специалистов по России очень важно, поскольку в Японии представители академической элиты, по сути, выполняют функцию лидеров общественного мнения и активно участвуют в его формировании. Они приглашаются на телевидение, у них берут интервью газеты и журналы, их книги лежат на видных местах книжных магазинов.

В отношении возможности превращения России в полноправного партнера Японии эта часть интеллигенции проявляет сдержанность и скептицизм. Более прагматично, чем их коллеги на Западе, и менее культово воспринимает японская интеллектуальная элита традиции демократии и либерализма, прав человека и т.д.¹⁰¹. Гораздо большее значение она придает сильному и мудрому государству, способному обеспечивать порядок и социальную гармонию. Происходящее в России рассматривается не в плоскости «соответствует ценностям демократии или нет», а в плоскости «ближе к порядку и дальше от хаоса или нет». Именно поэтому среди японской интеллигенции и, соответственно, общественности никогда не наблюдалось эйфорических ожиданий по поводу быстрого перехода России в стан демократических стран, которые были распространены на Западе в начале 1990-х годов.

---

¹⁰¹ По этому поводу С. Хакамада даже прочитал специальный доклад на международном симпозиуме в Тель-Авиве по японо-российским отношениям в ноябре 2001 г. (*Хакамада Сигэки*. Гэндай Росиа-о ёмитоку. С. 216–222).

Более того, превалирует точка зрения, что в отношениях с Россией Япония должна быть более прагматичной и жестко отстаивать свои территориальные требования, не оглядываясь ни на какие идеологические принципы (чем грешит, например, американская дипломатия).

Образ России в 1990-е годы значительно ухудшился из-за хаоса, царившего в ее экономике, господства криминала, беспорядочных приватизаций, отсутствия внятности в инвестиционной политике и защите прав иностранных собственников и т.д. И хотя Россия за это время стала полноправным членом «восьмерки» и могла похвастаться относительной свободой прессы, ее пугающая непредсказуемость оказалась для японского общественного мнения гораздо более весомым фактором, нежели успехи на пути гласности и демократии. Но изменения, происшедшие в России с начала 2000-х годов, несколько «подправили» ее образ в глазах японцев. Японская интеллектуальная элита внушила общественности, что усиление центральной власти означает для России движение к порядку, а некоторое подавление свободы слова является неизбежным злом, требующим если не прощения, то понимания. Вероятно, отчасти этим обстоятельством объясняется определенный рост благожелательности по отношению к России.

Свой образ России, далекий от идеального, сложился и у японской бизнес-элиты. Возможность заработать, соотношение выгоды и риска — вот универсальные критерии, по которым корпорации всего мира судят о привлекательности сферы их деятельности. Уместно вспомнить, что даже в разгар холодной войны СССР, имея репутацию надежного и платежеспособного делового партнера, был, несмотря на все фобии, «лучшим другом» японских бизнесменов, которые ради получения выгоды иногда шли даже на нарушение законов. Уместно вспомнить пример корпорации «Госиба», которая попала на том, что продала в 1987 г. СССР в обход принятых Западом запретов точные шлифовальные станки, позволившие советским конструкторам снизить шум от пропеллеров на подводных лодках и сделать их неуловимыми для американских радаров¹⁰².

Точно так же центральным моментом в восприятии японским бизнесом постсоветской России служит прагматичная оценка ее надежности как делового партнера — критерий, не имеющий ничего общего с живущими в общественном мнении стереотипами. Для деловых кругов Россия — это прежде всего международный рейтинг страны в целом, кредитная история российских корпораций и, соответственно, уровень доверия к ним, инвестиционный климат и защищенность прав иностранных собственников и т.д. Что же касается российского

---

¹⁰² *Kimura, Hiroshi*. Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin. P. 250.

мелкого и среднего бизнеса, то его кредитная история такова, что речь может идти только о торговых сделках на условиях полной предоплаты, но никак не о кредитных линиях. По мнению деловых кругов, уровень рисков в России таков, что без правительственных гарантий здесь делать нечего, а отсутствие таковых является косвенным следствием негативного настроения общественного мнения вследствие нерешенности проблемы «северных территорий».

Заложниками общественного мнения оказались не только бизнес, но и прочие элементы «железной триады» — бюрократия и политический мир. После разгрома в 2002 г. «пророссийской» группировки японского МИДа, учиненного в связи с «делом Судзуки», японским дипломатам пришлось подальше спрятать свое личное мнение по вопросам развития отношений с Россией. Они лишь претворяют в жизнь решения, принимаемые политическим руководством страны. А решения эти носят в настоящее время откровенно популистский характер и предусматривают упрямое следование пресловутой «политике северных территорий», которая уже завела японо-российские отношения в тупик.

Для японского политического мира характерно то, что в условиях относительного единодушия общественного мнения по территориальному вопросу одинаковую позицию в отношении российского направления внешней политики занимают все политические партии страны. Особую линию традиционно проводит КПЯ, которая настаивает на передаче Японии не только «северных территорий», но и всех Курильских островов, да и Сахалина. На этом фоне связанными по рукам оказались и представители партии власти, для которых любое открытое проявление благожелательности к России требует чуть ли не личного мужества. Позиция ведущих японских политиков оказалась жестко детерминирована цифрами электоральной поддержки.

Ситуация осложняется тем, что представители современного политического истеблишмента Японии вынуждены приспосабливаться к требованиям предвыборного цикла и учитывать необходимость «понравиться» электорату. К тому же в Японии есть достаточно мощный «клан северных территорий» — сообщество политиков, общественных деятелей, экспертов, бизнесменов и представителей местной власти, крайне заинтересованных в поддержании территориального вопроса в подогретом состоянии. На пропаганду движения за «северные территории» из государственного бюджета выделяются крупные ассигнования, а бюджеты некоторых муниципий Хоккайдо, примыкающих к островам, сильно зависят от государственных дотаций на «развитие северных территорий». В немногочисленном кабинете министров Японии имеется штатная должность министра по делам Оки-

навы и «северных территорий». В этих условиях любые попытки проявить гибкость и отойти от прямолинейности в территориальных требованиях к России трактуются как предательство национальных интересов, что тормозит двусторонние отношения, не позволяя использовать заложенный в них потенциал.

Институциональные факторы в японо-российских отношениях

Место России в шкале внешнеполитических приоритетов Токио остается достаточно скромным. Помимо незначительной ее роли в японских внешнеэкономических связях, следует учитывать также консерватизм японского общественного мнения, которое на обозримую перспективу вряд ли откажется от комплекса «пострадавшей нации», а политическое руководство — от возможности эксплуатировать этот комплекс в интересах повышения своих политических рейтингов. Поскольку Россия представляет уже хорошо «пристрелянную» пропагандистскую мишень, возникает постоянный соблазн сохранить проблему «северных территорий» в центре повестки дня двусторонних отношений. В результате этого постоянно генерируется ресурс искусственного их подмораживания.

В то же время в японском руководстве хорошо понимают, что стабильные отношения с Москвой жизненно необходимы Японии в силу как географического соседства, так и ее заинтересованности в стабильности и сбалансированности регионального порядка, который невозможно обеспечить без участия РФ. Кроме того, усилению позиций России способствует расширение спектра форм и направлений двустороннего сотрудничества, его диверсификация. Помимо торгово-экономических связей, взаимодействие с Москвой становится для Токио важным аспектом политики обеспечения национальной безопасности в таких сферах, как борьба с распространением оружия массового поражения, терроризмом, браконьерством и морским пиратством, инфекционными заболеваниями и иными видами «новых угроз», совместные операции по спасению терпящих бедствие в море и т.д. Исходя из этого, можно заключить, что значение России во внешнеполитической стратегии Токио в исторической перспективе будет возрастать.

Политика Японии по отношению к России формируется в первую очередь в Министерстве иностранных дел, Министерстве экономики, торговли и промышленности (МЭТП). Наибольшую роль в структуре правительства играет МИД, в рамках которого российским направле-

нием занимается Отдел России Департамента Европы, который насчитывает несколько десятков сотрудников¹⁰³. Кроме того, в Департаменте Европы имеются небольшой Сектор помощи России, в задачи которого входит координация деятельности японских центров, действующих в российских регионах, а также Сектор программ японо-российских обменов. В МЭТП, в свою очередь, имеется Сектор России, входящий в состав Отдела Европы Управления торговой политики. В прочих министерствах и ведомствах, как правило, отсутствуют профильные подразделения, которые занимались бы только Россией, однако в штате есть специалисты по российским делам.

В сфере экономического сотрудничества с Россией имеется межгосударственная инфраструктура. Например, в ноябре 1994 г. была сформирована Японо-российская межправительственная комиссия по торгово-экономическим вопросам. Для развития инвестиционного сотрудничества с Россией в декабре 2003 г. было решено создать японо-российскую организацию по содействию торговле и инвестициям.

Вместе с тем следует констатировать, что в правительстве не сложилось достаточно влиятельных группировок и центров давления, которые стали бы проводниками курса на активизацию отношений с Россией. Министерства и ведомства выполняют в основном технические функции. Тенденция к «технократизации» роли министерств и ведомств особенно усилилась с 2009 г. в связи с проводившейся ДПЯ реформой системы принятия политических решений, в рамках которой субъектная база формирования государственной политики перемещается из бюрократических структур правительства в политические органы правящей партии и правительства, включая Канцелярию кабинета министров.

В политическом мире Японии существуют группировки, заинтересованные в установлении более тесных отношений с Россией. В целом пророссийски был настроен премьер-министр Японии в 2009–2010 гг. Ю. Хатояма, являющийся выходцем из мощного политического клана, представители которого занимают традиционно активную позицию по вопросу о сближении с Россией. Достаточно вспомнить, что И. Хатояма, дед Ю. Хатояма, подписал в 1956 г. Совместную декларацию, положившую конец состоянию войны и открывшую путь к восстановлению полноценных политических и экономических отношений Японии с Советским Союзом. Сам же Ю. Хатояма длительное время возглавлял Японо-российскую ассоциацию дружбы, а после того как стал главой правительства, передал эту миссию своему младшему брату Кунио Хатояма.

---

¹⁰³ <http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/index.html>

Активно проявляют себя депутаты парламента, представляющие те регионы Японии, которые поддерживают устойчивые связи с Россией. Речь в первую очередь идет о Хоккайдо и префектурах, расположенных на побережье Японского моря, которые имеют давнюю историю связей с российским Дальним Востоком. Объективные факторы (общие интересы в сфере торговли, инвестиционного сотрудничества, борьбы с браконьерством, экологии, спасения на море и оповещения в случае масштабных стихийных бедствий и т.д.) заставляют эти регионы лоббировать активную политику в отношении Москвы. Так, во многом их усилиями еще в конце 90-х годов. XX в. была создана депутатская Лига содействия строительству газопровода Сахалин–Хоккайдо.

Нередко уровень политических и экономических связей между регионами оказывается выше того, что сложился между правительствами двух стран. Как подчеркивал британский исследователь Г. Хук, «японское правительство как актер международных отношений во многих случаях оказывается неспособным осуществлять договоренности, достигнутые на национальном уровне, без привлечения региональных, в том числе негосударственных, структур»¹⁰⁴. Хороший пример представляет Хоккайдо, у которого сложился целый комплекс связей с Сахалинской областью и иными регионами российского Дальнего Востока в экономической, культурной, экологической, гуманитарной и иных областях.

Свои специализированные органы по развитию отношений с Россией есть в отмеченных выше предпринимательских организациях и экономических группировках. Например, в составе Федерации экономических организаций Японии имеется Японо-российский комитет по экономическому сотрудничеству. Неоценимые услуги в организационном и информационном обеспечении компаний, выходящих со своей продукцией на российский рынок, оказывает Ассоциация внешней торговли — ДЖЕТРО. Будучи полуправительственной организацией, ДЖЕТРО осуществляет сбор и обработку зарубежной экономической информации, оказывает консультационную и посредническую помощь в налаживании экспортных и импортных операций, проводит выставки и выставки-продажи российских товаров, налаживает контакты между представителями делового мира Японии и России. Следует также назвать основанную в 1967 г. Японскую ассоциацию по торговле с Россией и Восточной Европой (ныне — Японская ассоциация по торговле с Россией и новыми независимыми государствами), цель которой содействовать развитию делового сотрудничества между японскими и российскими предприятиями.

---

¹⁰⁴ Япония в Азиатско-тихоокеанском регионе. С. 66.

Во многом из-за слабого развития экономических отношений в Японии не сложилось сколько-нибудь влиятельное лобби, которое бы способствовало на политическом уровне усилению российского вектора внешней политики, подобное тем, что существуют на китайском или американском направлениях. Стратегические решения по России, принимаемые в рамках внешнеполитического истеблишмента, определяются главным образом конъюнктурными внутривнутриполитическими интересами. Логика их принятия в основном лежит вне контекста общих внешнеполитических доктрин, отражающих базовые интересы Японии. Россия почти не фигурирует при формулировании целей в области внешней политики и национальной безопасности.

Что касается России, то наибольшие проблемы для решения задачи по улучшению политических отношений с Токио представляют несогласованность в действиях отдельных органов государственной власти, работающих на японском направлении, отсутствие квалифицированных кадров и недостаточность мотивации при принятии решений, узость стратегического мышления российского внешнеполитического истеблишмента.

Обращает на себя внимание институциональная и кадровая слабость тех подразделений российского МИДа, которые занимаются внешнеполитическим планированием на японском направлении. В ведомстве явно не хватает структур, специализирующихся на концептуальной проработке наших отношений с ключевыми партнерами в АТР, включая Японию. В профильном подразделении (3-м департаменте Азии) сказывается недостаток специалистов, хорошо разбирающихся во всех тонкостях и «подводных камнях» отношений с Японией. Работа 3-го департамента связана главным образом с решением рутинных вопросов: оформлением различного рода нормативно-правовых документов, подготовкой рабочих встреч руководства, написанием справок, записок, отчетов и т.д. Превалирование протоколно-канцелярских функций не позволяет МИДа претендовать на роль политического локомотива и брать на себя инициативу в принятии прорывных решений.

В целом организационно-политические ресурсы российского МИДа крайне ограничены. Бросается в глаза отсутствие в его составе аналитических структур, позволяющих обеспечивать «мозговую атаку» на международные проблемы с общегосударственных позиций. Об этом свидетельствует и тот факт, что, будучи головным внешнеполитическим ведомством, МИД не наделен особыми прерогативами и, таким образом, занимает положение «первого среди равных» по отношению к прочим российским ведомствам. В результате роль МИДа нередко сводится к решению второстепенных, зачастую технических вопросов.

Недостаточен и уровень политической мотивации в пользу активной дипломатии на японском направлении. Среди российских политиков трудно назвать крупную фигуру, которая бы стала самостоятельным фактором в деле активизации политики на японском направлении.

Гораздо более серьезную роль в формировании политического курса в отношении Японии мог бы играть российский бизнес. Если бы он обозначил свое экономическое присутствие в Японии, это способствовало бы формированию заинтересованности корпоративных структур в «политическом прикрытии» экономических связей. Иными словами, тогда появились бы предпосылки для формирования «прояпонских» лоббистских группировок в российском политическом истеблишменте, которые стали бы активными сторонниками идеи тесного политического диалога с Токио. С другой стороны, экономические факторы станут определять и политическое содержание наших отношений с Японией, если японские корпорации получат действенные стимулы для внедрения на российское экономическое пространство Сибири и Дальнего Востока, например после переориентации энергетических потребностей Японии на Россию. Определенные предпосылки для формирования совместных экономических интересов, безусловно, уже созданы, некоторые еще предстоит создать. Большие надежды российская сторона возлагает на участие японских компаний в проектах по освоению топливно-энергетических ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Крайней степенью ограниченности отличается и сфера участия российских академических и иных неправительственных организаций в процессе выработки внешнеполитического курса по отношению к Японии. Государство в лице соответствующих ведомств не стремится получать рекомендации «мозговых центров», не облегчает им становление и деятельность. Субъекты внешнеполитического процесса в лице МИДа и иных министерств и ведомств предпочитают либо опираться на собственные силы, либо ждут указаний «сверху». Свою роль играет и кадровый голод: молодежь не идет в науку, прежде всего из-за низких заработков и, как следствие, низкого социального престижа ученых. Трудно было бы ожидать высококлассных научных разработок в условиях сниженной конкуренции, отсутствия духа творческой активности и созидательности в академической среде. Но даже имеющиеся крупные научные разработки, направленные на поиск путей решения назревших политических и экономических проблем в российско-японских отношениях, фактически «кладутся под сукно». Между тем привлечение к процессу принятия ключевых решений экспертов, хорошо представляющих ситуацию в стране-партнере, могло бы внести существенный вклад в разработку эффективных и взвешенных шагов для укрепления связей нашей страны с Японией.

Большую проблему составляют также жесткие ограничения в соответствии с Законом о государственной тайне для доступа общественных организаций и научных центров к служебной информации по внешней политике и безопасности. На этом фоне выступления российских специалистов в СМИ по вопросам двусторонних политических отношений с Японией носят эпизодический характер.

К настоящему времени нашим странам удалось создать новые отношения, которые по широте, глубине и интенсивности контактов не имеют аналогов во всей истории двусторонних связей. Они развиваются практически во всех сферах — политической, экономической, военной, правовой, культурной, экологической. Особое значение Россия и Япония придают этим связям в общем контексте политической и экономической ситуации в восточноазиатском регионе. Можно предположить, что и в XXI в. для обеих стран роль их взаимоотношений с точки зрения национальных интересов каждой из них будет возрастать. Более того, эти взаимоотношения будут приближаться к новому качеству — стратегическому партнерству.

Сближению Японии и России способствует и объективный процесс изменения баланса сил в мире, в рамках которого обостряются риски относительного ослабления региональной и глобальной роли обеих стран. Эти риски воспринимаются в Москве и Токио как своего рода вызов, требующий активизации мер по развитию их взаимоотношений. Свою роль играет и диверсификация угроз, в том числе невоенного характера (терроризм, киберпреступность, экологический кризис, стихийные бедствия), многие из которых требуют консолидации усилий наших стран.

Позиции России и Японии по всем основным проблемам международной политики близки либо полностью совпадают. Обе они, не являясь политическими союзниками, не рассматривают друг друга как военную угрозу. Российско-японское взаимодействие на международной арене развивается динамично и довольно успешно. Расширение и углубление двустороннего сотрудничества создает условия для формирования атмосферы доверия.

В экономической области, как отмечалось выше, одна из системных проблем заключается в отсутствии достаточного уровня взаимной дополняемости экономик двух стран. Россия пока еще рассматривается в качестве партнера с высоким уровнем «страновых рисков»: она не обладает необходимой инфраструктурой и иными логистическими возможностями, дешевой рабочей силой и прочими конкурентными преимуществами. Кроме того, структура российско-японских экономических связей имеет «полуколониальный» характер, и сырье, которое поставляется на рынки региона, в любое время может быть заменено поставками из других стран.

Не обладая прочной экономической основой, японо-российские отношения развиваются волнообразно, зависят от внутривнутриполитической конъюнктуры. Кроме того, Япония использует комплекс «пострадавшей нации». Консерватизм японского общественного мнения не позволяет надеяться на коренное изменение политического климата, в частности с учетом территориальной проблемы. Поэтому главная задача заключается в том, чтобы найти такие сферы, взаимодействие в которых сможет стать локомотивом в развитии двусторонних отношений.

Какие шаги следовало бы предпринять, чтобы сдвинуть их с мертвой точки? Прежде всего необходимо должным образом обозначить значение страны-партнера во внешнеполитических концепциях, политических манифестах и программах правящих партий, а также иных базовых документах, призванных стать руководством к действию. Целесообразно было бы немедленно взаимно подтвердить на высшем уровне особую значимость партнера с точки зрения обоюдных национальных интересов. Среди направлений активизации сотрудничества могут быть и вопросы международной безопасности на Дальнем Востоке, в том числе согласование позиций по северокорейской ядерной программе, меры доверия в военной области, разработка системы реагирования на чрезвычайные обстоятельства, включая масштабные стихийные бедствия.

Другое важное направление — развитие личных контактов между руководителями двух стран, поскольку личностная дипломатия играет большую роль в укреплении отношений с зарубежными странами как в России, так и в Японии. Установление «горячей линии», проведение «встреч без галстуков» и иные виды неформального общения позволят снизить градус недопонимания, предостеречь от непродуманных и опрометчивых действий, способных нанести серьезный ущерб.

Наиболее сложной в двусторонних отношениях остается проблема территориального размежевания. Ведущийся между нашими странами уже в течение нескольких десятилетий диалог по территориальному вопросу пока не принес осязаемого результата. Это связано не с отсутствием воли или желания у одной из сторон договориться, а с крайне сложным, чувствительным характером этой темы, обусловленным принципиальными расхождениями в оценках Второй мировой войны и ее итогов. Единственный выход — попытаться совместными усилиями вывести данный вопрос с центра повестки дня двусторонних отношений на их периферию, найти точки соприкосновения взаимных интересов, попытаться развивать наши отношения, понимая, что решить проблему территориального размежевания можно лишь на основе компромисса, путем длительных переговоров, но никак не с помощью языка ультиматумов.

Заключение

С тав в 1970-х годах второй в мире державой по экономической мощи, Япония долгое время не могла реализовать свой потенциал как одного из мировых политических лидеров. Находясь в тени Соединенных Штатов Америки — старшего партнера по Договору безопасности, она после Второй мировой войны последовательно претворяла в жизнь «доктрину Ёсида».

Однако в постбиполярный период Япония постепенно отходит от своего пацифистского статуса и постепенно превращается в «нормальное государство», не связанное ограничениями на полноценное военное строительство. В политике обеспечения национальной безопасности Токио взял курс на активизацию военного компонента. Этому способствуют глобальные сдвиги на мировой арене, и прежде всего экономическое ослабление США и их неспособность в одиночку решать задачу обеспечения интересов западного сообщества во всех регионах планеты. В Японии растут опасения, связанные с военным усилением Китая и развитием ядерной программы Пхеньяна, а также общей нестабильностью в международных отношениях в Восточной Азии.

В постбиполярный период Вашингтону так и не удалось в полной мере решить проблему формирования многосторонней системы международной безопасности в Восточной Азии, основанной на его стратегических отношениях со странами-союзницами в регионе. Традиционная система обеспечения безопасности («система оси и спиц»), являющаяся реликтом холодной войны, уже утратила свою былую эффективность и сохраняется лишь из-за отсутствия альтернативы.

Отношения Японии с ее восточноазиатскими соседями остаются крайне сложными и напряженными. Продолжается геополитическое соперничество Японии с КНР. На политический климат негативное воздействие оказывает нерешенная проблема островов Сэнкаку/Дяо-

юйдао. Дополнительную сложность в отношениях, причем не только с Китаем но и Южной Кореей, создают проблемы исторического прошлого. Так, крайне болезненно в Сеуле и Пекине были восприняты визиты японских руководителей в храм Ясукуни. Очередной демонстративный визит премьер-министра С. Абэ в храм Ясукуни состоялся в канун 2014 г.

Сеул настроенно относится к активным действиям Токио в военной сфере, считая новую политику кабинета Абэ вызовом, если не сказать угрозой, для собственной безопасности. Недовольство разладом в отношениях между Японией и Южной Кореей, являющихся союзниками США, стали выражать даже в Вашингтоне. В докладе исследовательской службы Конгресса США от 1 мая 2013 г., посвященном текущему состоянию японо-американских отношений, утверждалось: «Комментарии и практические действия, предпринимаемые премьер-министром С. Абэ и членами его кабинета по сложным вопросам истории, дают основания для озабоченности, поскольку тем самым Токио может внести разлад в региональную систему отношений, что нанесет ущерб американским национальным интересам»¹.

Япония в своей военной стратегии по отношению к Китаю стала отходить от узкой нацеленности на потенциальный вооруженный конфликт из-за островов Сэнкаку. На смену пониманию проблемы Сэнкаку как вопроса только взаимоотношений с КНР в Токио пришло осознание того, что ситуация в Восточно-Китайском море тесно связана с ситуацией в Южно-Китайском море, а потому необходимо координировать оборонную политику со странами, озабоченными ростом военных амбиций Пекина. В 2013 г. премьер-министр Японии С. Абэ выдвинул идею «ромба безопасности» — объединения Японии с Австралией, Индией и американским штатом Гавайи с целью обеспечения безопасности морских коммуникаций в регионе. В ноябре 2012 г. С. Абэ пригласил Великобританию и Францию активно участвовать в укреплении азиатской безопасности и выразил желание Японии присоединиться к группе пяти держав по вопросам обороны с участием Великобритании, Малайзии, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии².

Обращает на себя внимание активное развитие связей Японии в области безопасности со странами АСЕАН. В начале 2013 г. в ходе визита Абэ в эти страны были сформулированы «пять принципов японской дипломатии» в отношениях с ними, один из которых — принцип свободы мореплавания. Этот принцип стал особенно акту-

---

¹ Chanlet-Avery E., Manyin M.E., Cooper W.H., Rinehart I.E. Japan–U.S. Relations. P. 5.

² Abe Shinzo. Asia's Democratic Security Diamond.

альным вследствие обострения споров о разграничении территориальных вод в Восточно-Китайском море. В выступлении японского министра обороны И. Онодэра летом 2013 г. на международной конференции по безопасности в АТР (Сингапур) прозвучала решимость Японии «играть еще большую роль в защите базовых принципов свободы навигации и законов морского права, в центре которых находится Конвенция ООН по морскому праву»³.

Тенденции к формированию сетевых структур коррелируют со стремлением США создать под своей эгидой несколько многосторонних форматов в сфере безопасности со взаимно переплетающимися составом участников, которые бы наладили между собой взаимодействие для противостояния общей угрозе (США–Япония–Южная Корея, США–Австралия–Япония–Индия, США–Филиппины–Япония). Как отмечали американские эксперты П. Кронин и М. Грин, «самой стабильной международной средой будет та, в которой двусторонние военные союзы функционируют в рамках более широкой сети многосторонних форумов, созданных для обеспечения отношений доверия и достижения консенсуса в регионе»⁴.

Как представляется, дальнейшая модификация японо-американского военно-политического союза будет происходить в направлении его встраивания в подобные сетевые структуры при сохранении базовой конфигурации как двустороннего. С учетом сложившихся в Северо-Восточной Азии реалий и Япония, и США вряд ли откажутся от военно-стратегического сотрудничества в рамках Договора безопасности.

Вместе с тем отношение сторон к развитию японо-американского союза различно. Как отмечал профессор университета Вашингтона К. Пайл, «с позиций США альянс следует расширять с целью обеспечения региональной стабильности и ведения глобальной войны с терроризмом». Япония же «будет добиваться максимальной автономии в своих интересах, даже если союз останется двусторонним. Она не захочет быть заложницей глобальной стратегии Соединенных Штатов или отношений Америки с Китаем и Южной Кореей. К тому же Японии придется прилагать усилия для реализации своей ипостаси как азиатского государства». Речь, по мнению американского эксперта, в первую очередь идет о развитии «тех многосторонних форматов в восточноазиатском регионе, в которых она сможет установить свое лидерство, конкурируя с Китаем, и добиваться решения широкого круга чисто региональных проблем»⁵.

³ *Defending National Interests.*

⁴ *The US–Japan Alliance.* P. 321.

⁵ *Pyle K.B. Japan Rising.* P. 369.

Существенное воздействие на политику Японии в АТР будут продолжать оказывать внутривнутриполитические соображения. В их числе — подъем национализма в стране и поправка политическим партиям, представленных в парламенте, а также выход на политическую арену новых поколений японцев, не помнящих Второй мировой войны. Большое значение имеет и рост популизма в политике, заставляющего администрацию принимать решения, в том числе во внешнеполитической сфере, которые не всегда соответствуют общегосударственным национальным интересам и ориентированы в первую очередь на националистические настроения электората.

С начала 2010-х годов, как было показано в настоящем исследовании, Япония приступила к пересмотру базового курса в области обороны. Еще во время предвыборной кампании 2012 г. С. Абэ выдвинул идею создания «оборонительных вооруженных сил», иначе говоря, превращения Сил самообороны в полноценную армию. После возвращения к власти в декабре 2012 г. правительство ЛДП сразу стало предпринимать шаги, направленные на усиление военного компонента в политике обеспечения национальной безопасности. Утвержденные в конце 2013 г. базовые документы в сфере обороны содержат амбициозную программу наращивания военного потенциала, ориентированного на стоящие перед страной новые вызовы, и главными среди них называются ракетно-ядерная программа КНДР, а также угроза вооруженного захвата Китаем островов Сэнкаку/Дяюйдэо. В 2014 г. кабинет министров одобрил новую трактовку права на коллективную самооборону, в соответствии с которой политическое руководство получило право использовать Силы самообороны в ситуациях, не обязательно подпадающих под понятие «прямое военное нападение» на территорию Японии.

В сентябре 2015 г. японский парламент принял пакет из одиннадцати законов, посвященных политике в области безопасности. Новые законы позволяют обойти многие ранее действовавшие конституционные ограничения на военное строительство и существенно расширяют область потенциального использования Сил самообороны в рамках японо-американского Договора безопасности, которая изначально была ограничена районами вблизи Японии. Провозглашая необходимость «плавного» (seamless) реагирования на различные ситуации в сфере безопасности, новое законодательство фактически дает японскому руководству карт-бланш на осуществление логистической и тыловой поддержки армии США по всему земному шару. Фактически это переводит оперативное и стратегическое взаимодействие вооруженных сил Японии и США с регионального уровня на глобальный.

Опросы общественного мнения, проводившиеся на протяжении всего периода рассмотрения законопроектов в высшем законодательном органе страны, демонстрировали сугубо негативное к ним отношение со стороны большей части японцев. Неясными остаются содержание базового понятия «коллективная самооборона», а также многие аспекты, касающиеся сути пакетного законодательства. В связи с расширением союзнических обязательств Токио перед Вашингтоном наиболее сильные протесты у японцев вызывает перспектива вовлечения Японии против ее воли в вооруженные конфликты с участием американских военных по всему миру. Предоставляя США логистическую и тыловую поддержку далеко за пределами Японии, Силы самообороны не могут остаться в стороне от любых подобных конфликтов. Новое законодательство не дает однозначных ответов, как должно поступать правительство в случае гибели или пленения персонала Сил самообороны. Жизнь японских военнослужащих поэтому оказывается под угрозой даже в тех случаях, когда они не принимают непосредственного участия в боевых действиях, а сами эти конфликты не создают прямой угрозы суверенитету Японии. Между тем закономерное чувство тревоги вызывает у японцев неприятная память о предпринятых Вашингтоном в последние десятилетия силовых акциях, например о проведенной в 2003 г. операции в Ираке. В стране усиливаются опасения, что Японии теперь придется платить жизнями своих граждан, отстаивая чуждые ей интересы союзника.

Большой урон наносит новое законодательство и международному престижу Японии, основанному на ее уникальном статусе пацифистского государства. После войны 9-я статья Конституции являлась для Токио одним из важных активов его внешней политики. Япония завоевала высокий авторитет на международной арене прежде всего благодаря сугубо невоенным методам, которые включают заметный вклад страны в реализацию помощи развитию, борьбу с бедностью, решение проблем образования, здравоохранения и др. В японском общественном мнении преобладает высокая оценка пацифистских постулатов Основного закона и по той причине, что в послевоенный период за пределами Японии не погиб ни один японский военнослужащий.

Серьезные сомнения вызывает и используемый сторонниками правительства тезис о том, что новым законам якобы нет никакой альтернативы. Левые партии и значительная часть экспертов указывают на то, что помимо военных средств существуют еще и дипломатические, экономические и финансовые рычаги обеспечения безопасности, которые позволили бы Японии повысить свою роль в региональных

делах с гораздо большей эффективностью. Согласно данной точке зрения, преимущественная ставка во внешнеполитическом инструментарии на военный компонент может дать неверный сигнал странам-соседям, сохраняющим память о японской агрессии в период Второй мировой войны, и спровоцировать дальнейший рост напряженности в Восточной Азии. Это, в свою очередь, не только не решит задачу укрепления безопасности Японии, но, наоборот, сделает ее более уязвимой для внешних угроз.

Хотя принятие нового законодательства стало очередным шагом в наступлении на пацифистский статус страны, правительство пока не решилось в открытую поставить вопрос об изменении Конституции. Во многом это связано с тем обстоятельством, что для ее ревизии потребовались бы одобрение поправок верхней палатой парламента, где у правящей коалиции нет необходимого для этого квалифицированного большинства, и вынесение данного вопроса на общенародный референдум, а правительство имеет все основания сомневаться в благоприятном для себя его исходе. На этом фоне кабинет Абэ пошел по пути расширенной трактовки Конституции, согласно которой использование права на коллективную самооборону соответствует Основному закону.

Принятие нового законодательства, очевидно, знаменует собой качественный сдвиг в политике Японии в области безопасности. Он заключается в существенном усилении компонента, связанного с Договором безопасности, при относительном ослаблении пацифистского начала, которое теперь будет иметь все более формальный характер.

Между тем в политическом и бюрократическом истеблишменте Японии усиливаются опасения по поводу надежности гарантий безопасности, обеспечиваемых в рамках военно-политического союза с США. Эти опасения укрепляют позиции националистического крыла, ратующего за более активный и самостоятельный курс в области военной безопасности. Мощные аргументы в пользу «автономистского» курса в сфере безопасности его сторонники получили в октябре 2013 г., когда внутривнутриполитические соображения заставили Б. Обаму отказаться от посещения саммита АТЭС и Восточноазиатского саммита. Тем самым Вашингтон создал почву для сомнений, хватит ли у США сил обеспечивать гарантии безопасности и можно ли полагаться на эти гарантии как прежде.

Как было показано в монографии, проблема Сэнкаку в отношении с Китаем, сохраняющаяся на протяжении многих десятилетий, не только не решена, но, напротив, в немалой степени обострилась в последние годы. Дополнительную сложность территориальным спорам Япо-

нии с соседями (с КНР — из-за островов Сэнкаку/Дяоюйдао, с Россией — из-за «северных территорий») придает то обстоятельство, что позиции сторон в этих спорах в значительной степени определяются соображениями государственного престижа, а это затрудняет применение политических и судебных методов урегулирования. Большую роль играют и внутривнутриполитические причины: жесткость в территориальных спорах повышает авторитет власти в обществе.

В Японии не затихает дискуссия вокруг вопроса о возрождении военного потенциала страны и перспектив отказа от ее «мирного статуса», закрепленного в Конституции. Японское общество, по сути, разделилось на сторонников и противников нового военно-политического курса: тем, кто выступает за возрождение Японии как военной державы и укрепление ее военной мощи, противостоят политики, придерживающиеся более прагматичных взглядов и считающие, что будущее экономическое процветание Японии не обязательно требует отказа от «мирного наследия» и невоенного статуса.

Список использованной литературы

На русском языке

- Азиатский многоугольник: конфликтность и потенциал интеграции. М., 2007.
- Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIII. М., 2007.
- Аладын В.В.* Россия и Япония: пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001.
- Байков А.* Интеграционные маршруты Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 1(16). Январь–апрель. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/001.htm> (дата обращения 02.03.2014).
- «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010.
- Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 02.03.2014).
- Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Ред. Суэцугу Итиро. М., 2000.
- Внешняя политика Японии. История и современность. М., 2008.
- Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом. М., 2004.
- Документы XX века. Курильские острова в официальном путеводителе по Японии Департамента государственных железных дорог Японии. 1941 г. URL: <http://www.doc20vek.ru/taxonomy/term/306> (дата обращения: 02.03.2014).
- Документы XX века. Строго секретно для генералиссимуса Сталина от президента Трумэна. Получено 18 августа 1945 года. URL: <http://doc20vek.ru/taxonomy/term/321> (дата обращения: 02.03.2014).
- Зиланов В.К. и др.* Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской границы. М., 2002.
- Ильшев А.В.* Внешняя политика Японии в период мирового финансово-экономического кризиса // Мировой кризис и Япония. М., 2009.
- Иркутское заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора. URL: http://www.mid.ru/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/6a0b0315092917e0c3256a5e002ff3ae?OpenDocument (дата обращения: 02.03.2014).

- История внешней политики СССР / Ред. А.А. Громыко, Пономарев Б.Н. Т. 1. М., 1980. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/gromika_istorija/06.aspx (дата обращения: 02.03.2014).
- История российско-японских отношений XVIII — начала XX века. М., 2015.
- История Японии (1945–1975). М., 1978.
- Караиванов А.А.* Проблемы и перспективы торговых отношений между Россией и Японией в начале XXI в. // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XVIII. М., 2007.
- Кожевников В.* Территориальные споры в Восточной Азии и пути их решения. URL: http://deita.ru/analytics/v-mire_13.03.2008_107290_territorialnye-spory-v-vostochnoj-azii-i-puti-ikh-reshenija.html<http://deita.ru/news/raznoe/13.03.2008/107290-territorialnye-spory-v-vostochnoj-azii-i-puti-ikh-reshenija/> (дата обращения: 02.03.2014).
- Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f (дата обращения: 02.03.2014).
- Кошкин А.А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. URL: <http://lib.rus.ec/b/343773/read> (дата обращения: 02.03.2014).
- Кошкин А.А.* Россия на Курилах. К 200-летию посольства Н.П. Резанова в Японию // Советская Россия. 11.05.2006.
- Кунадзе Г.Ф.* Япония и Китай: время «особых отношений» // Японский калейдоскоп. М., 2006.
- Курилы — острова в океане проблем / Сост. Ю.В. Георгиев. М., 1998.
- Лужков Ю.М., Титов И.Б.* Курильский синдром. М., 2008.
- Накамура Синтаро.* Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983.
- Носова И.* «Азиатский разворот» во внешнеполитическом курсе Японии (2009–2010) // Япония после смены власти. М., 2011.
- Объем накопленных иностранных инвестиций в экономике России по основным странам-инвесторам. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/174inv21.htm (дата обращения: 02.03.2014).
- Павлятенко В.* Нужен ли России мирный договор с Японией? // Время новостей. 03.07.2009.
- Панов А.Н.* Японская дипломатическая служба. М., 1988.
- Пинаев Л.П.* Эволюция военной политики Японии. 1951–1980 гг. М., 1982.
- Пonomарев С.* Что такое «северные территории»? URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/chto_takoe_severnie_territorii.htm (дата обращения: 02.03.2014).
- Портсмутский мирный договор между Россией и Японией. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19050825portsmut.php (дата обращения: 02.03.2014).

- Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., 2004.
- Сафонов В.П. Война на Тихом океане. М., 2007.
- Славинский Б.Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999.
- Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства. 29 апреля 2013 года. URL: http://special.kremlin.ru/ref_notes/1446 (дата обращения: 02.03.2014).
- Старран Н.В. Политика Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Внешняя политика Японии. История и современность. М., 2008.
- Стрельцов Д.В. Case-study: регион Восточной Азии в мировых политических и экономических процессах // Сравнительная политика. 2010. № 2.
- Стрельцов Д.В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО. 2010. № 1.
- Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г. // Вестник МГИМО. 2013. № 5.
- Стрельцов Д.В. Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений // Вестник МГИМО. 2012. № 6.
- Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002.
- Стрельцов Д.В. Территориальная проблема в японо-российских отношениях // Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М., 2013.
- Стрельцов Д.В. «Ядерная дилемма» во внешней политике послевоенной Японии // Вестник МГИМО. 2010. № 6.
- Стрельцов Д.В. Япония и «Восточноазиатское сообщество»: взгляд со стороны // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 57–66.
- Стрельцов Д.В. Япония: курс на присоединение к Транстихоокеанскому партнерству // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С. 70–77.
- Стрельцов Д.В. Япония между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3.
- Стрельцов Д.В. Япония: новая парадигма безопасности в свете обострения территориального спора с Китаем // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1.
- Суслина С. Новое интеграционное трио в мировой экономике. URL: http://russiaincouncil.ru/inner/?id_4=459#top (дата обращения: 30.07.2012).
- Территориальная проблема между Японией и Россией. За отношения истинного доверия / Сост. МИД Японии. URL: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/pamphlet_r.pdf (дата обращения: 02.03.2014).

- Тихвинский С.Л.* Послевоенная нормализация российско-японских отношений и ее противники в Японии и за океаном // *Международная жизнь*. 2011. № 8.
- Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Японией. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/jp/jp_ru_relations/jp_ru_trade/ (дата обращения: 02.03.2014).
- Тэрада Такаси.* Восточноазиатский регионализм и Япония: формирование понятий региона и инициативы по их закреплению // *Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе*. М., 2009.
- Черевко К.Е.* О возможности окончательного урегулирования территориального спора между РФ и Японией. URL: <http://www.riss.ru/?commentsId=243> (дата обращения: 02.03.2014).
- Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / Ред. А. Арбатов, В. Михеев. URL: www.carnegie.ru/ru/pubs/ (дата обращения: 02.03.2014).
- Япония. Ежегодник 1982. М., 1982.
- Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2009.
- Япония в поисках новой глобальной роли. М., 2014.
- Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века. М., 2003.

На японском языке

- Вада Харуки.* Рёдо мондай-но синсирё-кара мита тайро синсэйсаку (Новый курс в отношении России в свете новых документов по проблеме «северных территорий») // *Росиа кэнкю*. 1997. № 25 (10).
- Гайко сэйсё (Голубая книга по дипломатии). URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/index.html> (дата обращения: 02.03.2014).
- Гэндай ёго-но дзитэн (Словарь современных терминов). Токио, 1983.
- Гэндай Росиа-о сирү тамэ-но 55 сё (55 глав книги, написанной, чтобы лучше знать Россию) / Ред. Симотомаи Нобуо. Токио, 2002.
- Дай 12 кай коккай кайгироку. Хонкайги дай 8-го. Сёва 26 нэн 10 гацу 26 нити (8-я часть стенограммы пленарного заседания палаты представителей 12-й сессии парламента Японии. 26 октября 1951 г.). URL: <http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/012/0512/01210260512008a.html> (дата обращения: 02.03.2014).
- Дай 13 кай коккай кайгироку. Хонкайги дай 70-го. Сёва 27 нэн 7 гацу 31 нити (70-я часть стенограммы пленарного заседания палаты представителей 13-й сессии парламента Японии. 31 июля 1952 г.). URL: <http://kokkai.ndl.go.jp/SENTAKU/syugiin/013/0512/01307310512070a.html> (дата обращения: 02.03.2014).
- Ёсими Ёсиаки.* Дзюгун ианфу («Женщины комфорта» в армии). Токио, 1995.

- Коккай кайгируку. Сюгийн хэйва дзёяку оёби нитибэй ампо. Сёва 26 нэн 10 гацу 19 нити (Стенограмма заседания комиссии по мирному договору и Договору безопасности с США. 19 октября 1951 г.). URL: <http://kokkai.ndl.go.jp/cgi-bin/KENSAKU/> (дата обращения: 02.03.2014).
- Минами Тисима (Южные Курилы). URL: <http://d.hatena.ne.jp/keyword/%C6%EE%C0%E9%C5%E7> (дата обращения: 02.03.2014).
- Минами Тисима (Южные Курилы). URL: <http://kotobank.jp/word/%E5%8D%97%E5%8D%83%E5%B3%B6?dic=daijisen&oid=17710300> (дата обращения: 02.03.2014).
- Накано Такэси*. ТТП бококурон (Теория гибели страны от ТТП). Токио, 2011.
- Нихон-но Хигаси адзиа косо (Японские концепции Восточной Азии) / Ред. Соэя Ёсихидэ, Тадокоро Масаюки. Токио, 2004.
- Нихон-но экаитай тэннэн гасу юню азэакоку дзёи дзюккакоку-но суйи (Динамика импорта СПГ Японией из десяти ведущих стран-экспортеров) URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/y8_3.pdf <http://www8.cao.go.jp/survey/h25/h25-gaiko/2-1.html> (дата обращения: 02.03.2014).
- Нихон то сёгайкоку-то-но канкэй гайко-ни кансуру ёрон тёса (Опросы общественного мнения об отношениях Японии с зарубежными странами). URL: <http://www8.cao.go.jp/survey/h25/h25-gaiko/2-1.html> (дата обращения: 02.03.2014).
- Рёдо мондай-ни гогун рокусон-га ару дзидзицу (Факты о том, что на «северных территориях» имеется шесть уездов и пять деревень) // Хоккайдо фан магадзин. 13 января 2010 г. URL: http://pucchi.net/hokkaido/horrou/horrou_vill6.php (дата обращения: 02.03.2014).
- Само Кадзю*. «Хата» ва оросарэта ка. Ёнто иппацу хэнкан («Флаг» опущен? Возвращение всех четырех островов). [2014]. URL: <http://www.asahi.com/international/history/chapter09/memory/01.html> (дата обращения: 02.03.2014).
- Сикотан ва Тисима дэс (Шикотан является частью Курил) // Хоппо рёдо мондай канрэн сирё (Документы по проблеме «северных территорий»). URL: <http://www.ne.jp/asahi/ссср/camera/HorrouRyoudo/Other/Topics/ShikotanKitte.htm> (дата обращения: 02.03.2014).
- Сэйфу кайхацу эндзё хакусё (Белая книга по Официальной помощи развитию). Токио, 2014.
- Сэкай то Нихон (1941). Ниссо тюрису дзёяку (Мир и Япония. Японо-советский Пакт о нейтралитете). URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPRU/19410413.T1J.html> (дата обращения: 02.03.2014).
- Тай Росиа суюё юнюхин-но суйи, тоси-бэцу (Импорт основных видов продукции из России, по годам). URL: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/y7_9.pdf (дата обращения: 02.03.2014).

- Тёкусэцу тоси токэй (Статистика прямых иностранных инвестиций) [2013]. URL: <http://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/fdi/> (дата обращения: 02.03.2014).
- Тюо сётё-но сэйсаку кэйсэй катэй. Нихон какурё-но кайбо (Процесс формирования политики в министерствах и ведомствах: анатомия японской бюрократии). Токио, 1999.
- Хакамада Сигэки*. Гэндай Росиа-о ёмитоку. Сякайсюги-кара тюсэй сякай-э (Современная Россия: путь от социализма к «средневековому обществу»). Токио, 2002.
- Хоппо рёдо кэйи. Дайёнхан (Ситуация вокруг «северных территорий». 4-е изд.) // Кокурицу тосёкан. Issue brief No. 697. URL: <http://www.ndl.go.jp/jp/data/publication/issue/pdf/0697.pdf> (дата обращения: 02.03.2014).
- ЕРА-ни кансүру какүсю сисан (Расчеты по вопросам, касающимся участия Японии в СЭП). Канцелярия кабинета министров Японии. 27.10.2010. URL: <http://www.npu.go.jp/policy/policy08/pdf/20101027/siryu2.pdf> (дата обращения: 30.07.2012).
- Гоо дзитэн. Минами Тисима (Большой цифровой словарь. Южные Курилы) // URL: <http://dictionary.goo.ne.jp/leaf/jn2/212891/m0u/%E5%8D%97%E5%8D%83%E5%B3%B6/> (дата обращения: 02.03.2014).

На английском языке

- Abe Shinzo*. Asia's Democratic Security Diamond. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe/> (accessed: 12.09.2013).
- Alexbank A*. Black Sea Over Japan. N.Y., 1972.
- Auslin M*. Japan Awakens // Foreign Policy. 02.05.2012. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/02/japan_awakens (accessed: 30.07.2012).
- Basic Policy on Comprehensive Economic Partnerships. November 6th, 2010. Ministerial Committee on Comprehensive Economic Partnerships. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/policy20101106.html/> (accessed: 30.07.2012).
- Bukh A*. Japan's History Textbook Debate: National Identity in Narratives of Victimhood and Victimization // Asian Survey. 2007. No. 47(5).
- Chanlett-Avery E., Manyin M.E., Cooper W.H., Rinehart I.E.* Japan-U.S. Relations: Issues for Congress. August 2, 2013 P. 5. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33436.pdf> (accessed: 12.09.2013).
- Cunningham M*. Prisoners of the Japanese and the Politics of Apology: A Battle Over History and Memory // Journal of Contemporary History. 2004. No. 39.

- Defending National Interests; Preventing Conflict. Shangri-La Dialogue 2013 Second Plenary Session. URL: <https://www.iiss.org/en/events/shangri%20la%20dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2013-c890/second-plenary-session-8bc4> (accessed: 12.09.2013).
- The Diplomatic History of Postwar Japan / Ed. by Makoto Iokibe. Routledge, 2009.
- Drifte R.* The Future of the Japanese-Chinese Relationship: The Case for a Grand Political Bargain // *Asia-Pacific Review*. 2009. Vol. 16. No. 2.
- Endicotte J.* Japan's Nuclear Option. N.Y., 1975.
- Evolution of Regionalism in Asia: Economic and Security Issues /Ed. by H. Dieter. Routledge, 2008.
- Ferguson J.P. Japanese-Russian Relations, 1907–2007. Routledge, 2008.
- Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XXIII. P. 1. Japan. Document 101. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d101> (accessed: 12.09.2013).
- Glaubitz J.* Between Tokyo and Moscow. The History of an Uneasy Relationship, 1972 to the 1990s. L., 1995.
- Glosserman B.* Straight Talk about Japan's Nuclear Option // *Pacific Forum*. CSIS. Honolulu, Hawaii. 2006. Number 50A. October 11. URL: www.pacforum.org. (accessed: 02.03.2014).
- Gries P.H., Zhang Qingmin, Masui Yasuki, Yong Wook Lee.* Historical Beliefs and the Perception of Threat in Northeast Asia: Colonialism, the Tributary System, and China–Japan–Korea Relations in the Twenty-First Century // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2009. Vol. 9.
- Halperin M.H.* The Nuclear Dimension of the U.S.–Japan Alliance. Section 5.U.S. Nuclear Policy and Japanese Nuclear Weapons. URL: www.nautilus.org/archives/library/security/papers/US-Japan-5.html (accessed: 02.03.2014).
- Hamada Tomoko.* Contested Memories of the Imperial Sun: History Textbook Controversy in Japan // *American Asian Review*. 2002. Vol. XX, No. 4, Winter.
- Hara Kimie.* Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945. L., 1998.
- Hara Kimie.* Norms, Structures and Japan's "North Territories" Policy // Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy / Ed. by Yoichiro Sato, Keiko Hirata. Palgrave Macmillan, 2008.
- Hasegawa Tsuyoshi.* The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations // *Neither War Nor Peace, 1985–1998*. Vol. 2. Berkeley, 1998.
- Hemmings J.* Law, Diplomacy and Doing Nothing: Managing the Senkaku/Diaoyu Dispute. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/12/22/law-diplomacy-and-doing-nothing-managing-the-senkakudiaoyu-dispute/?format=pdf> (accessed: 02.03.2014).

- Herranz H.L.* Diaoyu or Senkaku? Strained Relations in the East China Sea. URL: http://www.eias.org/sites/default/files/EIAS_September_2012_Island_dispute (accessed: 02.03.2014).
- History of the Northern Territories. Hokkaido Government Official Site. URL: <http://www.pref.hokkaido.lg.jp/sm/hrt/hp-en/hist-en.htm> (accessed: 02.03.2014).
- Horvat A.* Overcoming the Negative Legacy of the Past: Why Europe is a Positive Example for East Asia // *The Brown Journal of International Affairs*. 2004. Vol. XI. Issue 1.
- Hoshiyama Takashi.* New Japan–China Relations and the Corresponding Positioning of the United States — History, Values, Realism in a Changing World // *Asia-Pacific Review*. 2008. Vol. 15. No. 2.
- Hughes Ch.W.* Japan's Remilitarization. Routledge, 2009.
- Inoguchi Takashi, Bacon P.* Japan's Emerging Role as a 'Global Ordinary Power' // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2006. Vol. 6.
- Japan as a 'Normal Country': A Nation in Search of its Place in the World / Ed. by Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro, D.A.Welch. University of Toronto Press, 2012.
- Japan's Future in East Asia and the Pacific / Ed. by M. Pangetsu, Ligang Song). Canberra, 2007.
- Japan's International Relations. Politics, Economics and Security / Ed. by G. Hook. Routledge, 2007.
- Japan's Quest For Comprehensive Security. L., 1983.
- Jong Kun Choi, Chung-in Moon.* Understanding Northeast Asian Regional Dynamics: Inventory Checking and New Discourses on Power, Interest, and Identity // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2010. Vol. 10.
- Kaihara Hiroshi.* Contemporary Conservative Thoughts in Japan: Conservative Views on Morality, History, and Social Issues // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2009. Vol. 9.
- Kersten R.* Revisionism, Reaction and the 'Symbol Emperor' in Post-War Japan // *Japan Forum*. 2003. No. 15 (1).
- Kimura Hiroshi.* Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin. N.Y., 2000.
- Kingston J.* Awkward Talisman: War Memory, Reconciliation and Yasukuni // *East Asia*. 2007. No. 24.
- Lawson S., Tanaka Seiko.* War Memories and Japan's 'Normalization' as an International Actor: A Critical Analysis // *European Journal of International Relations*. 2011. No. 17.
- Medvedev to Pay Another Visit to Kuril Islands (2012). URL: http://voiceofrussia.com/2012_07_03/80063072/ (accessed: 09.02. 2014).
- Miyashita Akitoshi.* Where Do Norms Come from? Foundations of Japan's Postwar Pacifism // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7.

- Moore G.J.* History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // Journal of Chinese Political Science. 2010. No. 15.
- Mulgan A.G.* Why Japan is Lagging on the TPP. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/05/30/why-japan-is-lagging-on-the-tpp/> (accessed: 30.07.2012).
- Nagashima D.* Japan's Militarist Past: Reconciliation in East Asia? // Yale Journal of International Affairs. Fall Winter 2006.
- Network Power: Japan and Asia / Ed. by P.J. Katzenstein, Takashi Shiraishi. Cornell University Press, 1997.
- Nimmo W.F.* Japan and Russia. A Reevaluation in the Post-Soviet Era. L., 1994.
- Nozaki Yoshiko, Selden M.* Japanese Textbook Controversies, Nationalism, and Historical Memory: Intra- and Inter-National Conflicts // Japan Focus. URL: <http://www.japanfocus.org/-Mark-Selden/3173> (accessed: 09.02.2014).
- ODA Loan Report 2005. Tokyo, 2006.
- Omori Takashi.* A New Era for APEC and TPP // AJISS-Commentary. No. 140. URL: http://www.jiia.or.jp/en_commentary/201201/13-1.html (accessed: 12.09.2013).
- Onuma Yasuaki.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. No. 20.
- Pan Junwu.* Toward a New Framework for Peaceful Settlement of China's Territorial and Boundary Disputes. Leiden, 2009.
- Park Cheol Hee.* The Pattern of Cooperation and Conflict between Korea and Japan: Theoretical Expectations and Empirical Realities // Japanese Journal of Political Science. December 2009. Vol. 10. Issue 03.
- Pyle K.B.* Japan Rising: The Resurgence of Japanese Power and Purpose. N.Y., 2007.
- Rozman G.* Internationalism and Asianism in Japanese Strategic Thought from Meiji to Heisei [2008] // Japanese Journal of Political Science. 2008. No. 9.
- Rozman G.* Narrowing the Gap between China and Japan: Three Dimensions of National Identity and the Korean Factor // Japanese Journal of Political Science. March 2013. Vol. 14. Special Issue 1.
- Russia and Japan. An Unresolved Dilemma Between Distant Neighbors / Ed. by Tsuyoshi Hasegawa etc. Berkeley, 1993.
- Rynhold J.* Japan' Cautious New Activism in the Middle East: A Qualitative Change or More of the Same? // International Relations of the Asia-Pacific. 2002. Vol. 2.
- Samuels R.* Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. Cornell University Press, 2007.
- Smith R.D.* Security and International Fisheries Policy in Japan's Postwar Planning // Social Science Japan Journal. 2008. Vol. 11. No. 2.
- Solis M.* Japan and East Asian Economic Regionalism // The Routledge Handbook of Japanese Politics. Routledge, 2011.

- Suh J.J.* War-Like History or Diplomatic History? Contentions over the Past and Regional Orders in Northeast Asia // Australian Journal of International Affairs. September 2007. Vol. 61. No. 3.
- Takahashi Toshiya.* Japan's 2013 Defence White Paper Stirs Tensions with China. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/07/31/japans-2013-defence-white-paper-stirs-tensions-with-china/> (accessed: 12.09.2013).
- Tanaka Hitoshi.* Japan's Policy for East Asia // Asia Pacific Review. November 2007. Vol. 14, No. 2.
- Terada Takashi.* Northeast Asia's Eternal Triangle is Really an American Affair of Sorts. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/07/18/northeast-asia-s-eternal-triangle-is-really-an-american-affair-of-sorts/> (accessed: 30.07.2012).
- The US–Japan Alliance: Past, Present and Future / Ed. by M.J. Green, P.M. Cronin. N.Y., 1999.
- Wallace C.* Why the TPP will Not Be Noda's Next Big Challenge. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2012/07/16/why-the-tpp-will-not-be-noda-s-next-big-challenge/> (accessed: 30.07.2012).
- Wei Su S.* The Territorial Dispute over the Tiyaoyu/Senkaku Islands: An Update // Ocean Development & International Law. 2005. No. 36.
- Weston S.K.* The Democratic Party of Japan: Its Foreign Policy Position and Implications for U.S. Interests. URL: http://assets.opencrs.com/rpts/R40758_20090812.pdf (accessed: 30.07.2012).
- Wirth Ch.* China, Japan, and East Asian Regional Cooperation: The Views of 'Self' and 'Other' from Beijing and Tokyo // International Relations of the Asia-Pacific. 2009. Vol. 9.
- World and Japan (1956). 'State Department Memorandum on the Japan-Soviet Negotiations, The Aide-Memoire. September 7, 1956'. URL: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPRU/19560907.01E.html> (accessed: 02.03.2014).

Периодические издания

На русском языке

Время новостей

Знакомьтесь — Япония

Известия

Коммерсант

Международная жизнь

Независимая газета

Правда

Советская Россия

На японском языке

Акахата
Асахи дзянару
Асахи симбун
Иомиури симбун
Майнити симбун
Нихон кэйдзай симбун
Санкэй симбун

На английском языке

Asahi Evening News
Bulletin of Atomic Scientists
The Daily Yomiuri
Guardian
Financial Times
Japan Echo
Japan Forum
Japan Quaterly
The Japan Times
The Japan Times Weekly
Mainichi Daily News
Nation
The New York Times
NHK World
Times
Times of India

Интернет-сайты

Сайты государственных органов,
политических и общественных организаций

Сайт Ассоциации внешней торговли Японии: <http://www.jetro.go.jp>
Сайт Демократической партии Японии: <http://www.dpj.or.jp>
Сайт Министерства иностранных дел России: <http://www.mid.ru>
Сайт Министерства иностранных дел Японии: <http://www.mofa.go.jp>
Сайт Министерства обороны Японии: <http://www.mod.go.jp>
Сайт Организации Объединенных Наций: <http://www.un.org>
Сайт правительства Японии, посвященный участию в миротворческих операциях ООН: <http://pko.go.jp>
Сайт префектуры Хоккайдо: <http://www.pref.hokkaido.lg.jp>

Сайт Федерации экономических организаций Японии: <http://www.keidanren.or.jp>

Сайт Центральной исследовательской компании, проводящей социологические опросы по заказу Канцелярии кабинета министров Японии: <http://www8.cao.go.jp/survey/h25/h25-gaiko/2-1.html>

Аналитические сайты,
сайты «мозговых центров»
и исследовательских учреждений

<http://dic.academic.ru>
<http://japandaily.ru/>
<http://www.brookings.edu>
<http://www.eastasiaforum.org>
<http://www.hist.msu.ru>
<https://www.iiss.org>
<http://www2.jiia.or.jp>

Новостные сайты,
сайты информационных агентств,
газет, телевидения и иных СМИ

<http://Japantoday.ru>
<http://rbc.ru/>
<http://ria.ru/>
<http://rus.ruvr.ru>
<http://Sakhalin.info>
<http://www.cntv.ru>
<http://www.kp.ru/daily>
<http://www.newsru.com>
<http://www.polit.ru>
<http://www.pravda.ru>
<http://www.vremya.ru>

SUMMARY

In the postwar period, Japan passed a long way from a country that lost a war and lay in ruins to a prosperous democratic state, one of the indisputable political and economic leaders of the region and the globe. In the military and political areas, Japan made the alliance with the United States the cornerstone of its foreign policy. In the period of the cold war, against the background of global bipolarity system, Japan positioned itself as a part of the Western world which was in opposition to the Communist bloc.

After growing into the second world economy in the late 1960s, Japan was for a long time unable to realize its potential as a global political leader. Since the end of the Second World War, Japan, finding herself in the shadow of the United States, her senior partner in the security treaty, consistently carried out the Yoshida doctrine.

In its security policy, Japan was in an ambiguous position. On the one hand, Japan positioned itself as a pacifist power which renounced war as a means of solving international disputes and which carried the moral obligations as the unique country that had suffered from the use of atomic weapons. On the other hand, after accepting the security guarantees from the United States, Japan de facto recognized the legitimacy of the use of American military power, including the nuclear weapons, for protecting it against external aggression.

The largest watershed in the history of Japanese foreign policy in the postwar period was the end of the bipolar period. Disintegration of the socialist system caused the identity crisis of the strategic alliance with America that previously formed the basis of the entire foreign policy of postwar Japan.

The development of economic and strategic situation after the end of the cold war has repeatedly confirmed for Japan the importance of its relations with the United States. The Japan-US military alliance acquired an additional value in Japan's eyes in light of new challenges in the field of military security facing her in East Asia. Among them are the missile and nuclear development program of the DPRK involving a series of nuclear tests held since 2006, and the aggravation of territorial dispute with China, which after 2010 has entered the phase of an open armed conflict.

However, Japan started gradually deviating from the pacifist status and turning into a "normal state" void of any restrictions on a full-fledged military up-building. In its national security policy, Tokyo took a course of the intensification of military component. This course is justified by global developments

on the world scene, first of all by the economic weakening of the United States and their inability to cope alone with the task of securing the interests of the Western community all over the world. There are growing concerns in Japan related to China's military rise and the development of Pyongyang's nuclear program, as well as to the general instability in the international relations of East Asia.

Japan's relations with her Asian neighbors remained extremely complicated and tense. Japan continued the geopolitical rivalry with China. The political climate of bilateral relations was negatively affected by the unsolved problem of Senkaku/Diaoyudao. A serious diplomatic problem for Japan was caused by her territorial conflicts with neighbors rooted in the legacy of the Second World War. These conflicts emerged as a result of the San Francisco Peace Treaty that had failed to provide Japan with legally impeccable system of state borders. The current state of these conflicts, which in most cases has a deep historical background, is addressed in this book.

A large part of Japan's relations with China and South Korea is related to the outstanding historical issues of the Second World War, including the problem of formal apologies, the problem of history textbooks, the problem of "comfort women," as well as the issue of Japan's penance for the aggressive policy on the mainland, which in a broader sense retains its vitality on the international agenda. Many of these problems, unlikely to be solved in the immediate future, have in recent years caused a significant deterioration of the political climate in Japan's relations with her neighbors and even a freeze of high level political dialogue.

A significant impact on Japan's policy in the Asia-Pacific region is provided by domestic political considerations. They include the rise of nationalism, the growth of popularity of rightist ideology and its use by the political parties represented in the Parliament, as well as the appearance of new generations of Japanese that do not remember the atrocities of WWII. Of great significance is also the growth of populism in politics, forcing the state administration to make such decisions—including those in the sphere of foreign policy—as do not necessarily correspond to the national interests and address primarily the nationalist feelings of the electorate.

A special research issue tackled in the book deals with the institutional foundations of Japanese diplomacy in the Asia-Pacific region, namely the characteristic features of foreign policy decision-making process in postwar Japan and the place and the role of each policy-making institution in the formulation and implementation of Japan's foreign policy priorities in the Asia-Pacific region. The study of foreign policy decision-making process requires a good understanding of the eternal dialectics between its external and internal factors. For Japan, the enforcement of internal factors in the foreign policy decision-making process was also facilitated by the fact that the very notion of

national interests had been shaped in the context of domestic needs, especially the need for economic growth and integrated national security.

The book also pays special attention to Japan's participation in the processes of economic integration in the Asia-Pacific region over the past two decades, which has become an imperative for Japan. Given that more than half of the country's GDP is still ensured by export, the overall state of Japanese economy depends largely on the preferential arrangements in the sphere of foreign trade. The book explores the problem of Japan's accession to the Transpacific Partnership and other multilateral economic integration mechanisms. A serious academic problem lies in Tokyo's policy towards major international political formats of the Asia-Pacific region, and first of all the APEC. In addition, the book addresses the issue of the ODA, namely, how Japan uses the tools of development assistance to defend her own economic and political interests in the Asia-Pacific region.

A special place in the foreign policy priorities of postwar Japan in the Asia-Pacific region was held by her relations with Russia. This is due to the fact that, after the end of the cold war, relations with Russia have acquired a particular importance for Japan's national interests in the context of the relative weakening of her regional and global role, as well as due to the aggravation of the problem of energy resources, as Russia started to assume the role of key energy supplier to Japan.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1	
Субъекты внешнеполитического процесса в послевоенной Японии	29
Высшие органы власти	29
Правительство	32
Политические структуры	37
Деловые круги	40
Экспертное сообщество и общественное мнение	43
Глава 2	
Дипломатические и военно-стратегические аспекты политики Японии в АТР	48
Трансформация политики Японии в сфере военной безопасности	48
Ядерный фактор в политике обеспечения безопасности Японии	71
Проблемы исторического прошлого	101
Проблема принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао	121
Глава 3	
Япония и экономические организации АТР	139
Япония в структурах региональной экономической интеграции	139
Политика Японии в международных экономических организациях (на примере ВТО и АТЭС)	169
Официальная помощь развитию — важный ресурс политики Японии в АТР	179

Глава 4

Отношения Японии с СССР/Россией

в постбиполярный период	191
Политическая сфера	192
Сфера международной безопасности	197
Связи в сфере культуры, науки и образования	201
Торгово-экономические отношения	202
Проблема территориального размежевания	208
<i>Предыстория (до Второй мировой войны)</i>	209
<i>Ялтинско-потсдамская система</i> <i>международных отношений</i>	213
<i>Совместная советско-японская декларация 1956 г.</i>	223
<i>1960–1990 гг.</i>	226
<i>1990-е годы</i>	228
<i>2000-е годы</i>	230
Имиджологические проблемы	234
Институциональные факторы в японо-российских отношениях	249
Заключение	256
Список использованной литературы	263
Summary	275

Научное издание

Стрельцов Дмитрий Викторович

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЯПОНИИ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редактор *М.А. Унке*

Художник *Э.Л. Эрман*

Технический редактор *О.В. Волкова*

Корректор *И.И. Чернышева*

Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Подписано к печати 12.11.15

Усл. п. л. 17,5. Усл. кр.-отг. 18,0. Уч.-изд. л. 17,7.

Тираж 500 экз. Изд. № 8589. Зак. №

Академиздатцентр «Наука»

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Издательская фирма

«Восточная литература»

119049, Москва, Мароновский пер., 26

www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Стрельцов Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, профессор, специалист в области международных отношений и японоведения, заведующий кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета), профессор НИУ Высшая школа экономики, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. С 2008 г. председатель Межрегиональной общественной организации «Ассоциация японоведов».

Стрельцов Д.В. является автором более 200 научных трудов, в том числе четырех индивидуальных монографий: «Современный японский парламент» (М., Наука, 1994); «Система государственного управления в Японии в послевоенный период» (М., МАКС-пресс, 2002); «Япония как „зеленая сверхдержава“» (М., Издательство «МГИМО-Университет», 2012); «Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй» (М., АЙРО-XXI, 2013).

ISBN 978-5-02-036591-9

9 785020 365919